

PSY-ВЫШКА

МОСКВА 2020

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

PSY-Вышка

Международная научная конференция
(Москва, 31 октября – 2 ноября 2019 г.)

Сборник материалов

- © Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2020
- © Оформление. Редакционно-издательский дом
Российского нового университета, 2020

ISBN 978-5-89789-164-1

Москва
Редакционно-издательский дом
Российского нового университета
2020

УДК 159.9.07
ББК 88.9
Р96

Ответственный редактор
Е.С. Горбунова, канд. психол. наук, заведующая лабораторией когнитивной
психологии пользователя цифровых интерфейсов

Р96 PSY-Вышка [Электронный ресурс]: сборник материалов Международной научной конференции (Москва, 31 октября – 2 ноября 2019 г.) / [отв. ред. Е.С. Горбунова]; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Электрон. текстовые дан. – М.: Редакционно-издательский дом Российского нового университета, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.

ISBN 978-5-89789-164-1

Представлены материалы Международной научной конференции «PSY-Вышка» (Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 31 октября – 2 ноября 2019 г.). Рассмотрены результаты эмпирических исследований молодых специалистов в области психологии. Спектр исследований включает в себя работы по социальной и организационной, когнитивной психологии, психологии личности и психологическому консультированию, психологии развития и образования.

Для учащихся и преподавателей психологических вузов, конфликтологов, специалистов по международному праву, политологов, правоведов, социологов, экономистов, культурологов, журналистов, а также государственных служащих всех рангов и активистов правозащитных движений.

УДК 159.9.07
ББК 88.9

Текстовое электронное издание
Самостоятельное электронное издание

Минимальные системные требования:
процессор с частотой 1,3 ГГц или выше; ОЗУ 512 МБ; Microsoft Windows XP/
Vista/7/8/10; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше; CD-ROM; мышь

- © Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020
- © Оформление. Редакционно-издательский дом Российского нового университета, 2020

Программный комитет конференции

Фаликман М.В., д-р психол. наук, руководитель департамента психологии НИУ ВШЭ – председатель

Горбунова Е.С., канд. психол. наук., зав. лабораторией когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов – заместитель председателя

Агадуллина Е.Р., канд. психол. наук

Антонова А.А., канд. психол. наук

Белов А.В.

Благовецкий Е.Д., канд. биол. наук

Болотова А.К., д. психол. наук

Будинайте Г.Л., канд. психол. наук

Бушина Е.В., канд. психол. наук

Варга А.Я., канд. психол. наук

Вечерин А.В., канд. психол. наук

Галяпина В.Н., канд. психол. наук

Гулевич О.А., д-р психол. наук

Елисеенко А.С.

Иванова А.А.

Измагурова В.Л., канд. психол. наук

Исаева А.Н., канд. психол. наук

Кисельникова Н.В., канд. психол. наук

Ключарев В.А., канд. биол. наук

Корягина Н.А., канд. психол. наук

Костенко В.Ю., канд. психол. наук

Котов А.А., канд. психол. наук

Кургинян С.С., канд. психол. наук

Лебедева Н.М., д-р психол. наук

Логинов Н.И., канд. психол. наук

Львова Е.Н., канд. психол. наук

Люсин Д.В., канд. психол. наук

Молчанова О.Н., канд. психол. наук

Нартова-Бочавер С.К., д-р психол. наук

Орлов А.Б., д-р психол. наук

Осин Е.Н., канд. психол. наук

Поддьяков А.Н., д-р психол. наук

Рябиченко Т.А., канд. психол. наук

Сариева И.Р.

Спиридонов В.Ф., д-р психол. наук

Стакина Ю.М., канд. психол. наук

Старовойтенко Е.Б., д-р психол. наук

Татарко А.Н., д. психол. наук

Тюрин Н.А., канд. психол. наук

Уточкин И.С., канд. психол. наук

Фам А.Х., канд. психол. наук

Хачатурова М.Р., канд. психол. наук

Чеботарева Е.Ю., канд. психол. наук

Чумакова М.А., канд. психол. наук

Шадриков В.Д., д-р психол. наук

Шестакова А.Н., PhD

Щебетенко С.А., д-р психол. наук

Штроо В.А., канд. психол. наук

Яголковский С.Р., канд. психол. наук

Организационный комитет конференции

Макаров И.М., стажер-исследователь лаборатории когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов – председатель

Ангельгардт А.Н., *Воеводина Е.Ю.*, *Барелко К.*, *Глебо Н.Р.*, *Говорова Е.А.*,

Горбатова К., *Гришутина М.М.*, *Ермолова А.*, *Иванова П.С.*, *Кузнецова Е.В.*,

Лавелина Д., *Мартынова Е.Н.*, *Московченко Е.Н.*, *Никулина А.*, *Першкова Е.*,

Плаксина Э., *Расторгуева А.*, *Романчева Н.*, *Романова М.О.*, *Савина Д.Е.*, *Сажин Е.В.*,

Сапронов Ф.А., *Солдатова А.А.*, *Сяжки В.*, *Хорошкова Е.Д.*, *Шепелева Е.А.*,

Шилова В.Н., *Шорохова А.*

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ	13
<i>Wepari E.Y., Dubrov D.</i> The Relationship Between Social Beliefs and Career Interest Among High School Students in Ghana.....	14
<i>Колачев Н.И., Осин Е.Н., Шауфели В., Дезарт Ш.</i> Личностные ресурсы и выгорание у сотрудников библиотек Московской области.....	16
<i>Лобанова А.Н., Кузнецова А.С.</i> Представления студентов-психологов о целевом функциональном состоянии в переговорах.....	19
<i>Барабанищикова В.В., Султанова Ф.Р., Бояринов Д.М., Губайдулина Л.М.</i> Влияние способов времяпрепровождения на функциональные состояния водителей в пробках.....	22
<i>Сергеев С.Е.</i> Критическое мышление как фактор эффективности профессиональной деятельности психолога по ресоциализации подростков, подвергшихся деструктивному религиозному воздействию	26
<i>Naghi Radi Afsouran, Morteza Charkhabi, Fatemeh Mohammadkhani, Hakimeh Beheshtifar.</i> Shared Leadership and Team Performance: Testing the Mediating Role of Two types of Cognition and Affective based Trust in Teams	29
<i>Локшина В.И.</i> Специфика профессиональной мотивации сотрудников с разным уровнем лояльности к организации.....	31
<i>Кутуев Р.М.</i> Исследование выбора «выдающихся лидеров» на российской выборке.....	34
<i>Баева М.А., Хломов К.Д.</i> Актуализация темы буллинга и особенности чувствительности к справедливости.....	37
<i>Ретса С.Э.</i> Феномен отрицания гендерного насилия: анализ в свете представлений о гендерных стереотипах	40
<i>Кошеленко К.С., Чикер В.А.</i> Буллинг со стороны учеников и профессиональное выгорание учителей	43

<i>Фоломеева Т.В., Климочкина Е.Н.</i> Роль метакогнитивных убеждений при интерпретации модных трендов	46
<i>Карпук В.А.</i> Отличительные личностные особенности участников буллинга и кибербуллинга	48
<i>Усова В.В., Самыкина Н.Ю.</i> Исследование распознавания лжи у людей с разным уровнем эмоционального интеллекта.....	52
<i>Федотова С.В., Аветисян А.С.</i> Невербальное поведение и точность межличностного восприятия.....	54
<i>Чаусова А.Г., Гулевич О.А.</i> Адаптация Шкалы развития феминистской идентичности на русский язык	57
<i>Антонова Д.В., Бочаров В.В.</i> Качество партнерских отношений у людей, живущих с ВИЧ как предиктор роста эпидемии.....	60
<i>Катунова И.Д.</i> Особенности визуального определения возраста человека	63
<i>Кожухова Ю.А.</i> Особенности категоризации амбивалентных эмоциональных экспрессий.....	66
КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	69
<i>Полухова А.И., Сергеева О.М.</i> Зависимость успешности произвольного запоминания эмоционально окрашенного аудиального текста от актуального эмоционального состояния испытуемого	70
<i>Иванова А.П., Лошакова Е.Д., Сломинская С.П.</i> Использование обценной лексики как копинг-стратегии.....	73
<i>Маркина П.Н., Владимиров И.Ю.</i> Проверка источников сложности в инсайтных задачах со спичками	75
<i>Kuznetsova E., Shestakova A., Urchenko A., Gorin A., Levchenko E., Klucharev V.</i> Magnetoencephalographic Study of N400 Brain Generator Modulated by Semantic Context and Marketing Associations	78
<i>Басисини Н.М., Хломов К.Д.</i> Особенности траектории движения глаз при чтении в зависимости от типа носителя текста и скорости чтения	81
<i>Зотова Н.Е., Короткова И.С., Зотов М.В.</i> Моделирование перцептивной деятельности другого человека как автоматический процесс.....	84

Сиповская Я.И. Роль семантических категорий нарратива в контексте проявлений интеллектуальной компетентности, концептуальных, категориальных и семантических способностей.....	87
Мартынова Е.Н., Люсин Д.В. Эмоциональный эффект Струпа у студентов	90
Скуратова К.А., Шелепин Е.Ю. Роль магноцеллюлярной системы при освоении навыка чтения школьниками	93
Андрющенко Е.А., Щербакова О.В. Полнота понимания многозначных текстов у лиц с различными паттернами метакогнитивной регуляции эмоций.....	95
Блинова Е.Н., Щербакова О.В. Когнитивные особенности чтения текстов разного формата (вербальных и иконических).....	98
Ривин Д.Р., Щербакова О.В. Понимание комических текстов у людей с различными типами отношения к юмору (на примере интернет-мемов)	101
Dvoeglazova M., Sawada T. Perceiving Collinear, Parallel, and Perpendicular Contours	104
Мищенко Е.В., Негиши И., Горбунова Е.С., Савада Т. Действительно ли «знакомый размер» является признаком глубины пространства?.....	107
Карабанов А.П. «Это невероятно, поэтому обязательно произойдет»: субъективные оценки вероятности противоречат предсказанию наступления исхода	109
Горностаев И.С., Карабанов А.П. Влияние авторитета источника на оценку псевдоосмысленных и осмысленных высказываний.....	112
Лазарева Н.Ю., Чистопольская А.В., Акатова Н.Ю. Поиски механизмов инсайтного решения: декомпозиция семантического чанка.....	115
Майорова В.А., Чистопольская А.В. Влияние выученной моторной программы на специфику инсайтного решения у правой и левой.....	118
Ишмуратова Ю.А., Блинникова И.В. Стратегии анализа графических репрезентаций разного уровня студентами и профессионалами в области химии	121
Клеева Д.Ф. Особенности формирования инсайта в условиях индукции метакогнитивных чувств. ЭЭГ-исследование.....	124

<i>Зверев И.В.</i> Факторы применения имплицитного знания: перцептивная беглость vs эксплицитные гипотезы	127
<i>Abdul-Raheem Mohammed</i> . Individual Differences in Executive Functions and Emotion Regulation.....	130
<i>Dobnyuk K., Murzyakova N., Merzon L., MacInnes W.J.</i> Inhibition of return across multiple tasks and scene flicker	133
<i>Пленсковская А.А., Туревская Р.А.</i> Модель психического у детей с расстройством аутистического спектра	134
<i>Марков Ю.А., Тюрина Н.А.</i> Связывание размера и удаленности при оценке вариативности множества объектов: исследование с использованием бинокулярных и монокулярных подсказок.....	136
<i>Ануфриева А.А., Горбунова Е.С.</i> Параметры рабочей памяти и внимания (устойчивость, переключаемость) у пользователей оффлайн и онлайн органайзеров	139
<i>Ангельгардт А.Н., Горбунова Е.С.</i> Перцептивные характеристики и фактор знакомости стимула в зрительном поиске элементов интерфейса	142
<i>Макаров И.Н., Кутузова А.Б.</i> Влияние моторной тренировки на процесс разделение чанков в инсайтных задачах.....	145
<i>Рубцова О.С., Горбунова Е.С.</i> Существует ли превосходство категориального сходства целевых стимулов над перцептивным при «пропусках при продолжении поиска»?	148
<i>Ермолова А.М., Горбунова Е.С.</i> Фиксация взгляда на категориальных признаках целевого объекта в задаче зрительного поиска	151
<i>Талыбова Р.Ф., Кулиева А.К.</i> Эмоциональное восприятие антропоморфных визуальных образов и феномен «зловещей долины»	154
<i>Мотора Д.И., Федорова О.В.</i> Объем рабочей памяти человека и актуальные способы его измерения: сравнительный анализ методик для русскоязычных испытуемых	157
<i>Подшиваленко И.А., Смирницкая А.В., Владимиров И.Ю.</i> Мониторинг оценки временных интервалов как метод оценки специфики динамики инсайтного решения	160
<i>Чумакова М.А., Гаврилина А.Э., Глебо Н.Р.</i> Индивидуальные различия в построении репрезентации задачи	163

Фомина М.А., Козловский С.А., Федоров М. Произвольное и непроизвольное запоминание лиц с различными экспрессиями	167
Лунева А.Р., Коровкин С.Ю. Особенности межполушарного взаимодействия в решении творческих задач (поведенческие данные).....	170
<i>Maddex Farshchi.</i> Neural Substrates Underlying the Stereo 3D Perception: An fMRI Meta-Analysis Study	173
Благов И.А., Василенко Т.Д. Метод БОС как способ развития саморегуляции студентов через тренировку достижения состояния спокойствия	175
Сачек А.А., Громов К.Н., Радченко Г.С. Исследование сенсорной фильтрации при игнорировании и различении сигнала в задаче необычного стимула	177
Воярж А.Е., Ковш Е.М. Психологические особенности мужчин и женщин, носителей различных генотипов гена MAOA.....	180
Швец Е.А. Особенности функциональной связанности в состоянии спокойного бодрствования у индивидов с чертами повышенной тревожности	183
Паникратова Я.Р., Добрушина О.Р., Томышев А.С., Ахутина Т.В., Печенкова Е.В., Сеницын В.Е., Власова Р.М. Контекст-зависимость и функциональная связанность дорсолатеральной префронтальной коры.....	185
Михеев В.Ю., МакИннес Дж. Реакция зрачка на освещенность как способ обнаружить двойной ремаппинг	188
Яковлев Л.В., Сыров Н.В., Керимов Н.М., Ситников А.В., Викулова Н.П., Богушевич С.О., Карелина В., Ахметшина А.Д. Исследование влияния ЭЭГ-контролируемого представления движений на время реакции и утомляемость человека	190
Толмачева В.А., Дятлова О.В. Особенности нарушений управляющих функций у пациентов с болезнью Паркинсона и с болезнью Альцгеймера.....	193
<i>Levchenko E., Klucharev V.</i> Inter-Subject Correlation of Cortical EEG Signal During Natural Movie Viewing.....	196

<i>Асмолова А., Иванина Е., Иванов М., Новиков П., Никулин В., Назарова М.</i> Соматотопика феноменов ингибирования и фасилитации в двигательной коре, измеренных при помощи парной ТМС.....	198
<i>Моисеенко О., Шестакова А., Чан Р., Назарова М., Эррохо-Руиз М., Агранович О.</i> Использование парадигмы негативности рассогласования для картирования соматосенсорных областей в норме и патологии.....	201
<i>Цхадаиа Л.Г., Созинов А.А., Александров Ю.И.</i> Кросс-культурное исследование организации поведения достижения поощрения и избегания потери	204
<i>Вязовкина В.К.</i> Связь стратегий в области суждений и принятия решений и уровня интеллекта.....	205
<i>Глебо Н.Р., Гаврилина А.Э., Чумакова М.А.</i> Индивидуальные различия в построении репрезентации задачи	209
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ	212
<i>Каменева А.Г., Матюшкина А.А.</i> Влияние субъективного отношения на решение задач художественного содержания	213
<i>Сломинская С.П.</i> Корреляция локуса контроля и веры в экстрасенсорику	215
<i>Матросов Н.С.</i> Влияние отдыха на концентрацию внимания.....	217
<i>Куляпина А.М., Фам А.Х.</i> Роль рефлексии на разных этапах процесса выбора.....	219
<i>Селиванов В.В., Ганган А.В.</i> Особенности самоактуализации личности во взаимосвязи с чувством вины.....	221
<i>Sirotina U., Shchebetenko S., Riskind J.H.</i> Differential Effects of Loving-Kindness and Compassion Meditations on University Students' Emotions	224
<i>Акопян К.Г.</i> Эмоциональный интеллект как предиктор нетранзитивности в выборе ценностей	226
<i>Сергеева В.О., Неяскина Ю.Ю.</i> Особенности хронотопа мигранта при переезде из небольшого города в мегаполис (на примере миграции из различных регионов России в Санкт-Петербург).....	229

<i>Воеводина Е.Ю., Осин Е.Н.</i> ИмPLICITные концепции смысла жизни и уровень развития эго.....	232
<i>Деткина А.Ю.</i> Особенности построения профессиональной карьеры в контексте исследования психологического благополучия	235
<i>Чайка В.В.</i> Особенности когнитивного оценивания спортсменами ситуаций преднамеренно созданных им трудностей.....	238
<i>Петрова Е.А., Пахомова Ф.В.</i> Эмоциональные и личностные особенности женщин с болевым синдромом при эндометриозе	241
<i>Зимняков И.В., Фам А.Х.</i> Различия в субъективном качестве «простого» и «сложного» выбора у людей с разным уровнем толерантности к неопределенности.....	244
<i>Федюнина Д.Ю.</i> Возможности рисуночных методик для изучения психологических ресурсов преодоления трудностей спасателями	247
<i>Некрасова А.Е.</i> Образ старости как характеристика временной перспективы молодежи	250
<i>Кузьмина А.А., Костенко В.Ю.</i> Проявления уровня развития личности в тексте: синтаксические и лексические индикаторы.....	253
<i>Гришутина М.М., Костенко В.Ю.</i> Мотивационный аспект Возможных Я: исследование в рамках теории самодетерминации и экзистенциального подхода.....	256
<i>Кумченко С.К., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.</i> Этапы коррекции пола у лиц-транссексуалов как неоднородные социальные ситуации развития	259
<i>Галушкина М.С., Лебедева А.А.</i> Кризисные ситуации в перформативной деятельности танцора	261
<i>Качанова П.А., Молчанова О.Н.</i> Роль внутреннего диалога в переживании экзистенциального одиночества.....	264
<i>Назина Е.Д., Фам А.Х.</i> Обоснованная теория переломного жизненного события	267
<i>Аникина М.М.</i> Повышение аттракции в процессе интервью	270
<i>Эпельман А.М., Фам А.Х.</i> Выборы разного субъективного качества: основные сходства и различия в конструировании.....	273

<i>Феоктистова А.А., Лебедева А.Н.</i> Новые перспективы исследования феномена руминации	275
<i>Дурнева Д.С.</i> К вопросу об особенностях отражения опыта переживания войны в нарративе у бывших несовершеннолетних узников фашизма.....	278
<i>Шаяфетдинова Р.Р., Сагова З.А.</i> Психологические особенности переживания страха у спортсменов в предсоревновательный период (на примере керлинга).....	281
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ	284
<i>Кожевникова А.О., Пятакова Г.В.</i> Родительское отношение к болезни ребенка как фактор совладания в ситуации болезни у подростков с идиопатическим сколиозом	285
<i>Судакова Л.В., Чеботарева Е.Ю.</i> Особенности супружеских отношений в бинуклеарных семьях в зависимости от места проживания ребенка от предыдущего брака	288
<i>Гижицкий В.В. Негрий В.А.</i> Исследование психологических особенностей студентов, предрасположенных к научной деятельности	291
<i>Гаркуша Т.А., Смирнов А.А.</i> Психологическая коррекция учебной мотивации школьников с нарушениями слуха	294
<i>Морозова О.О., Пшеничникова И.В.</i> Формирование психолого-педагогических условий для снижения уровня тревожности у школьников	297
<i>Генералова А.П., Тихонов Р.</i> Взаимосвязь вопросов закрытого и открытого типа с эффективностью усвоения материалов МООК.....	300
<i>Зотова Д.В., Короткова И.С., Зотов М.В.</i> Патологическое использование социальных сетей и некоторые психосоциальные характеристики подростков: данные корреляционного анализа.....	303
<i>Faber A., Charkhabi M., Khalezov E., Liashenko A., Khagabanova T., Arsalidou M.</i> Is Cognitive School Engagement a Better Predictor of School Performance? Findings from Russian Students and Teachers.....	305
<i>Макашова А.В., Смирнова Я.К.</i> Способность ориентировки в понимании и применении ложных убеждений у детей с задержкой психического развития.....	307
<i>Смирнова Я.К., Макашова А.В., Мудрук А.А.</i> Айтрекинг-исследование дефицита совместного внимания	310

<i>Веракса А.Н., Гаврилова М.Н., Бухаленкова Д.А.</i> Вклад характеристик предметной среды детского сада в развитие когнитивной гибкости детей.....	313
<i>Борисова Е.Н., Лебедева Н.А.</i> Субъективное отношение к стрессу и его связь с результатами вступительных экзаменов абитуриентов Московского государственного университета имени Ломоносова...	315
<i>Фуникова Д.В.</i> Психологическая гуманитарная экспертиза среды проживания: студенческое общежитие и городская квартира.....	318
<i>Горбунов К.А., Лактионова А.И.</i> Роль рефлексии и агрессивности в просоциальной форме жизнеспособности подростков.....	321
<i>Зотова Д.В.</i> Патологическое использование социальных сетей и некоторые психосоциальные характеристики подростков: данные корреляционного анализа	324
<i>Макашова А.В.</i> Способность ориентировки в понимании и применении ложных убеждений у детей с задержкой психического развития	327
<i>Мудрук А.А.</i> Айтрекинг исследование дефицита совместного внимания	330
<i>Гаврилова М.Н.</i> Вклад характеристик предметной среды детского сада в развитие когнитивной гибкости детей	333
<i>Борисова Е.Н.</i> Субъективное отношение к стрессу и его связь с результатами вступительных экзаменов абитуриентов Московского государственного университета имени Ломоносова	335

Социальная и организационная психология

*Wepari E.Y., Dubrov D.,
National Research University Higher School of Economics*

THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL BELIEFS AND CAREER INTEREST AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS IN GHANA

Are generalized beliefs centered around the social world (social axioms) related to career interest? We need to understand how social beliefs can predict career interest among students also, gender differences in the preference for specific careers. Well-meaning students place much importance to career interest with their belief that it will help determine their future (Flores, Robitschek, Celebi, Andersen, & Hoang, 2010; Song & Glick, 2004). The question is what influences students one way or the other in their decision-making process? (Baines, 2009; Gushue, 2006). In recent studies, there are ideas that social beliefs can be one more factor of career interest with more predictive power (Bond, Leung, & Au, 2004), however, there are no empirical studies that could test this assumption in the Ghanaian context.

Methods

252 Ghanaian students participated in our study. (146 males representing 57.9%). There was fair representation from the various parts of the country with age ranging from 15 to 22 years. An online survey that comprises of Social Axiom Survey (predictor variable) and Holland's Career Interest Survey (RIASEC) (dependent variables) questionnaire containing 44 items and 42 items respectively were administered unto participants for data processing in our study. An online data collection platform known as www.1ka.si was relied on for data with a structured questionnaire with English language option distributed on social media and via reliable email addresses. Reversed items were recorded. Participants were required to indicate on 7-point Likert scale (1 – strongly disagree; 7 – strongly agree), for both

Social Axiom Scales and RIASEC scales. The items were mixed up to ensure reliability and consistency in response.

Results and Discussion

Our hypotheses: (a) Social beliefs are positively associated with career interest, (b) So-cial complexity is positively associated with interest in social careers among students, (c) Reward for application is positively associated with interest in enterprising careers interest among students and (d) Social cynicism is negatively associated with interest in realistic ca-reers interest among students were upheld. To test our hypotheses, Hierarchical Regression Analysis was conducted via SPSS version 21. Gender and social axioms were predictors of career interest dimensions. Each career interest dimension was regressed against the five social axioms. We also relied on Cronbach's alpha to estimate the internal consistency reliability of all variables. The results from regression analysis showed that career interest is predicted by social axioms and gender. Gender as an independent variable significantly predicted investiga-tive, social and enterprising. Gender has become a major factor that resulted in the prediction of career interest. The trending perception of females expressing interest in career interest like 'nursing, advertising, counselling, education' which symbolizes that they like to work with other people rather than things has not been supported by our study.

It should be on record that, the predictive power for social axioms was somewhat impres-sively high for many of these career interest factors. Our methodology relied on self-reported measures instead of recording observed behavior. Perhaps, additional self-efficacies, ought to be added to the predictive blend. Furthermore, certain behaviors are situationally responsive, suggesting the relevance of merging other social factors such as focusing on the perceived ec-centric of the interrelating associate, amongst our research design. We recommend that, gender should be a most looked-at-factor alongside social axioms in predicting career interest since there have been no empirical emphasis on this aspect.

Literature

1. *Baines, J.* (2009). What Are The Factors That Shape The Career Decisions Of LSE Students ?
2. *Bond, M. H., Leung, K., & Au, A. L.* (2004). Combining Social Axioms with Values in Predicting Social Behaviours, 191 (April 2003), 177–191.
3. *Flores, L. Y., Robitschek, C., Celebi, E., Andersen, C., & Hoang, U.* (2010). Social cognitive influences on Mexican Americans' career choices across Holland's themes. Journal of Vocational Behavior, 76(2), 198–210. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.11.002>
4. *Gushue, G. V.* (2006). The relationship of ethnic identity, career decision-making self-efficacy and outcome expectations among Latino/a high school students. Journal of Vocational Behavior, 68(1), 85–95. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2005.03.002>
5. *Song, C., & Glick, J. E.* (2004). College attendance and choice of college majors among asian-american students. Social Science Quarterly, 85(5 SPEC. ISS.), 1401–1421. <https://doi.org/10.1111/j.0038-4941.2004.00283.x>

*Колачев Н.И., Осин Е.Н., Шауфели В., Дезарт Ш.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ И ВЫГОРАНИЕ У СОТРУДНИКОВ БИБЛИОТЕК МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Благополучие сотрудников на работе является одним из приоритетных направлений организационной психологии. В то же время благополучие нередко сопряжено с негативными факторами – стрессом и профессиональным выгоранием

© Колачев Н.И., Осин Е.Н., Шауфели В., Дезарт Ш., 2020

(Schaufeli & Bakker, 2004). Работа библиотекарей относится к типу «помогающих профессий», в которых потребность в помощи нуждающимся, частота таких требований и ограничение доступных ресурсов часто приводят к стрессу (Smith & Nelson, 1983). Согласно ряду исследований, современные библиотекари часто подвергаются хроническому стрессу на работе в виде увеличения рабочей нагрузки, техностресса, межличностных проблем с клиентами и отсутствия карьерных перспектив (Sheesley, 2001; Harwell, 2013). Одним из распространенных негативных последствий подобных длительных стрессогенных факторов является профессиональное выгорание.

Одной из ключевых проблем в области изучения профессионального выгорания является вопрос о профилактике и борьбе с этим феноменом. Препятствовать развитию или сглаживать признаки выгорания могут личностные ресурсы человека, например, оптимизм, жизнестойкость, самоэффективность (Bakker & Demerouti, 2007).

Целью работы явилось изучение взаимосвязи профессионального выгорания и личностных ресурсов на выборке библиотекарей Московской области. Были выдвинуты следующие исследовательские вопросы:

1. Как связаны личностные ресурсы и синдром выгорания?
2. Какие социально-демографические переменные связаны с уровнем выгорания?
3. Различается ли связь личностных ресурсов и синдрома выгорания в разных библиотеках?
4. Различается ли эффект личностных ресурсов для сельских и городских библиотек?

Выборка состоит из 504 сотрудников городских и сельских библиотек, средний возраст которых составляет 48 лет, стандартное отклонение – 11. Подавляющее большинство участников исследования – женщины (96%). Две трети (71%) выборки имеет высшее образование.

В основу измерения профессионального выгорания легла модель Desart, Schaufeli, & de Witte (2017), включающая следующие шкалы: эмоциональное истощение ($\alpha = 0.89$), дистанция ($\alpha = 0.73$), пониженный когнитивный контроль

($\alpha = 0.84$), пониженный эмоциональный контроль ($\alpha = 0.85$). В работе использован общий фактор выгорания (сумма шкал) ($\alpha = 0.93$).

Для измерения жизнестойкости использовалась скрининговая версия опросника жизнестойкости из 12 утверждений, разработанная Е. Н. Осиным (Осин, 2013) ($\alpha = 0.87$). Оптимизм измерялся с помощью сокращенной версии шкалы диспозиционного оптимизма, адаптированной Т. О. Гордеевой, О. А. Сычевым и Е. Н. Осиным (Гордеева, Сычев, Осин, 2010) ($\alpha = 0.84$).

Самоэффективность измерена при помощи шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема, адаптированная на русский язык В. Г. Ромеком (Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996) ($\alpha = 0.92$).

Для ответа на сформулированные выше исследовательские вопросы применен многоуровневый регрессионный анализ (mixed-effects model). Этот подход оптимален в тех ситуациях, когда наблюдения «вложены» в более крупные структуры (в нашем случае: библиотекари «вложены» в библиотеки). Метод многоуровневой регрессии позволяет нам включать предикторы как относящиеся к индивидуальному уровню, так и к групповому (тип библиотеки).

Было показано, что уровень выгорания у испытуемых достаточно низкий, личностные ресурсы связаны с выгоранием тесно и отрицательно ($r_s = -.64$, $p < .01$). Эффект личностных ресурсов различается в среднем по библиотекам ($cov = -.08$, 95% CI[-.04; -.12]), но одинаков у работников сельских и городских библиотек ($\beta = .03$, 95% CI[-.15; .21]). Помимо личностных ресурсов, значимым предиктором уровня выгорания выступил возраст ($\beta = -.10$, 95% CI[-.18; -.02]), при этом вклад стажа работы оказался незначим. Уровень выгорания в среднем не различается в сельских и городских библиотеках.

Литература

1. Гордеева, Т.О., Сычев, О.А., Осин, Е.Н. (2010). Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT). Психологическая диагностика, 2, 36-64.

2. Осин, Е.Н. (2013). Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости. *Организационная психология*, 3(3), 42–60.
3. Шварцер, Р., Ерусалем, М., Ромек, В. (1996). Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*, 7, 71–76.
4. Bakker, A. B., Demerouti, E. (2007). The Job Demands-Resources Model: State of the Art. *Journal of Managerial Psychology*, 22(3), 309–328.
5. Desart, S., Schaufeli, W.B., De Witte, H. (2017). Op zoek naar een nieuwe definitie van burnout. *Overwerk*, 1, 86–92.
6. Harwell, K. (2013). Burnout and job engagement among business librarians. *Library Leadership and Management*, 27(1–2).
7. Schaufeli, W.B., Bakker, A.B. (2004). Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: A multi-sample study. *Journal of Organizational Behavior*, 25(3), 293–315.
8. Sheesley, D.F. (2001). Burnout and the academic teaching librarian: An examination of the problem and suggested solution. *Journal of Academic Librarianship*, 27(6), 447–451.

*Лобанова А.Н., Кузнецова А.С.,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ О ЦЕЛЕВОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ В ПЕРЕГОВОРАХ

В современном мире нет ни одного человека, которому не приходилось бы разрешать конфликты. Не секрет, что переговоры – наиболее эффективный способ достичь взаимопонимания. В последнее время растет потребность в квалифицированных специалистах, занимающихся не только

переговорами, но и состоянием человека в этом процессе. Для оптимизации функционального состояния человека необходимо четко понимать целевое или оптимальное состояние для данной ситуации. Таким образом, целью пилотажного исследования являлось выявление представлений студентов-психологов о целевом функциональном состоянии (ФС) в процессе переговоров. Нами была выдвинута гипотеза о различии взглядов на оптимальное функциональное состояние студентов специализации «Психология переговоров и разрешения конфликтов» и студентов других специализаций.

Для участия в исследовании были выбраны студенты 2 курса бакалавриата и 3 курса специалитета трех вузов в городах Москва, Ташкент и Баку. Участникам исследования (ими стали 96 студентов) была предложена анкета, состоящая из перечня 37 признаков оптимального ФС для переговорного процесса, сгруппированных в 5 блоков: физиологический компонент проявления ФС, эмоциональный компонент, поведенческий, когнитивный и рефлексивный. Анкета была разработана на основе принципов структурно-интегративного подхода к анализу ФС как целостной системы средств обеспечения деятельности. Студентам было предложено ранжировать признаки в каждом блоке в порядке убывания значимости.

Ранжирование показало региональную неспецифичность представлений студентов о главных признаках ФС, наиболее адекватного успешному проведению переговоров. К числу наиболее благоприятных признаков отнесены: (1) ощущение бодрости (средний ранг наиболее важного признака – 2,16; $\sigma = 1,47$); (2) разностороннее видение ситуации (4,14; $\sigma = 2,73$); (3) переживание уважения по отношению к людям (2,67; $\sigma = 1,65$); (4) умение действовать рационально для того, чтобы не допускать нежелательных реакций (1,78; $\sigma = 0,91$); (5) умение продемонстрировать уверенность и уважение к участникам (2,46; $\sigma = 1,67$).

Далее все данные были разбиты методом иерархического кластерного анализа на четыре группы. В наиболее много-

численный кластер вошли качества, характеризующие общее представление о работоспособности. Далее была выделена группа признаков, помогающих человеку, проводящему переговоры, сконцентрироваться на происходящем, быстро реагировать на изменения текущей ситуации. Также была выделена группа признаков, способствующих логическому анализу ситуации и группа признаков, позволяющих создать и поддержать контакт с собеседником. Были обнаружены следующие различия в отнесении признаков к разным кластерам студентами профильной специализации и остальных. Качество «Желание достигнуть компромисса» студенты специализации «Психология переговоров» относят к группе признаков установления поддержания контакта, а студенты других специализаций – к общему состоянию работоспособности. Группа признаков логического анализа ситуации у студентов профильной специализации связана исключительно с анализом конкретной ситуации, в то время как студенты других специализаций относят в эту группу анализ и конкретной ситуации, и ее изменений в будущем. Также для них имеет значение и рефлексивная оценка ситуации, тогда как студенты профильной специализации не выделяют рефлексивные признаки в одну группу.

Таким образом, в представлениях студентов-психологов главными ориентирами для формирования оптимального ФС в успешных переговорах являются: высокий уровень энергетической мобилизации ресурсов, системное видение текущей ситуации, способность действовать рационально как возможный способ контроля «прорыва» нежелательных реакций, переживание и демонстрация уверенности в своих возможностях уважения к противнику. Также для студентов-переговорщиков достижение компромисса не является обязательным атрибутом переговорной ситуации. Анализ происходящего для них относится только к конкретной ситуации. Было обнаружено, что студенты профильной специализации не связывают качества рефлексивного компонента в одно целое – для них это, скорее, разные качества из разных блоков проявления ФС.

Литература

1. Кузнецова А.С. Оценка эффективности спонтанных средств повышения работоспособности и саморегуляции функциональных состояний в офисных видах труда // Психология психических состояний / Под ред. О.А. Прохорова. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2009. Вып. 7. С. 354-371.
2. Леонова А.Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14, Психология. 2007. № 1. С. 87-103.
3. Мокшанцев Р.И. Психология переговоров. М.-Новосибирск, 2002.
4. Чернов А.В. Ментальные репрезентации познавательных состояний заинтересованности и вдохновения // Психология – наука будущего / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 531-534.

*Барабанщикова В.В., Султанова Ф.Р.,
Бояринов Д.М., Губайдулина Л.М.,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

ВЛИЯНИЕ СПОСОБОВ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ НА ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ВОДИТЕЛЕЙ В ПРОБКАХ

В настоящее время проблема дорожных пробок приобретает государственный масштаб. По данным сайта INRIX в 2018 году Москва заняла 1 место в мире по загруженности

© Барабанщикова В.В., Султанова Ф.Р., Бояринов Д.М., Губайдулина Л.М., 2020

дорог. Дорожные пробки несут экологический, экономический ущерб и негативно влияют на психологическое здоровье человека [3].

Исследования показывают, что основным психологическим последствием для водителей в пробках является развитие негативных функциональных состояний (ФС)

Различные способы времяпрепровождения водители используют как способы совладания с негативными ФС в пробках. Авторы выделяют активные и пассивные виды [2]. В комплексе междисциплинарных исследований дорожных пробок влияние способов совладания в них на уровень ФС становится актуальным направлением исследований.

Цель исследования: изучение влияния различных способов времяпрепровождения на ФС водителей в пробках.

Гипотезы исследования:

- Способы времяпрепровождения связаны с развитием негативных ФС.
- Уровень ФС зависит от количества времени, проведенного в пробке.
- Выборка. В эксперименте приняло участие 24 человека (средний возраст 19,3 года, 12 мужчин/12 женщин), из них 12 имеют водительские права.

Пакет методик:

- Опросник «Острый стресс» (А.Б. Леонова);
- Опросник на зрительное утомление (ЗУ) (А.Б. Леонова, Т.А. Шишковой);
- Опросник для оценки острого умственного утомления (УУ) (А.Б. Леонова);
- Опросник САН (В.А. Доскин и др.).

План исследования. Эксперимент состоял из трех 15-минутных серий, где на экране компьютера имитировалась ситуация пробки. Испытуемому ставилась задача: нажимать на кнопку при смене стоп-сигнала машины, которая находилась на экране перед ним. Три условия были предъявлены испытуемым в трех сериях равное количество раз и в различных комбинациях. Испытуемый заполнял буклет методик 4 раза: до эксперимента после 1,2,3 серии.

В качестве условий эксперимента были выделены 6 способов времяпрепровождения [2]: разговор с пассажиром, прослушивание музыки, разговор по телефону, отсутствие какой-либо деятельности, использование социальных сетей, решение головоломок (квизы).

Результаты

Значимых различий в уровне ФС между водителями и неводителями не было найдено, что дает основание в дальнейшем рассматривать полученные данные по всей выборке в целом.

Полученные средние значения по исследуемым шкалам методик находятся в диапазоне средних значений. Данные показывают, что все показатели выраженности ФС ухудшаются от серии к серии, самые низкие баллы получены в последнем замере. Был проведен сравнительный анализ между всеми показателями до проведения эксперимента по его окончании – после 3 серии (по Т-критерий). Уровень зрительного и умственного утомления значимо увеличивается ($T = -4,9$, при $p = 0,0001$; $T = -3,4$; при $p = 0,002$ соответственно), что можно объяснить сложностью поставленной задачи: 45 минут смотреть на экран, реагируя на изменения в различных экспериментальных условиях. По полученным данным, даже имитация нахождения в пробках негативно сказывается на настроении респондентов, уровень самочувствия и активности значимо уменьшается ($T = 2,7$, при $p = 0,014$; $T = 4,2$; при $p = 0,0001$ соответственно).

Для анализа выраженности показателей ФС мужчин и женщин в пробках был проведен поиск значимых различий по критерию Манна-Уитни. До начала эксперимента значения по шкалам зрительного и умственного утомления у женщин были хуже, чем у мужчин, что не дает возможности для дальнейшего сравнительного анализа.

Способ времяпрепровождения в пробке влияет на различные показатели состояний водителя. В исследовании было выявлено, что настроение испытуемых, отвечающих на вопросы квиза, было значительно выше, чем у тех, кто слушал музыку ($U = 21,5$; $p = 0,003$), ниже уровень умственного

утомления, в отличие от серии с отсутствием деятельности ($U = 38$; $p = 0,049$). Интересно, что вопреки ожиданиям, уровень острого стресса не связан со способом совладания.

Выводы

К основным выводам пилотажного исследования можно отнести следующие:

Способ времяпрепровождения в пробках влияет на настроение и ФС водителей, в особенности на уровень утомления.

Вне зависимости от способов времяпрепровождения дорожные пробки ведут к ухудшению ФС водителей. Наиболее значимые различия были обнаружены по шкалам ЗУ, УУ, самочувствию и активности.

У женщин показатель зрительного и умственного утомления был выше до начала эксперимента, что не позволяет делать выводы о зависимости развития ФС от половой принадлежности.

Результаты пилотажного исследования открывают перспективы для проведения дальнейших работ.

Литература

1. Кузнецова А.С., Чаморовская А.С. (2011). Возможности саморегуляции функционального состояния в ситуации управления автомобилем: совмещение конкурирующих задач. Современная экспериментальная психология, (2), 253–262.
2. Hatoyama, K., Nishioka, M. (2018). Drivers' Activities in Cars during Serious Traffic Congestion.
3. Stutzer, A., Frey, B.S. (2008). Stress that doesn't pay: The commuting paradox. Scan-dinavian Journal of Economics, 110(2), 339-366.

Сергеев С.Е.,

Российский государственный социальный университет

**КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ФАКТОР
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА
ПО РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ,
ПОДВЕРГШИХСЯ ДЕСТРУКТИВНОМУ
РЕЛИГИОЗНОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ**

Одной из значимых тенденций профессиональной психологии в России стало развитие системы превенции девиантного поведения, связанная как со спорадическим увеличением делинквентного поведения среди подростков, так и с ростом преступной активности, в том числе, организованной на основе идеологий религиозного фундаментализма и политического экстремизма, что дает сфере превенции девиантного поведения и ресоциализации подростков дополнительный стимул для своего научно-практического развития (Шегаев, Манойло, 2017).

Ресоциализация – это процесс переориентации в нравственно-ценностной и поведенческой сферах личности, способствующий формированию и усвоению социально-приемлемых ценностей (Волкова, 2007). Она включает в себя такие компоненты как консультирование о выходе, коррекцию поведения и комплекс мероприятий по усвоению новых или восстановлению утраченных навыков. Популярным компонентом в подобной работе становятся методы лого-терапии, когнитивной терапии и других стратегий, основанных на рациональном осмыслении реальности.

Вследствие включенности методов и профессионально важных умений в структуру ПВК специалиста, актуален вопрос об уровне развитости независимого мышления критического восприятия реальности у психологов, ответственных за процесс ресоциализации.

© Сергеев С.Е., 2020

Целью исследования является конкретизация комплекса ПВК личности психолога данного направления. Гипотеза исследования состоит в предположении об особом статусе критического мышления в структуре личности психолога данного направления. Перечень вероятных ПВК психолога был предложен для оценки профессорско-преподавательскому составу факультета психологии Российского государственного социального университета, слушателям курса профессиональной переподготовки «Клиническая психология» для выявления наиболее важных в сфере ресоциализации качеств, значимость каждого из них определялась по пятибалльной шкале.

В исследовании приняли участие 197 экспертов, представляющих различные сферы практической психологии. Основой для выводов послужили результаты математико-статистической обработки данных, выполненной с помощью компьютерной программы SPSS Statistics 22 и Excel 2016. В частности, были применен факторный анализ данных, выполненный методом выделения главных компонент, что позволило выделить показатели, имеющие наибольшую факторную нагрузку, в совокупности описывающих 51,792% дисперсии.

Первый, наиболее информативный фактор – «Просоциальность» (28,930% дисперсии), включает в себя маркеры поведения, которое направлено на принесение пользы обществу, при этом данное понятие обычно семантически связывается со «сверхнормативным», «помогающим» и «альтруистическим» поведением.

Второй по значимости фактор, «Социальный интеллект», описывающий 6,903% дисперсии, включает в себя навыки распознавания намерений, мотивов, мыслей и чувств другого человека на основе распознавания вербальных и невербальных сигналов, что говорит об интуитивной природе этого качества, его отличии от рационально-когнитивных свойств.

Третий фактор, «Эрудированность»(5,800%) включает в себя способность проявлять широкие знания в мировоззренческой области и психологии радикального экстремиз-

ма. Четвертый фактор, «Эмпатия» (5,472%) – осознанное понимание эмоционального состояния другого человека, также традиционно описывается учеными, как необходимый компонент профессионала многих социономических профессий.

«Независимость мышления» – фактор, описывающий 4,688% дисперсии, включает в себя такие компоненты как «харизматичность» (0,749), «чувство юмора» (0,733), «критическое мышление» (0,460).

Под независимым мышлением, в данном случае подразумевается структура, основывающаяся на критическом осмыслении реальности, интеллектуальной гибкости, готовности к переоценке ценностей (Волков, 2015). В то же время она полностью исключает такие качества как интеллектуальную ригидность и личные предубеждения. Несмотря на низкий показатель дисперсии, этот фактор занимает свое место в структуре приоритетных профессиональных качеств, выделяясь из прочих «полиотраслевых» качеств.

Обретение независимости и самостоятельности мышления на основе критичного восприятия реальности способствовало бы не только критичному восприятию радикальных лозунгов и экстремистки религиозно-политических программ, но и способствовало бы снижению восприимчивости к манипулятивным и популистским приемам СМИ.

Литература

1. Волкова С.В. Ресоциализация подростков с девиантным поведением в системе дополнительного образования: дисс. ... канд. пед. наук. М., 2007.
2. Волков Е.Н. Тесты критического мышления: вводный обзор // Психологическая диагностика. 2015, № 3. – С. 5–23. 1 п.л.
3. Шегаев И.С., Манойло А.В. Особенности борьбы с международным терроризмом в условиях его интернационализации // PolitBook. – 2017. – № 1. – С. 145–165.

*Naghi Radi Afsouran, Morteza Charkhabi,
Fateme Mohammadhani, Hakimeh Beheshtifar,
University of Guilan*

SHARED LEADERSHIP AND TEAM PERFORMANCE: TESTING THE MEDIATING ROLE OF TWO TYPES OF COGNITION AND AFFECTIVE BASED TRUST IN TEAMS

Introduction: shared leadership is “a dynamic, interactive influence process among in-dividuals in groups for which the objective is to lead one another to the achievement of group or organizational goals or both” [1]. Shared leadership facilitates team-based structures and enables the team-based organizations to enhance and improve team performance [2,3,4,5,6,7].

Aims: The first aim of this study is to test the relations between shared leadership and teamwork quality and team performance. The second aim is to test the extent to which these relations can be mediated by cognition based trust and affective based trust in teams. Method: To test our hypotheses, a sample of 186 full time employees (% 76.3 men and 23.7 women) from an Iranian organization were recruited by simple random sampling technique. Participants were asked to complete scales on shared leadership, cognition based trust and affective based trust in teams, teamwork quality and team performance.

Results: Pearson correlation analysis showed that there is a significant positive relation between shared leadership, teamwork quality and team performance. Also, path analysis using structural equation modeling revealed that the direct effect of shared leadership on team-work quality is significant but shared leadership did not directly predict team performance. In addition, both cognition based trust and affective based trust in teams mediated the relation between shared leadership and teamwork quality. Team work quality also mediated the link between shared leadership and team performance.

© Naghi Radi Afsouran, Morteza Charkhabi, Fateme Mohammadhani, Hakimeh Beheshtifar, 2020

Limitation: we used a cross-sectional research design to analyze the data that may limit the generalizability of our findings.

Practical Implementation: Applying shared leadership style can be suggested to the team-building people/managers and the companies that are based on teamwork.

Originality: this study suggests shared leaders as potential sources that are able to enhance teamwork quality leading to high level team performance through creating sense of cognitive and emotional trust in teams.

Key words: shared leadership, cognition based trust in team, affective based trust in team, teamwork quality, team performance.

Literature

1. *Pearce, C.L. and Conger, J.A. (2003), "All those years ago", in Pearce, C.L. and Conger, J.A. (Eds), Shared Leadership: Reframing the Hows and Whys of Leadership, Sage, Thousand Oaks, CA, pp. 1–18.*
2. *Barnes, B., Humphreys, J.H., Oyler, J.D., Pane Haden, S.S. and Novicevic, M.M. (2013), "Transcending the power of hierarchy to facilitate shared leadership", Leadership and Organization Development Journal, Vol. 34 No. 8, pp. 741–762.*
3. *Clarke, N. (2018). Relational Leadership: Theory, Practice and Development. London: Routledge.*
4. *Carson, J. B., Tesluk, P. E., & Marrone, J. A. (2007). Shared Leadership in Teams: An Investigation of Antecedent Conditions and Performance. Academy of Management Journal, 50, 1217–1234.*
5. *Ensley, M. D., Hmieleski, K. M., & Pearce, C. L. (2006). The Importance of Vertical and Shared Leadership within New Venture Top Management Teams: Implications for the Performance of Startups. The Leadership Quarterly, 17, 217–231.*
6. *Hoch, J.E. and Dulebohn, J.H. (2017), "Team personality composition, emergent leadership and shared leadership in virtual teams: a theoretical framework", Human Resource Management Review, Vol. 27 No. 4, pp. 678–693.*
7. *Wu, C.M. and Chen, T.J. (2018), "Collective psychological capital: linking shared leadership, organizational commitment, and creativity", International Journal of Hospitality Management, Vol. 74, pp. 75–84.*

*Локшина В.И.,
Ярославский государственный
университет имени П.Г. Демидова*

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЛОЯЛЬНОСТИ К ОРГАНИЗАЦИИ

Мотивация – один из важнейших и с трудом поддающийся изменениям фактор, который следует учитывать при приеме человека на работу и последующем построении системы ситуационного руководства [1]. В современных российских организациях все больше внимания уделяется лояльности работников своей компании, поскольку проблема лояльности очень актуальна в отношениях работник-работодатель для повышения производительности труда, а также в отношении качества всего отечественного производства [4, с. 45].

С целью диагностики мотивационных особенностей и уровня лояльности сотрудников сфер услуг и производства, а также проведения структурного анализа мотивов, нами было проведено исследование, в котором приняли участие работники сферы развлекательных услуг (ООО «Акваград») и работники сферы производства (ООО «Литейно-механический завод»). Основная гипотеза исследования: сотрудники с разным уровнем организационной лояльности характеризуются специфическими профессиональными мотивами. В состав методического обеспечения исследования вошли следующие процедуры: методика «Возможность реализации мотивов» Доминьяк В.И.; шкала измерения лояльности персонала организации Л.Г. Почебут и О.Е. Королевой; методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса; методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса, а также ряд математико-статистических методов обработки и интерпретации данных.

Анализ средней оценки по каждому мотиву в методике «Возможность реализации мотивов» (ВРМ) продемонстрировал то, что наиболее высокую личную значимость для работников «Акваград» представляют мотивы «Повышение собственной профессиональной компетентности», «Удовлетворение от процесса деятельности» и «Материальный достаток». В ходе анализа данных, полученных в процессе исследования уровня лояльности сотрудников «Акваград» с использованием шкалы измерения лояльности персонала организации Л.Г. Почебут и О.Е. Королевой, нами было выделено три группы, разделенных по критерию различий в уровне лояльности. Низкий уровень (25%), средний (65%), высокий (10%).

Анализ средней оценки по каждому мотиву в методике ВРМ, показал, что наиболее высокую личную значимость для работников «Литейно-механический завод» представляют мотивы «Ощущение успеха», «Ощущение собственной полезности, служение людям», «Удовлетворение внерабочих интересов», «Продвижение, карьерный рост». Важно отметить, что для данной части выборки показатели процентного соотношения работников, демонстрирующих определенную степень лояльности будут отличны от предыдущей группы испытуемых: низкий уровень (15%), средний (65%), высокий (20%). Далее по отношению к результатам был реализован метод «параллельных профилей». Также в соответствии с изложенными требованиями методологического плана был применен комплексный и развернутый метод структурно-психологического анализа компонентов мотивационной сферы личности в группах испытуемых, дифференцированных в соответствии с принадлежностью к той или иной организации. Данный метод осуществлялся в своем традиционном варианте на основе матриц интеркорреляций, каждой из которых соответствует определенная группа сотрудников каждой из двух исследуемых организаций. Полученные коэффициенты корреляции легли в основу подсчета индексов когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности структур (ИОС) компонентов мотивационной сферы лично-

сти в группах испытуемых [2, 3]. Вместе с тем, на основе этого были построены структурограммы компонентов мотивационной сферы личности в каждой группе, отражающие общую структурную организованность исследуемых мотивов, а также наличие между ними значимых взаимосвязей.

Полученные значения структурных индексов вполне наглядно демонстрируют динамику структурной организации исследуемых основных компонентов мотивационной сферы личности в исследуемых организациях. Показатели индексов когерентности общей организованности структуры мотивов сотрудников «Акваград» оказались значительно ниже, чем у работников «Литейно-механический завод», в то время как значения индекса дивергентности имеют очевидную тенденцию к увеличению, чего не наблюдается в первой группе. Вследствие этого целесообразно заключить, что для представителей «Акваград» имеют место явные дезорганизирующие тенденции, и, напротив, при анализе показателей структурных индексов, выявленных при исследовании другой группы был установлен факт высокой степени структурной организации мотивационной сферы личности. Иными словами, в данном случае наблюдаются противоположные – тенденции интегративного плана.

Литература

1. *Ivanova, S.V.* (2011). 100 percent motivation: And where is his button? Moscow: Alpina Publishers. (in Russ.).
2. *Karpov, A.A.* (2014). General abilities in the structure of metacognitive personality traits. Yaroslavl: YSU. (in Russ.).
3. *Karpov, A.A.* (2018). The structure of metacognitive regulation of managerial activity. Yaroslavl: YSU. (in Russ.).
4. *Karpov, A.V.* (2012). Organizational psychology. Moscow: Yurayt. (in Russ.).

Кутуев Р.М.,

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫБОРА «ВЫДАЮЩИХСЯ ЛИДЕРОВ» НА РОССИЙСКОЙ ВЫБОРКЕ

Исторические личности во многих культурах приравниваются к героям своей страны. Так, Т. Карлейл указывает, что вся «мировая история – это история великих людей» [цит. по 5, с. 18]. В нашем исследовании мы условно обозначаем таких исторических личностей как «выдающихся лидеров». В данном контексте интересны идеи М. Вебера, который ввел в науку понятие «харизматического лидера» – того, кто наделен сверхчеловеческими качествами или специфическими свойствами, которых нет у других людей [2, с. 225]. Схожие идеи у З. Фрейда, где лидер «обладает образом Отца и героическим образом» [цит. по 4 с. 71].

Опираясь на ведущую деятельность лидера, мы предлагаем следующую типологию разделения выдающихся лидеров по типам основных видов деятельности: политические (включая правителей государств), религиозные, спорта, публичные личности (телеведущие, блоггеры и т.д.) и лидеры сферы искусства (артисты, музыканты, писатели и т.д.), бизнес-лидеры, военные (включая полководцев), научные, криминальные.

Было проведено два исследования, с целью изучения выборов выдающихся лидеров на выборке представителей российской культуры, а также для выяснения того, к каким типам ведущей деятельности они чаще всего относятся. Гипотезами исследования выступали: 1) Респонденты чаще выбирают выдающихся лидеров, занимающихся политикой, чем лидеров, занимающихся другими видами деятельности. 2) Существуют гендерные различия в выборе исторических личностей, указываемых респондентами, как «выдающиеся лидеры».

Исследование №1 проводилось в формате написания эссе в рамках учебного задания на выборке студентов и маги-

© Кутуев Р.М., 2020

странтов. Выборка составила 108 респондентов из 5 учебных групп, в возрасте от 19-44 лет, 37 – мужчины, 71 – женщины. По результатам анализа 108 работ, были выявлены 9 лидеров, которые наиболее часто упоминались респондентами разных учебных групп: Генри Форд и Илон Маск (по 4 упоминания), Стив Джобс, Маргарет Тэтчер и Джефф Безос (по 3 упоминания). Чаще всего, респонденты выбирали для эссе политических лидеров (40%), бизнес-лидеров (37%), публичных личностей и лидеров искусства (10%). Гендерных различий в выборе лидеров с различным типом деятельности не выявлено. Выявлены различия по выбору выдающихся лидеров-женщин и мужчин. 90 работ были посвящены лидерам-мужчинам, только 18 работ – лидерам-женщинам, при том, что 66% респондентов – женщины. Результаты частично противоречат идеям Т.В. Бендас, которая отмечает растущую роль исследований женского лидерства [3]. Мы считаем, что полученные результаты связаны с определенными особенностями выбора выдающихся лидеров в рамках российской культуры.

Исследование №2 проводилось в формате анонимного анкетирования, где респондентам предлагалось дать ответ на открытый вопрос: «Укажите известную (в мире или достаточно широкому кругу людей) личность (лидер в своем деле), на которого Вам хочется равняться/к которому Вы относитесь с уважением». Выборка составила 127 респондентов, в возрасте от 17-66 лет (78% выборки – от 17-35 лет), 38 – мужчины, 89 – женщины. По результатам исследования наиболее часто упоминаемыми лидерами стали: Владимир Путин и Илон Маск (по 7 упоминаний – 6%), Далай-Лама (4 упоминания – 3%). Респонденты чаще всего упоминали публичных личностей и лидеров сферы искусства (44 упоминания – 37%), бизнес-лидеров (26 упоминаний – 22%), политических лидеров (23 упоминания – 19%). Частое упоминание публичных лидеров можно объяснить особенностями новой эпохи «цифровой промышленной революции», что приводит к формированию лидеров нового типа [1].

Также, как и в исследовании №1, респонденты чаще всего отмечали лидеров-мужчин (76%). Обнаружены гендерные

различия в выборе лидеров мужчинами и женщинами. Мужчины склонны выбирать политических лидеров (28%) и бизнес-лидеров (22%), женщины чаще выбирают публичных личностей и лидеров искусства (44%).

По результатам исследований гипотезы подтвердились частично. Отмечается тенденция выбора лидеров из публичной сферы (блоггеров). В то же время политические лидеры выступают одними из самых упоминаемых выдающихся лидеров. Данные тенденции должны быть проверены в исследованиях на больших выборках.

Литература

1. Базаров Т.Ю., Шевченко Ю.С. (2014). Организационный лидер посткризисного периода. *Организационная психология*. 4. 3. (69–86). URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru/> (дата обращения: 08.07.2019)
2. Базаров Т.Ю. (2017). *Управление персоналом: учебник для студ. учреждений сред. проф. образования*. М.: Издательский центр «Академия».
3. Бендас Т.В. (2011). Перспективы развития гендерной психологии лидерства в свете современных научных тенденций. *Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования*. 3. 12. (85–92).
4. Волобуева М.М. (2000). Философия харизматического лидерства и ее имплицитность в поле гуманитарного знания. *Вестник Известия АлтГУ*. 4. 18.
5. Сергеева С.А. (2012). Эволюция философских идей и концепций лидерства. *European Social Science Journal*. 11-2. 27. (13–21).

*Баева М.А., Хломов К.Д.,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМЫ БУЛЛИНГА И ОСОБЕННОСТИ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Несмотря на большой интерес психологов-исследователей к проблеме буллинга, важнейшие ее аспекты остаются недостаточно изученными. Очевидно, что буллинг влечет за собой негативные последствия, но, становясь свидетелем, не все готовы предпринять действия для его пресечения или снижения степени жесткости. Свидетели по-разному оценивают несправедливые акты травли: кто-то полагает, что правда на стороне агрессора, а другие защищают жертву. Существует ли разница при оценке ситуаций несправедливости у участников, которые заранее обсуждали проблему травли и участников, оценивающих свои ощущения в несправедливых ситуациях без какого-либо влияния?

Гипотеза исследования

Актуализация темы буллинга влияет на чувствительность к справедливости

Методика

Участниками исследования стали 30 человек – студенты 1–2 курсов в возрасте от 18 до 23 лет.

Мы использовали полуструктурированное интервью и опросник «Чувствительность к справедливости» [1].

Авторы русскоязычной версии указывают на то, что чувствительность к справедливости эффективно изучать из четырех выделенных исследователями ранее позиций: жертвы нарушителя, свидетеля и бенефициара– за каждой из которых стоят индивидуальные намерения, цели, переживания и представления о степени виновности/невиновности.

Участники были разделены на две группы по 15 человек, случайным образом с целью проверки возникновения различий в чувствительности к справедливости в ситуации актуализации воспоминаний или мыслей (рассуждений) о травле. С одной группой сначала говорили о буллинге, их опыте столкновения с ним, отношении к буллингу и возможных последствиях. Затем, им давали опросник на чувствительность к справедливости. Вторая группа в самом начале заполняла опросник, а затем у них спрашивали о буллинге, однако здесь не имела место быть актуализация информации о травле и ее влияние на участников. После сбора данных ответы респондентов обрабатывались – опросник в соответствии с ключами.

Из обработанных интервью для заполнения таблицы смещения брались данные об: 1) опыте участия в буллинге, 2) стратегии поведения участника при свидетельстве – встал на сторону жертвы/остался в стороне/встал на сторону агрессора. Далее мы провели статистическую обработку и работали с выдвинутыми гипотезами.

Результаты и интерпретация

По полученным результатам мы выявили, что значимые различия между исследовательскими группами есть только по шкале чувствительность к справедливости с позиции свидетеля (По шкале рангов = 115).

За каждой шкалой стоят индивидуальные намерения, цели, переживания и представления о степени виновности/невиновности. При актуализации воспоминаний мы видим, что испытуемые больше оправдывают жертву (находясь со стороны свидетеля) критичнее относятся к агрессору. Вероятно, это значит, что люди после беседы о травле начинают относиться к этому несправедливому явлению более критично, так как вспоминают негативные последствия, которые проявились на участниках инцидента из их опыта, переживают негативные эмоции, полученные в прошлом опыте столкновения с буллингом вновь, реагируют на актуальность и остроту проблемы травли, что побуждает их серьезнее отнестись к несправедливым ситуациям.

Таким образом, после актуализации об опыте свидетеля в ситуации буллинга, участники были более чувствительны к теоретическим моделям несправедливых ситуаций с другими людьми. По полученным данным, в группе, где актуализация темы буллинга предшествовала измерению уровня чувствительности к справедливости, значения шкалы опросника «чувствительность к справедливости с позиции свидетеля» имеют значимые различия с показателями данной шкалы у второй группы – с которой говорили об опыте столкновения с буллингом после.

Малый размер выборки исследования является ограничением, но позволяет говорить о наличии тенденции внимательнее относиться к случаям травли, совершать попытки по прекращению при актуализации. Гипотеза подтверждена, и мы планируем продолжить исследования, включив в него людей различных социальных групп, и выстроить дальнейшие исследования по изучению моделей поведения свидетелей буллинга и их взаимосвязи с различными факторами влияния.

Литература

1. Адамян А.А., Нартова-Бочавер С.К., Шмитт М. Опросник “Чувствительность к справедливости”: валидизация на русскоязычной выборке // Психологический журнал 2018. Том 39. № 4 С. 105–116
2. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен// Психология. Журнал высшей школы экономики, 2013. Т. 10. № 3.
3. Федунина Н.Ю. Представления о триаде «Преследователь – жертва – наблюдатель» в кибербуллинге в англоязычной литературе – Журнал «Психологические исследования». ISSN 2075-7999
4. Byrne B.J. Bullies and victims in school settings with reference to some Dublin schools // Irish Journal of Psychology. 1994. 15. 574–586.

Рется С.Э.,

*Московский государственный
психолого-педагогический университет*

ФЕНОМЕН ОТРИЦАНИЯ ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ: АНАЛИЗ В СВЕТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПАХ

Гендерное насилие (ГН) – собирательный термин, под которым мы понимаем любую форму насилия, направленную на человека в связи с его половой и/или гендерной принадлежностью (Andronnikova, 2017; Laktionova, 2011).

Отсутствие достоверной информации о распространенности ГН, принятое в социуме недоверчивое и осуждающее отношение к пострадавшей стороне (Kletsina, 2015) обуславливают возникновение такого феномена, как отрицание гендерного насилия (ОГН), т.е. толкования ситуаций ГН как безопасных и/или гендерно нейтральных (Retsya, 2019).

Цель представленного исследования – описание особенностей толкования ГН. Объект – толкование ситуаций ГН людьми юношеского и молодого возраста, предмет – феноменология толкования ГН при различной склонности к гендерным стереотипам и гендерному поведению в данной выборке.

Гипотезы исследования:

Большую склонность к ОГН проявляют люди, в большей степени подверженные гендерным стереотипам и придерживающиеся гендерного поведения, соответствующего их биологическому полу;

Наибольший уровень ОГН проявляется в толковании ситуаций, не имеющих очевидной юридической значимости.

Для оценки склонности к гендерным стереотипам и особенностей гендерного поведения были использованы методы:

Структурированного интервью с элементами семантического дифференциала;

Тестовой диагностики, включивший в себя «Полоролевой опросник» С.Бэм, «Полоролевой опросник» в модификации И.С. Клециной и методику МиФ в модификации Н.В. Дворянчикова.

Для оценки качественных особенностей идентификации и толкования ситуаций ГН нами была составлена проективная методика «Идентификация ситуаций ГН». Она представляет собой 16 не связанных между собой сюжетно описаний различных ситуаций, которые могут иметь место в реальной жизни. 7 из них – примеры конфликтных ситуаций, не имеющих под собой гендерной основы, а 9 других – примеры ситуаций гендерного насилия разной степени выраженности.

Полученные данные были проанализированы качественно и количественно, с использованием контент-анализа и U-критерия Манна-Уитни.

На основе анализа литературных данных и эмпирических результатов было выделено восемь классов толкования ситуаций ГН, которые можно объединить в две группы: идентификация ГН и отрицание ГН.

Статистический анализ показал, что частота проявления ОГН-реакций не связана со склонностью к гендерным стереотипам и гендерному поведению, соответствующему биологическому полу ($p > 0.05$). Здесь проявилась изменчивость гендерных стереотипов гендерного поведения. Содержание социальных гендерных стереотипов довольно противоречиво: одни (например, стереотипы о природной агрессивности мужчин и зависимости и несамостоятельности женщин) являются скорее одобряющими некоторые проявления ГН, другие (стереотип о недопустимости рукоприкладства в отношении женщин) согласуются с противоположным мнением. При этом гендерное поведение, оцениваемое с помощью методики МиФ и интервью, отражает лишь демонстрируемые человеком гендерные проявления, которые могут не отражать его внутреннего самоощущения как феминного/маскулинного. Также полученные результаты говорят о том, что в данной выборке люди чаще проявляют ОГН-реакции по отношению к ситуациям, не имеющим очевидной юридической значимости ($p = 0.012$).

Выводы:

Можно выделить восемь классов возможных вариантов толкования ситуаций ГН: позитивная и негативная идентификация ГН, позитивное и негативное отрицание гендерной составляющей ситуации, позитивное и негативное отрицание насильственной составляющей ситуации и позитивное и негативное ОГН;

Распространенность ОГН среди женской и мужской выборки одинакова, однако распространенность негативного отрицания насильственной составляющей ситуации достоверно выше у молодых женщин, а распространенность негативного ОГН – среди молодых мужчин;

Такие составляющие ГИ, как подверженность гендерным стереотипам и особенности гендерного поведения, не связаны со склонностью людей к различным видам ОГН, что говорит о несостоятельности первой гипотезы;

Склонность к ОГН достоверно выше при толковании ситуаций, не имеющих очевидной юридической значимости, что говорит о подтверждении второй гипотезы.

Литература

1. *Andronnikova O.O., & Veterok E.V.* (2017). Gender characteristics of victim behavior as a result of violation of social development. *Psihologicheskije nauki*, 3(57), 111–113. (in Russ);
2. *Kletsina I.S., & Ioffe E.V.* (2015). Gender approach in the analysis of the causes of violence in close relations between men and women. *Zhenschina v rossijskom obschestve*, 1(74), 4–17. (in Russ);
3. *Laktionova M.A.* (2011). Gender-based violence as interdisciplinary problem. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya*, 1, 97–106. (in Russ);
4. *Retsya S.E., & Lukovtseva Z.V.* (2019). Denial of gender-based violence: introduction to the problem. *Psihologiya i pravo*, 9, 85–95. (in Russ).

*Кошеленко К.С., Чикер В.А.,
Санкт-Петербургский государственный университет*

БУЛЛИНГ СО СТОРОНЫ УЧЕНИКОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ УЧИТЕЛЕЙ

По определению норвежского психолога D. Olweus «буллинг» – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти и физической силы субъектов социального взаимодействия (D.Olweus,1993). Еще в 80-х гг. прошлого века Д. Олвеус провел анонимное исследование буллинга среди учеников в школе и с тех пор буллинг и его проявления остаются актуальной темой психологических исследований. Однако сфера отношений, когда буллингу подвергается учитель со стороны учеников, изучена менее всего.

Ряд исследований показывает, что учителя, которые обращались за помощью в связи с буллингом со стороны учащихся, испытывают чувство остракизма, слабости и унижения, изоляцию со стороны коллектива (С. De Wet, 2010), не получают адекватной поддержки, а также рассматриваются коллегами как некомпетентные (А. Terry, 1998).

Последствия буллинга учителей со стороны учеников выражаются в снижении качества преподавания и результатов работы учителя, его желании сменить работу (Д.И. Сапрыкина, 2018), изменении, ухудшении (вплоть до глубоких депрессий) настроения учителя (А. Terry, 1998), а также отражаются на личной жизни учителя, учебном процессе в классе и отношениях учителя с другими людьми в обществе (С. De Wet, 2010).

Все обозначенные симптомы прямо или косвенно говорят о профессиональном выгорании учителей. В связи с этим актуальным, на наш взгляд, является вопрос о связи буллинга учителей со стороны учеников и их профессионального выгорания.

© Кошеленко К.С., Чикер В.А., 2020

В настоящее время под «выгоранием» понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает в себя три основные составляющие: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений (Н.Е.Водопьянова, Е.С.Старченкова, 2005).

Цель нашего исследования – изучение связи уровня профессионального выгорания учителей и их субъективного восприятия подверженности буллингу со стороны учеников.

Основываясь на изложенном, мы выдвинули гипотезу, что чем интенсивнее учитель подвергается буллингу со стороны учеников, тем сильнее выражено у него профессиональное выгорание, и наоборот.

Объектом исследования стали учителя средней образовательной школы одного из городов России. Из 59 штатных учителей школы в исследовании приняли участие 45 человек (42 женщины и 3 мужчины). Нами изучались личностные психологические характеристики учителей, а также формы и интенсивность буллинг-действий по отношению к учителям со стороны учеников.

Для проверки гипотезы нами были выбраны авторская анкета «Буллинг-действия учеников по отношению к учителям» и Опросник МВИ К. Маслач.

В авторскую анкету были включены 19 буллинг-действий, которые педагог должен был оценить по шкале от 0 до 8 баллов, в зависимости от частоты таких действий по отношению к себе. Все буллинг-действия были разделены нами на четыре группы: вербальный, физический, моральный и буллинг, связанный с запретами и игнорированием (М.Л. Бутовская, 2012).

Опросник МВИ К. Маслач, применялся в адаптации Н.Е. Водопьяновой, с подсчетом индекса синдрома выгорания (ИСП) (Е.И. Лозинская, 2007).

В ходе исследования методом корреляционного анализа Спирмена нами было установлено, что имеется положительная статистически значимая связь между показателями

общего уровня выгорания (ИСП) ($p < 0,05$), эмоционального выгорания ($p < 0,01$), деперсонализации ($p < 0,01$) и морально-го буллинга, а также между показателями деперсонализации ($p < 0,01$), эмоционального выгорания ($p < 0,05$) и буллинг-действиями, связанными с запретами и игнорированием.

Таким образом, наша гипотеза подтверждена. Между тем, нельзя судить о направленности такой связи: интенсивность буллинга со стороны учеников увеличивает уровень профессионального выгорания учителей, или уровень выгорания делает учителей более подверженными буллинг-процессам? Такой аспект поставленной нами проблемы нуждаются в продолжении исследования.

Литература

1. Бутовская М.Л. Луценко Е.Л. Ткачук К.Е. Буллинг как социокультурный феномен и его связь с чертами личности у младших школьников// Этнографическое обозрение. – 2012. – № 5. – С. 139–150.
2. Водопьянова Н.Е. Старченкова Е.С. Синдром выгорания. – Питер – 2005.
3. Лозинская Е.И. Лутова Н.Б. Вид В.Д. Системный индекс синдрома перегорания (на основе теста МВИ)// Методические рекомендации. НИПНИ им. Бехтерева. – СПб. – 2007.– 19 с.
4. Сапрыкина Д. И. Черненко Ю.А. Феномен буллинга в российских школах: учителя – жертвы // Коммуникации. Медиа. Дизайн. –2018.– Том 3.– № 2. – С. 136–150.
5. De Wet C. Victims of educator-targeted bullying: a qualitative study // South African Journal of Education. – 2010. – № 30. – С. 189–201.
6. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do // Cambridge, MA: Blackwell. – 1993.
7. Terry A. Teachers as targets of bullying by their pupils: a study to investigate incidence// British Journal of Education Psychology. – 1998. – Т. 68 (2). – С. 255–269.

*Фоломеева Т.В., Климочкина Е.Н.,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова*

РОЛЬ МЕТАКОГНИТИВНЫХ УБЕЖДЕНИЙ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОДНЫХ ТРЕНДОВ

То, что мы думаем о нашем мышлении, процесс самомониторинга и самоинтерпретирования, зависит от нашей личной и семейной истории, групп принадлежности (Норсајо, и др., 2017), социально-экономической ситуации и культурного контекста (Yzerbyt, и др., 1994). Социальный контекст по своей природе создает и аккумулирует информацию появляющуюся стихийно, что приводит к столкновению убеждений индивида и смене метакогнитивных убеждений.

Кроме того, метакогнитивные убеждения являются продуктом не только личных установок, социальных стереотипов (Clore, и др., 1994), культурных конструктов, но и могут быть экспериментально изменены через социальное влияние (Dweck, 1990).

На трансформацию метакогнитивных убеждений воздействует новая полученная информация при ее расхождении с ранее принятыми убеждениями индивида (Wolfe M., 2018). Модная индустрия репрезентирует актуальные тенденции, посезонно изменяя транслируемые идеи. Одежда, обувь, аксессуары как атрибут модной индустрии наделяются новым значением и транслирует вложенные идеи, которые воздействуют на трансформацию метакогнитивных убеждений, тем самым, влияя на восприятие реальности индивидом (Frith, 2012).

Перед нами стояла задача определить роль метакогнитивных убеждений при интерпретации модных трендов, которые репрезентируют ценности общества. Новизна исследования заключается в небольшом количестве исследований о метакогнитивных процессах в социальной психологии.

Выборку составили 25 участников (молодые женщины и мужчины, $M = 27,7$, $Sd = 3,6$). Исследование состояло из нескольких этапов: анализ модных трендов, интер-вьюирование участников, использование опросников: «Метакогнитивной включенности в деятельность» Schraw & Dennison в адаптации (Karrov, et al., 2005) для оценки уровня метакогнитивной включенности, для исследования метакогнитивных убеждений присущих участникам была использована методика «Краткая версия опросника метакогнитивных убеждений» Wells & Cartwright-Hatton в адаптации на русскоязычной выборке (Sirota, et al., 2018). Основная аналитическая работа была проведена методом феноменологического анализа интервью для последующего сопоставления с результатами по опросникам.

Обработка результатов методик показала, что метакогнитивная включенности в деятельность (MAI) различается у представителей выборки ($Mean = 197,28$; $Sd = 20,007$). Корреляция по коэффициенту Пирсона выявила связь между MAI и метакогнитивными убеждениями (МУ): «Внимательностью к собственным мыслительным процессам» ($p = 0,004$), «Позитивными убеждениями о беспокойстве» ($p = 0,001$) и «Контроле над собственными мыслями» ($p = 0,049$).

Для значимого МУ «Негативные убеждения, связанные с неуправляемостью и опасностью беспокойства» ($M = 12,68$, $Sd = 4,80$) характерна негативная оценка волнения отрицательные последствия при наличии тревоги. При анализе модных трендов это выражается в критичном отношении к трендам. Общей чертой является убежденность в различиях между людьми, которые увлечены модой и ее культурным значением, и «остальными», кто относятся к категории людей, одевающихся из побуждения «быть кем-то другим» или собственной слабости, ведомости. С точки зрения формы, этим участникам свойственны сложные по конструкции высказывания, уточнения собственных слов, содержание насыщенное примерами из собственной жизни или «от авторитетов» в их сфере.

МУ «Позитивные убеждения, касающиеся беспокойства» ($M = 8,92$, $Sd = 3,35$) выражаются в убеждении, что волнение

помогает избежать проблем и «разложить все по полочкам». Отличительной чертой участников является эмоциональность и экспрессивность.

Значимые показатели по МУ «Контроль мыслей» ($M = 10,04$, $Sd = 3,52$) и «Когнитивная несостоятельность» ($M = 9,56$, $Sd = 3,33$) были выявлены у небольшого количества участников, где «Контроль мыслей» означает способность отслеживать и фильтровать посещаемые мысли, а «Когнитивная несостоятельность» характеризует неспособность использовать когнитивные функции эффективным способом (неспособность запоминать, недоверие своей памяти).

Таким образом, наше исследование демонстрирует, что присутствует роль метакогнитивных убеждений при восприятии модных трендов, что выражается в специфическом отношении к трендам при выраженных различных метакогнитивных убеждениях.

Карпук В.А.,

Российский государственный гуманитарный университет

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА И КИБЕРБУЛЛИНГА

Целью нашего исследования было выявление и сравнение личностных особенностей участников буллинга и кибербуллинга, изучение связи степени вовлеченности в ситуацию травли в разных ролевых позициях с социальной тревожностью, групповой идентичностью и субъективным благополучием.

Гипотеза исследования: существуют отличительные личностные особенности участников буллинга и кибербуллинга в уровнях групповой идентичности, субъективного благополучия и социальной тревожности.

© Карпук В.А., 2020

Методики: опросник социальной тревоги и социофобии (Сагалакова, Труевцев, 2012), методика диагностики субъективного благополучия личности (Шамянов, 2018), методика «Я в группе» В. Шутца в модификации Гребенниковой О.В. и специально разработанная анкета, направленная на определение степени участия в буллинге и кибербуллинге, а также характера роли участия.

Всего в исследовании приняли участие 62 человека в возрасте от 17 до 25 лет, среди них 37 женщины и 25 мужчин.

В результате статистической обработки данных с использованием непараметрического критерия Mann-Whitney U test и коэффициента ранговой корреляции Спирмена были обнаружены следующие результаты:

По характеру групповой идентичности, респонденты с преобладающе формальным отношением к группе отличаются самыми низкими показателями вовлеченности в буллинг и кибербуллинг с позиции жертвы.

В то же время респонденты, которые по уровню индивидуальных особенностей восприятия группы характеризуются негативной, отрицательной установкой, демонстрируют выраженный показатель вовлеченности в буллинг и кибербуллинг с позиции жертвы, а также имеют самый высокий показатель социальной тревожности, а также самый низкий показатель гедонистического благополучия.

На уровне взаимосвязи (корреляционного анализа) нам удалось выявить:

Респонденты с высоким уровнем вовлеченности в буллинг и кибербуллинг с позиции жертвы характеризуются высокими показателями социальной тревожности и низким уровнем эмоционального благополучия. При этом респонденты подвергающиеся реальной травле помимо вышеуказанных показателей социальной тревожности, характеризуются также высоким уровнем постситуативной руминацией и желанием преодолеть тревогу в экспертных ситуациях. И помимо низкого уровня Эго-благополучия, характеризуются низким уровнем социально-нормативного благополучия.

Респонденты с высокой вовлеченностью в ситуацию кибербуллинга с позиции инициатора травли характеризуют-

ся высоким уровнем тревоги при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес, страхом потери субъективного контроля, а также избеганием непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях.

Таким образом, мы можем заключить, что ситуация буллинга и кибербуллинга действительно являются схожими во многих социальнопсихологических аспектах переживания, но существуют и отличия. Ключевым отличием является, что кибербуллинг осуществляется скорее из мотивов сохранения контроля, который существует в меньшей степени, потому что общение в интернете непосредственное, опосредовано через информационную среду и в меньшей степени связано с утратой субъективного благополучия. У жертв кибербуллинга в меньшей степени понижается уровень субъективного благополучия, но также повышается уровень социальной тревожности как и в ситуации реальной травли.

Гипотеза, подтвердилась лишь частично. Если человек относится к группе формально, т.е. эмоционально и личностно не включен в нее, то он реже становится инициатором травли. Наблюдается также тенденция к более редкому оцениваю себя также и жертвой реальной и виртуальной травле, но не на уровне значимых отличий.

В то же время отрицательное отношение к группе ведет к более частому оцениваю себя как жертвы буллинга и кибербуллинга. Но отрицательное отношение к группе может быть не вследствие пережитого эпизода групповой агрессии по отношению к респонденту, также вероятно, что из-за изначального негативного оценивания группы, человек склонен расценивать любое расхождение с группой как агрессию и травлю в свой адрес.

Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод, что в современной ситуации транзитивности, множественности выбора, у человека остается возможность выбора в том числе своего отношения к группе, степени эмоциональной и личностной вовлеченности, а следовательно, остается возможность регулировать субъективное переживание буллинга и кибербуллинга.

Литература

1. *Olweus D.* Bullying at school: What we know what we can do. N.Y.: Wiley-Black – well, 1993
2. *Craig W., Pepler D.J.* Observations of Bullying and Victimization in the School Yard // Canadian Journal of School Psychology. 1997. Vol. 13(2). P. 41–60.
3. *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
4. *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. <http://psystudy.ru>.

Усова В.В., Самыкина Н.Ю.,

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ИССЛЕДОВАНИЕ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛЖИ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Началом исследований процессов распознавания лжи людьми считаются работы П. Экмана. Им были изучены и выделены основные детерминанты точности распознавания обмана, такие как речь, лицевая экспрессия, жесты, физиологические реакции [3]. Лицо является эмоционально-сигнальной системой, по которой можно «считывать» эмоции. «Когда человек пытается скрыть ложь или когда в его сознании на мгновение появляется некая мысль, это в течение доли секунды отражается на его лице». Однако в то же время П. Экман пишет, что закономерности процесса распознавания лжи от-

© Усова В.В., Самыкина Н.Ю., 2020

сутствуют, так как люди в основной своей массе распознают обман на уровне случайного угадывания [3]. Это противоречие обозначило вопрос, связаны ли высокая способность понимать и распознавать эмоции и состояния другого со способностью распознавать ложь, или это является случайным угадыванием.

Целью исследования является выявление связи между способностью к распознаванию лжи и уровнем эмоционального интеллекта.

В основу исследования положена следующая гипотеза: существует взаимосвязь между уровнем эмоционального интеллекта (ЭИ) и способностью распознавать ложь.

Методы исследования. Для проведения исследования с целью проверки гипотезы была разработана процедура эксперимента. Экспериментальная процедура предоставлялась участникам единым блоком, состоящим из 2 этапов в следующей последовательности: 1 этап – предъявление видеороликов-историй, заполнение бланка, 2 этап – заполнение опросника эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д.В. Люсина.

На первом этапе использовался специально созданный видеоматериал, который состоял из инструкции и 11 видеороликов-историй, каждый из которых был продолжительностью не более 1 минуты. Каждую историю рассказывал респондент, заведомо зная, полностью правдивую и ложную он будет представлять. Всего было 3 респондента, которыми выступили девушки 22 лет. Перед каждым повествователем стояла задача рассказать 1–2 полностью правдивые истории и 1–2 полностью ложные на свое усмотрение. Оценка способности к распознаванию лжи производилась по 11-бальной шкале, рассчитывающейся исходя из количества правильных ответов: 11, 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1. Задачей испытуемых было угадать, какие истории были ложные, какие – правдивые. Свои ответы они фиксировали после просмотра каждой истории в специальном бланке, давая развернутые пояснения своего решения (могли выделить те черты поведения, вербалики и невербалики, на которые они обратили внимание и которые повлияли на решение).

На втором этапе, для проверки уровня эмоционального интеллекта был использован опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» Д.В. Люсина, в котором нас интересовали шкалы: шкала МЭИ (межличностный ЭИ), шкала ВЭИ (внутриличностный ЭИ), шкала ПЭ (понимание эмоций), шкала УЭ (управление эмоциями) и рассмотрели общий показатель ЭИ (ОЭИ) [1].

В исследовании приняли участие 53 человека, среди которых 17 мужчин и 36 женщин в возрасте от 15–55 лет. Средний возраст испытуемых – 24,16.

Для обработки данных использовался статистический критерий U Манна-Уитни, направленный на выявление различий в изучаемых группах в зависимости от переменной, коэффициент корреляции Пирсона, а также метод качественного анализа данных.

Результаты показывают, что не было обнаружено значимых связей между шкалами ЭИ и способностью распознавать ложь. У людей и с высоким, и с низким уровнем ЭИ есть как успешное определение ложного материала, так и неуспешное. Мы выделили ряд факторов, которые могли отразиться на полученных результатах, а также могут быть отмечены, как факторы, влияющие на способность распознавать ложь. Часть факторов связана с личностью самого изобличителя, его мотивацией и рисками, другая часть факторов освещает личность лжеца, а также есть факторы, которые основываются на характере отношений между лжецом и изобличителем. На основе комментариев участников исследования, которые они выделили как признаки лжи и правды, был составлен список вербальных и невербальных проявлений лжи и правды по частоте упоминания в бланках участников.

Таким образом, проведенное исследование не позволяет нам говорить о связи распознавания лжи и уровнем эмоционального интеллекта. Распознавание лжи является более сложным процессом, чем восприятие и понимание базовых эмоциональных состояний и невербальной экспрессии. Дальнейшие наши исследования будут направлены на изучение других психических детерминант распознавания лжи.

Литература

1. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. Психол. диагностика. – 2006. – 165.
2. Фрай О. Детекция обмана и лжи. – СПб.: Прайм-еврознак, 2005. – 320 с.
3. Экман П. Психология лжи. – СПб: Питер, 1999. – 270 с.

*Федотова С.В., Аветисян А.С.,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ТОЧНОСТЬ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ

В эмпирических работах широко представлены проблемы связи личностных черт и невербального поведения, влияние личности на невербальную сензитивность, особенности экспрессии влияют на формирующийся образ объекта познания (Нэпп М., Холл Дж., 2014). Реже исследуется возможность оценки личности на основе невербального поведения, что стало основной проблемы данной работы.

Теоретический объект – межличностное познание на основе невербального поведения. Предмет – точность межличностного познания личности на основе невербального поведения.

Респонденты оценивали по 10-балльной шкале личностные черты 4 натурщиков: 2-х на фото и 2-х на видео без звука. Использовался черно-белый стимульный материал. Далее респонденты заполняли личностный опросник и проходили интервью о процессе оценки.

© Федотова С.В., Аветисян А.С., 2020

Использовался «Опросник черт характера взрослого человека» (Русалов В.М., Манолова О.Н., 2003). Респонденты опирались на краткие описания черт. Оценки на основе видео оказались значимо точнее оценок на основе фото (критерий Манна-Уитни). Для оценки выраженности эффекта все оценки были разделены на 3 группы: низкая выраженность черты, средняя выраженность и высокая. Если оценка относилась к той же группе, что и результаты опросника натурщика, то это оценивалось как правильная оценка. Таким образом, правильные оценки по фото выставлялись в 36% случаев, а по видео – 51%.

Можно предположить, что увеличение точности происходит за счет возможности более полно рассмотреть человека на видео. То есть, основой построения образа все еще является внешность. Другая интерпретация заключается в том, что люди выражают свою личность посредством невербальных систем коммуникации (Лабунская, 2009). То есть, точность обусловлена тем, что невербальное поведение изначально связано с личностью. А. А. Бодалев утверждает, что на фото личность не раскрывается. Личность может проявить себя в трудовой деятельности, учебной и общении (Бодалев, 1982). Соответственно, здесь объяснительным принципом выступает «раскрытие личности», она должна себя проявить, чтобы быть достоверно оцененной. С этой точки зрения данное исследование можно рассматривать как сравнение точности в ситуации, в которой человек не проявил свою личность, и в которой проявил себя в общении с помощью невербальных средств коммуникации. Таким образом, феномен не испытывает дефицита в теоретических обоснованиях его существования.

Наблюдается противоречие результатов данного исследования и эмпирических работ, указывающих на то, что дополнительные сведения не помогают человеку делать более точные выводы (Berry, 1991; Borkenau, Liebler, 1992; Dunning, Griffin, Milojkovic, 1990). Анализа несоответствия результатов данного исследования и результатов других эмпирических работ, объясняются особенностями поставленных в них целей и используемых методических приемов.

Интервью выявило трудности в оценивании черно-белых фотографий и видео, т.к. подобная цветовая гамма ассоциируется с чем-то депрессивным, что важно в связи с частым использованием такого стимульного материала в эмпирических исследованиях (Барабанщиков В.А., 2009; Шестопап Е.Б., 2018).

Выводы:

Невербальное поведение является значимым фактором, определяющим точность межличностного познания личности. На основе особенностей экспрессивного поведения оценки личностных черт становятся значительно более точными.

Было выделено несколько возможных интерпретаций основных результатов работы, для уточнения которых требуется организация дальнейших уточняющих исследований.

Выявлена возможность черно-белого стимульного материала, выступать в виде побочной переменной.

Литература

1. Барабанщиков В.А. Восприятие личностных особенностей человека по выражению его лица // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов измерения / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – С. 40–59.
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с
3. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 342 с.
4. Нэпп М., Холл Дж. Невербальное общение. – СПб.: Питер, 2014. – 464 с.
5. Русалов В.М., Манолова О.Н. Опросник черт характера взрослого человека (ОЧХ-В). Методическое пособие. – М.: 2003. – 100 с.
6. Шестопап Е.Б. Политическая психология: Учебник для студентов вузов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 368 с.
7. Berry D.S. Accuracy in Social Perception: Contributions of Facial and Vocal Information. *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – Vol. 61. – p. 298–307.

8. Borkenau P., Liebler A. Trait Inferences: Sources of Validity at Zero Acquaintance. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. – Vol. 62. No. 4. – p. 645–657
9. Dunning, D., Griffin, D. W., Milojkovic, J. & Ross, L. The overconfidence effect in social prediction. *Journal of Personality and Social Psychology*. –1990. – 58. – p. 568–581

*Чаусова А.Г., Гулевич О.А.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

АДАПТАЦИЯ ШКАЛЫ РАЗВИТИЯ ФЕМИНИСТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Среди различных подходов к изучению феминистской идентичности можно выделить изучение ее развития. Свою теорию развития феминистской идентичности предложили Н. Даунинг и К. Рауш (Downing, Roush, 1985). Согласно этой теории, развитие идет от поддержания существующей иерархии (доминирование мужчин над женщинами) и негативной я-концепции к пересмотру традиционных половых ролей, позитивной я-концепции и совершению значимых действий для улучшения положения женщин. Это развитие состоит из пяти стадий: пассивного принятия, откровения, включенности-эманации, синтеза и активной приверженности.

Позже на основе этой теории была создана Шкала развития феминистской идентичности (Feminist identity development scale, FIDS) (Bargad, Hyde, 1991).

Цель и задачи. Целью исследования является адаптация Шкалы развития феминистской идентичности на русский язык, анализ ее структуры и сравнение этой структуры со структурой оригинального опросника.

© Чаусова А.Г., Гулевич О.А., 2020

Были сформулированы следующие задачи:

- перевести опросник;
- собрать данные, провести обработку результатов;
- сравнить структуру оригинального опросника и структуру, полученную на российской выборке.

Методика FIDS включает в себя 39 вопросов и состоит из 5 шкал, соответствующих стадиям развития феминистской идентичности. Утверждения оценивались по 5-балльной шкале Лайкерта (от «1 – совершенно не согласна» до «5 – совершенно согласна»).

Опросник был переведен на русский язык и размещен на платформе 1ka.si. В окончательную выборку вошли 298 женщин, возраст = 25.51, SD = 7.37.

Анализ данных

Для анализа результатов был использован конфирматорный анализ в R в пакете lavaan (Rosseel, 2012).

Была создана модель, идентичная оригинальной. Она продемонстрировала низкое соответствие исходным данным, поэтому были проанализированы индексы модификации для внесения изменений в методику. Были удалены утверждения с большими факторными нагрузками не на те шкалы, в которые они должны входить согласно оригинальной модели, а также утверждения с большими факторными нагрузками на две и более шкалы. Из каждой пары коварирующих суждений было удалено суждение с меньшей факторной нагрузкой. Далее для выравнивания размера шкал из первой шкалы была удалена часть вопросов с меньшими нагрузками.

Результаты и обсуждение результатов

Итоговый вариант методики включает в себя 23 утверждения. Для краткой версии был проведен конфирматорный факторный анализ, результаты которого показывают, что модель демонстрирует хорошее соответствие данным, $2 = 383.058$, CFI = 0.939, TLI = 0.929.

Оригинальная модель сохранили свою структуру на российской выборке, количество факторов осталось таким же, по

смысловому содержанию шкалы в целом повторяют оригинальные. Однако из шкалы включенности-эманации «выпали» все вопросы, которые содержали в себе слово «феминизм». Это может означать, что мы имеем дело с респондентами, которые принимают идеи феминизма, но не идентифицируют себя как феминисток. В дальнейшем исследовании с использованием этого опросника следует добавить дополнительный вопрос на самоидентификацию для разграничения этих двух групп.

Также возникает один важный вопрос – точно ли это стадии? Например, в вопросах шкалы синтеза содержатся утверждения о мужчинах, которые воспринимаются как личности, а не как члены враждебной группы. Однако нет никакой возможности убедиться, что мужчины до этого воспринимались респондентками именно как враги.

Для завершения адаптации методики необходимо будет в дальнейшем проверить внешнюю валидность, используя созданные на русском языке или адаптированные методики, которые измеряют конструкты, связанные с феминистской идентичностью.

Выводы

В рамках проведенного исследования была проведена адаптация на русский язык методики оценки развития феминистской идентичности и предложена краткая версия этой методики, включающая 23 утверждения. Полученная модель показала хорошее соответствие исходным данным.

Необходимо провести дальнейшее исследование для проверки внешней валидности.

Литература

1. *Bargad, A., Hyde, J.S. (1991). A Study of Feminist Identity Development in Women. Psychology of Women Quarterly, 15, 181–201.*
2. *Downing, N.E., Roush, K.L. (1985). From Passive Acceptance to Active Commitment; A Model of Feminist Identity Development for Women. The counseling psychology, 13 (4), 695–709.*
3. *Rosseel, Y. (2012). lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. Journal of Statistical Software, 48(2), 1–36.*

*Антонова Д.В., Бочаров В.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский благотворительный фонд
«Гуманитарное действие»*

КАЧЕСТВО ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ У ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ С ВИЧ КАК ПРЕДИКТОР РОСТА ЭПИДЕМИИ

В России распространение ВИЧ-инфекции приобрело характер пандемии [1]. Половой путь передачи ВИЧ вышел на первое место – все сексуально активное население страны входит в группу риска [2, 3].

Были изучены психологические особенности сексуальности у ЛЖВ как предиктор роста эпидемии ВИЧ. Данные особенности отражают то, каким образом сексуальная сфера представлена в психике и психика влияет на сексуальную сферу. В качестве психологических особенностей сексуальности мы изучали партнерские отношения у ЛЖВ.

У ЛЖВ значимо нарушена сексуальная сфера. Партнерские отношения также нарушены, в них присутствует дисбаланс (желание получить поддержку и многочисленные страхи). Подобное нарушение оказывает сильное воздействие на здоровье и психологическое состояние ЛЖВ. Депрессивная и тревожная симптоматика становится более выраженной, растет уровень стресса, что приводит к пренебрежению методами защиты при сексуальных контактах. Достаточно часто встречается сокрытие ВИЧ-статуса от партнера [5, 6]. Причины сокрытия разнообразны, но оно приводит к росту эпидемии [4].

Цель исследования – выявление психологических особенностей сексуальности у ЛЖВ. Мы предположили, что сокрытие ВИЧ-статуса от партнера чаще будет встречаться у лиц с опытом употребления наркотических веществ инъекционным путем (ПИН). Обследовались лица с гемоконтактным (ПИН, находились на лечении в СПб ГБУЗ «Городская нар-

кологическая больница» и в СПб ГБУЗ «Центр СПИД») и гетеросексуальным путями заражения (не ПИН, СПб ГБУЗ «Центр СПИД»).

Методы:

- «Анкета риска и ситуации болезни» (авторская анкета) – в том числе позволяет выявить количество партнеров с ВИЧ и источник знания об их ВИЧ-статусе, наличие сокрытия ВИЧ-статуса и степень тяжести переживаний при его раскрытии.

- Тест Сакса-Леви (шкала «отношение к лицам противоположного пола»);

- Я-структурный тест Аммона.

Критерии включения: группа 1 – есть ВИЧ, ПИН, ремиссия не менее 1 месяца; группа 2 – есть ВИЧ, не ПИН; контрольная группа – нет ВИЧ и других ИППП, не ПИН. Невключения: грубые интеллектуальные или психические расстройства, соматические патологии, для мужчин – гетеросексуальная ориентация.

В исследовании приняли участие 136 человек в возрасте от 22 до 65 лет (женщин – 64,7%, мужчин – 35,3%), средний возраст 37,13; группы 1 (ЛЖВ ПИН) и 2 (ЛЖВ не ПИН) – по 50 человек, контрольная группа – 36 человек.

Результаты:

Между группами ЛЖВ нет различий по количеству партнеров с ВИЧ (знают статус 71% – 56,7% ПИН и 53% не ПИН) и по источнику знания о ВИЧ-статусе (партнер сам открывал его, или присутствовала совместная диагностика). В группе ПИН выше количество случаев сокрытия ВИЧ-статуса (34% против 18%, $\phi = 1,63$, статистическая тенденция). У ЛЖВ не ПИН выше степень тяжести переживаний при раскрытии ВИЧ-статуса (88% против 72%, $\phi = 2,02$; $p = 0,05$).

В ЛЖВ выше количество случаев нереалистичного мышления в отношении лиц противоположного пола, у лиц без ВИЧ ниже. В группе ПИН (у мужчин чаще) выше количество случаев нереалистичного мышления. В группе ЛЖВ не ПИН же выше количество случаев нереалистичного мышления у женщин, что возможно связано в целом с некоторой нереалистичностью восприятия партнера, высоким уровнем доверия.

Во всех группах больше выражен негативный эмоциональный фон (у женщин ПИН сильнее) по отношению к лицам противоположного пола, чаще встречается наличие конфликтности данной сферы. У ЛЖВ не ПИН у лиц с конфликтностью сферы ниже уровень конструктивной сексуальности ($p = 0,025$).

Выводы:

1. Немногим более половины респондентов знали ВИЧ-статус последнего партнера – низкая степень доверия в отношениях подтверждается.
2. ПИН чаще скрывают ВИЧ-статус от партнера.
3. У ЛЖВ не ПИН степень тяжести переживаний при раскрытии ВИЧ-статуса выше.
4. К лицам противоположного пола во всех группах наблюдается негативное отношение, у женщин ЛЖВ оно выше.

Литература

1. *Pokrovsky V.V., et al.* (2016). National guidelines for the follow-up and treatment of HIV patients. Clinical Protocol. *Epidemiologiya i infektsionnye bolezni. Aktual'nye voprosy* (Epidemiology and Infectious Diseases. Actual issues), 6, 72. (in Russ.).
2. *Tursunov R.A.* (2013). The impact of HIV infection on the quality of life of people living with HIV/AIDS. *Vestnik Avicenna* (Bulletin of Avicenna), 1(54), 138–148. (in Russ.).
3. *Shteyman A.A.* (2016). Medical and social portrait of HIV-infected pregnant women. *Uspekhi sovremennoi nauki* (Successes in modern science), 1(4), 131–135. (in Russ.).
4. *Dolan K., et al.* (2016). Global burden of HIV, viral hepatitis, and tuberculosis in pris-oners and detainees. *LANCET*, 388(10049), 1089–1102.
5. *Jarman M., et al.* (2005). Keeping safe, keeping connected: A qualitative study of HIV-positive women's experiences of partner relationships. *Psychology & Health*, 6. 20(4), 533–551.
6. *Siegel K., et al.* (2006). Diminished sexual activity, interest, and feelings of attractiveness among HIV-infected women in two eras of the AIDS epidemic. *Archives of sexual behavior*, 35(4), 437–449.

*Катунова И.Д.,
МАОУ «Лицей № 28 имени акад. Б.А. Королева»*

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА

Восприятие позволяет человеку познавать окружающий мир, отражая в сознании свойства различных явлений и предметов. Восприятие другого человека играет важную роль в социальном общении, позволяя составить о нем свое представление, узнать, оценить. Социальное восприятие достаточно много изучалось (Лабунская, 1999; Барабанчиков, 2002 и др.), но не все особенности визуального восприятия изучены на практике. Исследование восприятия внешности человека важно для психологии искусства и рекламы, социальной работы, медицины. Восприятие лиц людей важны для областей труда, связанных с их распознаванием: прикладной робототехники, криминалистики, таможенного дела, полиции.

Распознавание человеческого лица – это восприятие сложного сигнала, включающего множество свойств лица, например, цвета кожи, формы и черт лица, их взаимного расположения и других (Хрисанфова, 2009). Возраст человека также можно определить по его лицу; он является одним из наиболее важных внешних признаков (Шкурко, Сериков, 2017). Возраст человека определяется по форме и размерам глаз, носа, рта и подбородка, волосам и карте морщин – они различны для разных возрастов.

Целью нашей работы являлось изучение особенностей визуального определения возраста человека. Мы предположили, что, люди старшего возраста, у которых накоплен больший опыт, более точно определяют возраст других людей, и что определение возраста женщин и мужчин определяется с разной точностью. Объектом нашего исследования послужило восприятие внешнего облика человека, предметом исследования – визуальное распознавание возраста человека по его лицу.

Для проведения исследования мы использовали методику диагностики внешности людей по их фотоизображениям (Иванская, 1981). В сети Интернет на фотобазах нами были отобраны фотографии лиц 16 людей (8 женщин и 8 мужчин) разного известного нам возраста, не являющиеся популярно известными. Изображения выровняли по размеру лица, наклону головы. Предъявляя фотоизображения испытуемым, мы просили их определить возраст изображенных людей. Фиксировали их ответы, а также пол и возраст испытуемых. Всего было опрошено 32 человека 4-х групп возраста. Мы попросили испытуемых дать оценку возраста 16 лиц людей по их фотографиям. Каждый ответ сравнивали с правильным возрастом и подсчитывали величину ошибки каждого испытуемого (в годах). Затем были подсчитаны средние показатели ошибок испытуемых в каждой возрастной группе. Суммируя их, мы нашли общее среднее число ошибок, допущенных испытуемыми различных возрастных групп.

По полученным данным мы установили, что больше ошибок в определении возраста по фотографиям лиц делали школьники (сумма средних величин ошибок испытуемых в определении – 68,6 лет); меньше – люди более старшего возраста (юношеский возраст – 54,0, зрелый – 56,0, пожилой – 55,3 лет). Видимо, с возрастом память человека накапливает много образцов увиденных лиц, изображение которых связывается с их возрастом. При сравнении общего числа ошибок, которые допущенных испытуемые при определении возраста мужчин и женщин по их лицам было установлено, что возраст мужчин по их внешности испытуемыми всех возрастов определяются точнее почти в 2 раза (сумма средних величин ошибок испытуемых в определении по разным группам возраста – от 17,0 до 26,3 лет), чем женщин (сумма средних величин ошибок от 35,1 до 42,3 лет). Это может быть связано с тем, что женщины часто прибегают к различным способам «маскировки» своего возраста – косметическим процедурам, изменению цвета кожи, глаз и волос, подтяжке кожи и другим средствами внешнего омоложения.

Таким образом, данные нашего исследования могут свидетельствовать о том, что успешность распознавания возраста другого человека по лицу при его визуальном восприятии имеет разную точность, подтверждая выдвинутые нами гипотезы. Она зависит от возраста самого воспринимающего человека, а также от пола воспринимаемого человека. В более старшем возрасте люди точнее определяют возраст другого человека.

Также более точно определяется визуально по лицу возраст мужчин, в отличие от женщин.

Полученные данные могут быть учтены для повышения эффективности распознавания возраста людей по их внешности в научной и практической деятельности, в том числе при разработке компьютерных программ распознавания внешности людей по их изображениям.

Литература

1. *Барабанищikov В.А.* Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека по выражению лица // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2007. № 3–4. С. 6–12.
2. *Иванская Л.Н.* Психологические особенности идентификации лица человека по фотографии / Дисс. ...канд. психол. наук. Ленинград, 1981. 176 с.
3. *Хрисанфова Л.А.* Представления об индивидуально-психологических особенностях человека по структурным особенностям его лица // Экспериментальная психология. 2009. № 4. С. 51–73.
4. *Шкурко Т.А., Сериков Г.В.* Влияние динамического компонента внешнего облика на восприятие визуальных презентаций возраста другого человека // Российский психологический журнал. 2017. № 3. С. 190–209.

Кожухова Ю.А.,

*Институт общественных наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИЗАЦИИ АМБИВАЛЕНТНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЭКСПРЕССИЙ

В каждодневном межличностном взаимодействии мы постоянно сталкиваемся с особенностями и проблемами распознавания эмоций и эмоциональных состояний других людей. Одним из изучаемых вопросов в связи с этим является изучение эмоциональной конгруэнтности (Люсин, Кожухова, Сучкова, 2019). Эффект состоит в том, что при восприятии эмоционально окрашенной информации легче перерабатывается та информация и стимулы, эмоциональная окраска которых соответствует эмоциональному состоянию человека или его эмоциональным чертам (Rusting, 1998).

Интерес исследователей заключается в описании данного феномена, а также описание различных факторов, которые могут влиять на его проявление. В исследованиях анализируются разные методы индукций эмоциональных состояний, которые позволяют изучать этот феномен.

Однако, важным остается то, на каком материале проводятся исследования и насколько этот эффект сохраняется не в лабораторных условиях, учитывая то, что чаще всего мы сталкиваемся с амбивалентными проявлениями эмоций или с эмоциями со слабой интенсивностью. В практической деятельности важным является способность распознавать эмоции, особенно в ситуациях, когда они проявляются со слабой интенсивностью.

Гипотеза данного исследования заключается в следующем: чем выше у человека ценность эмоционального контроля, тем меньше он оценивает эмоциональные выражения лиц как амбивалентные и тем больше проявляется эффект кон-

груэнтности. Методика исследования: респондентам (N = 31) в онлайн форме были предложены разные стимулы из нескольких баз фотографий, на которых были представлены лица с эмоциональными выражениями низкой интенсивности. Кроме этого, были представлены лица с нейтральными выражениями. Испытуемых просили ответить, что за эмоция была представлена, а также оценить степень неоднозначности проявляемой эмоции. Также испытуемые заполняли русскоязычную адаптацию опросника ECV (Emotion Control Values) А. Маусс (Mauss, Butler, 2010; Mauss et al., 2010) – опросник на ценность эмоционального контроля (Панкратова, 2015).

Стоит отметить, что в других подобных исследованиях стимулы, обычно, отбираются экспертным способом либо на основе рассогласования оценок при оценке эмоции (если часть испытуемых видит одну эмоцию, а часть другую). В данном исследовании сами испытуемые оценивали изображения по отдельной шкале – “неоднозначность” эмоций. Целью исследования было изучить особенности категоризации амбивалентных экспрессий связанных с индивидуальными особенностями наблюдателя.

Результаты исследования: не подтвердилась гипотеза о том, что ценность эмоционального контроля связана с оценкой эмоциональных выражений лиц как амбивалентных. Возможно, стоит рассмотреть эмоциональное состояние испытуемых при оценивании как опосредующую переменную.

Литература

1. Люсин Д.В., Кожухова Ю.А., Сучкова Е.А. Эмоциональная конгруэнтность при восприятии неоднозначных выражений лица // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 27–39. doi:10.17759/exppsy.2019120103
2. Панкратова А.А. Русскоязычная адаптация опросника ECV (Emotion Control Values) А. Маусс и изучение индивидуальных различий // Материалы юбилейной конференции «От истоков – к современности» (130 лет организации психологического общества при Московском университете). М.: РПО, 2015.

3. *Mauss I.B., Butler E.A.* Cultural context moderates the relationship between emotion control values and cardiovascular challenge versus threat responses // *Biological Psychology*. 2010. Vol. 84. Issue 3. PP. 521-530.
4. *Mauss I.B., Butler E.A., Roberts N.A., Chu A.* Emotion control values and responding to an anger provocation in Asian-American and European-American individuals // *Cognition and Emotion*. 2010. Vol. 24. Issue 6. PP. 1026-1043.
5. *Rusting C.L.* Personality, mood, and cognitive processing of emotional information: Three conceptual frameworks // *Psychological Bulletin*. 1998. Vol. 124. № 2. P. 165– 196

Когнитивная психология

Полюхова А.И., Сергеева О.М.,

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского*

**ЗАВИСИМОСТЬ УСПЕШНОСТИ
НЕПРОИЗВОЛЬНОГО ЗАПОМИНАНИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОГО
АУДИАЛЬНОГО ТЕКСТА ОТ АКТУАЛЬНОГО
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
ИСПЫТУЕМОГО**

Работа памяти включена в протекание всех когнитивных процессов и потому является важной составляющей жизнедеятельности человека. Все более распространенными становятся запросы практики по оптимизации процессов памяти в связи с различными задачами деятельности. Поскольку установлено, что на все познавательные процессы оказывает влияние аффективный аспект, велика вероятность, что изучение связи эмоций и мнемических процессов позволит эффективнее использовать эмоциональный компонент как регуляторный в процессах запоминания.

Несмотря на то, что большинство исследователей согласны, что эмоциональная окраска текста способствует его запоминанию, выводы о влиянии различных эмоций на протекание мнемических процессов неоднозначны. Исследования зависимости памяти от аффективного аспекта, к авторам которых можно отнести Г. Эббингауза и П. П. Блонского, показали преимущественное запоминание негативной информации (Б., 2001). Тогда как сторонники психоаналитической концепции, вне лабораторных исследований, а исключительно с опорой на практические наблюдения, утверждают наличие закономерного преобладания эффективности запоминания положительной информации (Ф., 1990). В дальнейшем, в экспериментальной психологии памяти, значимым стало исследование феномена конгруэнтности актуального эмоци-

© Полюхова А.И., Сергеева О.М., 2020

онального состояния и эмоциональной модальности текста. Подобные эксперименты проводились Г. Бауэрсом, М. Е. Афанасьевой, Т. А. Сысоевой, но также результаты были не однозначными (А., 2015), (С., 2004). Поэтому данная работа посвящена изучению влияния эмоциональной окраски текста на успешность сохранения информации в кратковременной и долговременной памяти.

Цель работы: поиск закономерностей влияния аффективного аспекта на мнемические процессы. Объект исследования: мнемические процессы. Предмет исследования: особенности процессов запоминания в зависимости от эмоциональной модальности текста. Гипотеза исследования: при положительном актуальном состоянии испытуемого, положительно эмоционально окрашенный текст, будет запоминаться лучше, чем отрицательно окрашенный.

Исследование проводилось на базе ННГУ имени Лобачевского, Факультета социальных наук. Применялись следующие методы и методики:

- теоретический анализ;
- эксперимент;
- экспертная оценка;
- опросник САН.

Для проведения эксперимента были разработаны три текста, которые содержали сходную по основной модели ситуацию, но различались эмоциональной окраской (негативной, нейтральной, позитивной). Эмоциональная окраска текстов оценивалась экспертами. Содержание текстов было подобрано так, чтобы вероятность присутствия описываемой ситуации в прошлом опыте испытуемых была достаточно велика. Тексты были начитаны актером и представлялись испытуемым в аудио формате.

Испытуемыми являлись студенты первого курса, факультета социальных наук, в количестве 60 человек. Они были разделены на группы по 20 человек, каждая из которых работала с текстом определенной эмоциональной модальности. Группы были эквиваленты по половому составу, средним баллам ЕГЭ и возрасту. Процедура исследования включала в себя два этапа:

1 этап – прохождение испытуемыми методики САН (с целью оценки актуального эмоционального состояния), озна-

комление с аудиозаписью текстов. Затем следовало письменное воспроизведение без временной отсрочки;

2 этап – спустя две недели, осуществлялось повторное прохождение методики САН и отсроченное воспроизведение стимульных текстов. О втором этапе испытуемые предупреждены не были.

На первом и втором этапе во всех группах у испытуемых преобладало положительное эмоциональное состояние. Анализ результатов осуществлялся путем сравнения количества воспроизведенных смысловых единиц через *W*-критерий Вилкоксона. Результаты первого этапа подтвердили гипотезу о лучшем запоминании положительно эмоционально окрашенного материала при позитивном актуальном состоянии испытуемых: в среднем 6,25 смысловых единиц было воспроизведено испытуемыми в группе, работавшей с позитивно эмоционально окрашенным текстом. При работе с негативным текстом – 2,8, с нейтральным – 1,45. Аналогичная тенденция наблюдалась по завершению второго этапа исследования, при общем снижении объема воспроизведенных испытуемыми текстов. Феномен конгруэнтности, при данных условиях, действительно повлиял на результативность работы памяти. Однако есть вероятность, что в последующих работах, с иными возрастными группами и с иным форматом стимульного материала подобное влияние наблюдаться не будет. По этой причине, важно в дальнейшем рассмотреть иные детерминанты полученных результатов.

Литература

1. Афанасьева М.Е. (2015). Влияние эмоций на память человека. Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики, 156-159.
2. Блонский П.П. (2001). Память и мышление. Санкт-Петербург: Питер.
3. Сысоева Т.А. (2004). Влияние эмоционального состояния на мнемические процессы: эффект конгруэнтности. Москва: Институт психологии РАН.
4. Фрейд З. (1990). Психология бессознательного. Москва: Просвещение.

*Иванова А.П., Лошакова Е.Д., Сломинская С.П.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЩЕННОЙ ЛЕКСИКИ КАК КОПИНГ-СТРАТЕГИИ

Жить в современном мире не так просто, как может показаться на первый взгляд. На протяжении всей своей жизни человек постоянно сталкивается с различными видами стресса. Когда человек оказывается в стрессовой ситуации, это сильно сказывается на здоровье его психики.

Находясь под большим уровнем стресса, приходится прибегать к копинг-стратегиям. Они индивидуальны, но есть и достаточно популярные варианты этих способов справиться с проблемой. Мы решили сфокусироваться на использовании людьми общенной лексики, когда они находятся в эмоциональном перенапряжении. Нам интересно выяснить, как использование подобной лексики связано с эмоциональным состоянием человека: помогает ли это при перенапряжении или же только усугубляет ситуацию; почему люди используют общенную лексику; узнать, как часто люди используют ее, и в каком контексте.

В своем исследовании мы предполагаем, что склонность человека к использованию данной лексики напрямую связана с его способностью справляться со стрессом. А именно, выдвигаем гипотезу, что экспрессивно выражая свое недовольство на словах, человек начинает чувствовать себя увереннее и меньше подвержен стрессу.

Главные задачи нашего исследования таковы:

1. Взять за основу существующий опросник по стрессоустойчивости и доработать его для нашего исследования;
2. Провести опрос у определенной выборки: студенты и старшеклассники;
3. На основе полученных результатов узнать, как коррелирует использование общенной лексики с эмоциональным благополучием человека.

Мы ожидаем, что результат тестирования среди опрошенных нами людей подтвердит нашу гипотезу: чем чаще человек использует обсценную лексику, тем легче ему справиться со стрессом; тем он меньше подвержен жизненным проблемам. Для этого мы обработаем результаты тестов, найдем закономерности, установим связь между этими двумя факторами.

Ход работы:

Мы решили провести опрос среди возрастной группы 15–25 лет. На основе прочитанного нами материала мы составили опросник. Мы решили, что верным будет определить уровень стрессоустойчивости опрошенных и найти связь с частотой употребления мата; выяснить, как часто в целом опрошенные употребляют нецензурную лексику; понять, помогает им это справляться со стрессом, или же нет. При анализе результатов опроса мы отбирали респондентов с высокой стрессоустойчивостью и анализировали их ответы на все последующие вопросы. У остальных респондентов мы смотрели только на результаты вопросов про то, помогает ли им обсценная лексика справиться со стрессом. За основу нашего опроса мы взяли уже существующий, определяющий склонность к развитию стресса (по Т.А. Немчину и Тейлору) – он понадобился нам для выяснения количества стрессоустойчивых людей среди респондентов. Также, мы добавили вопросы, связывающие обсценную лексику и стресс. Всего было опрошено 108 человек.

Результаты:

66 человек (61%) показали высокий уровень стрессоустойчивости, из них 37 человек (55%) часто используют обсценную лексику. В стрессовых ситуациях 44 человека (66%) используют обсценную лексику.

Часто/иногда ругаются матом 67 человек, из них 37 чел. (57%) – стрессоустойчивы.

Редко или никогда не ругаются матом 41 человек, из них 29 чел. (70%) – стрессоустойчивы. Эти два факта опровергают нашу гипотезу о том, что использование мата приводит к большей стрессоустойчивости. Вывод: обсценная лексика не коррелирует с уровнем стрессоустойчивости.

Большинство людей, ответивших что они испытывают гнев во время стресса (52 человека), ответили, что после использования обценной лексики, чувствуют себя лучше (39 чел., 75% от 52). От общего числа респондентов (108 чел.) гнев при стрессе испытывают 52 человека, что составляет примерно 48 процентов.

От общего числа респондентов (108 чел.) тревогу при стрессе испытывают 88 чел., что составляет примерно 81%. Из них 53 чел., что составляет примерно 60%, перестают испытывать тревогу после использования обценной лексики.

Из людей, использующих нец. лексику иногда/редко (64 чел., 60% от всех опрошенных) 21 чел. (32%) ответили, что они часто используют нец. лексику в стрессовых ситуациях.

83 человека, т.е. 76% человек ответили, что нецензурная лексика помогает им выразить переживаемые эмоции. Из них 65 человек (78%) испытывают при стрессе тревогу; 44 человека (53%) испытывают гнев; 33 человека (39%) испытывают и гнев, и тревогу.

Литература

1. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Успенский Б.А. Избранные труды. Т.2. М., 1994, с.53 -128
2. Does Emotional Arousal Influence Swearing Fluency? Richard Stephens, Amy Zile

*Маркина П.Н., Владимиров И.Ю.,
Институт психологии Российской академии наук*

ПРОВЕРКА ИСТОЧНИКОВ СЛОЖНОСТИ В ИНСАЙТНЫХ ЗАДАЧАХ СО СПИЧКАМИ

Один из современных классиков исследования инсайта, С. Ольссон, выделил два основных способа смены репрезентации в так называемых задачах со спичками: ослабление

© Маркина П.Н., Владимиров И.Ю., 2020

ограничений (понимание, что можно нарушать общепринятые неписаные правила) и декомпозиция чанка (разделение целостного элемента на его составляющие) (Ohlsson, 1992). В своем исследовании с применением метода мониторинга движений в пространстве задачи мы проверили, действительно ли эти процессы являются основными источниками сложности данных задач. Для оценки сложности задач мы опирались на их время решения, количество перемещений «палочек» и количество тупиков, с которыми сталкивались решатели.

Цель. Проверить сложность инсайтных задач со спичками на основании времени решения и количества перемещений «палочек».

Гипотеза. Задачи с максимальной сложностью относительно декомпозиции чанка и ослабления ограничений сложнее задач со спичками, в которых эти сложности выражены слабее.

Методика. Для эксперимента был написан скрипт в PsychoPy, позволяющий перемещать «палочки». Сначала каждый из 28 испытуемых тренировался перемещать палочки. Потом нужно было последовательно решить тренировочную задачу и 4 основные задачи со спичками (порядок варьировался квазислучайно). 1) III + III = XI (максимальная сложность в декомпозиции чанка); 2) III + III = III (максимальная сложность в ослаблении ограничений); 3) VI = VI + I (средняя сложность по декомпозиции и минимальная по ослаблению); и 4) IX = VI – III (средняя сложность по обоим параметрам). Испытуемых просили все перемещения палочек выполнять не только мысленно, но и на ПК.

Результаты. На основании длительности решения оказалось, что самой простой является задача с максимальной степенью сложности в декомпозиции чанка, остальные решались за одинаковое время. Распределение данных отличалось от нормального, расчет проводился непараметрическими методами: $\chi^2(3) = 99, p < .001$.

Т-Вилкоксона:

1 и 2: $Z = -3.15, p = .002$;

1 и 3: $Z = -2.39, p = .017$;

1 и 4: $Z = -2.01, p = .044$.

2 и 3: $Z = -1.54$, $p = .124$;

2 и 4: $Z = -.92$, $p = .356$;

3 и 4: $Z = -.92$, $p = .758$

Подобные данные мы получаем при сравнении сложности задач по количеству перемещений: $\chi^2(3) = 7.98$, $p < .046$

T-Вилкоксона:

1 и 2: $Z = -2.18$, $p = .029$;

1 и 3: $Z = -1.4$, $p = .15$;

1 и 4: $Z = -2.56$, $p = .011$;

2 и 3: $Z = -1.03$, $p = .3$;

2 и 4: $Z = -.114$, $p = .9$;

3 и 4: $Z = -1.75$, $p = .08$;

Выводы подтверждаются и по количеству тупиков в задачах. Считалось, что испытуемый находится в тупике, если пауза между двумя последовательными перемещениями «палочек» была дольше 2 стандартных отклонений от среднего времени паузы. Данных оказалось достаточно лишь для описательных статистических методов. Среднее количество тупиков: 1 – 0.06 (0 – 1); 2 – 0.3 (0 – 2); 3 – 0 (0); 4 – 0.4 (0 – 1).

Обсуждение. Почему перемещение палочек делает задачу на декомпозицию чанка самой простой? Выделенные Ольссоном источники сложности взаимно пересекаются: в декомпозиции чанка есть элементы ослабления ограничения (понимание дозволенности разъединения элемента) и наоборот, в ослаблении ограничений есть элементы декомпозиции («=» является чанком, хоть и более свободным (Knoblich, 2001)).

Тем не менее, перемещение палочек в ходе решения фасилитирует только задачу с максимальной сложностью по декомпозиции. Мы предполагаем, это связано с инструкцией, в которой подчеркивается, что можно перемещать любую из палочек, и у испытуемых не возникает стандартной сложности разделения «X» на две «палочки». А эта задача является единственной, в которой декомпозиция – это единственный источник сложности (Öllinger, 2008).

Это подтверждает, что декомпозиция является источником сложности. Тем не менее, остается непонятным, почему остальные задачи решаются с одинаковой сложностью. Опираясь на наш предыдущий вывод о том, что используемая нами методика может фасилитировать задачи, мы предлага-

ем, что она, в целом, способствует аналитическому решению этих задач, а не инсайтному, поскольку выделенные сложности определяют только инсайтный способ решения.

Вывод. При инструкции о перемещении «палочек» в задачах со спичками теоретически выделенные сложности не определяют сложность решения. Задача с максимальной сложностью по параметру декомпозиции чанка решается проще всего, задача на ослабление ограничений решается так же просто, как и более теоретически простые задачи.

Литература

1. Knoblich, G., Ohlsson, S., & Raney, G. E. (2001). An eye movement study of insight problem solving. *Memory & cognition*, 29(7), 1000–1009.
2. Ohlsson, S. (1992). Information-processing explanations of insight and related phenomena.
3. *Advances in the psychology of thinking*, 1, 1–44.
4. Öllinger, M., Jones, G., & Knoblich, G. (2008). Investigating the effect of mental set on insight problem solving. *Experimental psychology*, 55(4), 269–282.

*Kuznetsova E., Shestakova A., Urchenko A.,
Gorin A., Levchenko E., Klucharev V.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

MAGNETOENCEPHALOGRAPHIC STUDY OF N400 BRAIN GENERATOR MODULATED BY SEMANTIC CONTEXT AND MARKETING ASSOCIATIONS

In modern neurolinguistic society measuring event-related potentials (ERPs) is an inevitable step in the understanding of how language is processed in the brain (Lau et al., 2008). How-

© Kuznetsova E., Shestakova A., Urchenko A., Gorin A., Levchenko E., Klucharev V., 2020

ever, there is still a discussion about whether the same pattern is observed when brand associations – sustainable associations between brand and some particular information about it – are presented (Nedelko, 2017).

A great amount of studies were done to investigate the neuronal mechanism of brand processing via EEG (Nedelko, 2017; Wang, 2012). But electrophysiological methods are much scarcer than magnetoencephalographical (MEG) (Hulten et al., 2019). Moreover, to our knowledge there were quite a few studies in which ERPs were used to investigate semantic discrepancy via MEG (Brennan and Pylkkanen, 2012; Uusvuori et al., 2007) and no MEG studies investigating the localization of N400 for Brand associations presented in price dimension.

That is why my main aim is to localize the origins of brand perception in human brain and compare it with semantic statements with a help of MEG. We assumed that since the N400 manifests itself in a situation where we face an incongruent word, pseudoword or other element that does not correspond to the context, it can be assumed that the discrepancy between a certain product and its association (product price in our research) will cause a similar mismatch (Wang, 2012; Nedelko, 2017).

Within-group design with randomization of the order of treatments was used in the study. The experiment consisted of 4 blocks – 2 marketing (tested condition) and 2 linguistic (control condition). 25 native speakers (17 women) took part in the experiment. The tested condition included 240 sentences with different prices for one particular stimuli – iPhone Xs. Each sentence required a response from the participant about whether the presented price is high or low. The control condition included 80 ordinal semantic statements, both congruent and incongruent. Participants were asked to answer the question «Was there any sense in the previous sentence?». Congruent and incongruent words were matched for frequency and length in letters.

Materials for both conditions were visually presented via PsychoPy software. To control for eye-movements and heartbeat related artifacts electrocardiogram (ECG) and electrooculogram (EOG) were recorded. Analysis of MEG data was performed via

Brainstorm software. T1-weighted magnetic resonance images were acquired for every subject in order to make the process of localization more precise.

The results obtained showed that in linguistic condition, the semantically incongruent word evoked the larger negative deflection in 300-500 ms after the stimulus was presented on the screen. The permutation test showed statistical significance ($p < 0.05$) at this time interval. In the context of brand sentences, a difference between responses to corresponding iPhone price and inconsistent price was also observed in 350-550 ms. This difference was also significant according to permutation test.

Then whole-head statistical analysis for both marketing and linguistic statements was performed also by non-parametric permutation tests. In control condition incongruent sentences compared to congruent ones evoked a large magnetic field over the left hemisphere; peaking at ~380 ms. Using conventional equivalent current dipoles (ECDs) at this latency, source modeling showed the N400 generator in superior temporal sulcus in the left hemisphere.

As for marketing condition the sequence of different activations across time is clearly visible. Constrained to the cortical surface, distributed solution showed activation started in occipital area at ~150ms, spreading to anterior temporal sites at ~270 ms and later ~340ms to orbitofrontal cortex and anterior temporal again. At the peak ~400ms activation presented in several areas: temporal cortex (its anterior part), orbitofrontal and perisylvian cortices and in anterior portion of frontal lobe. In the right hemisphere activation was weaker but also was found in the anterior temporal as well as orbital cortices.

Literature

1. Brennan, J., & Pylkkänen, L. (2012). The time-course and spatial distribution of brain activity associated with sentence processing. *Neuroimage*, 60(2), 1139–1148.
2. Hultén, A., Schoffelen, J.M., Udden, J., Lam, N.H., & Hagoort, P. (2019). How the brain makes sense beyond the processing of single words—An MEG study. *NeuroImage*, 186, 586–594.

3. Lau, E.F., Phillips, C., & Poeppel, D. (2008). A cortical network for semantics:(de) construct-ing the N400. *Nature Reviews Neuroscience*, 9(12), 920.
4. Nedelko, A., Lupova, O., Gorin, A., Kuznetsova, A., Klucharev, V., & Shestakova, A. (2017). An Analysis of Brand Association Perception Using N400 Evoked Potential.
5. Wang, X., Ma, Q., & Wang, C. (2012). N400 as an index of uncontrolled categorization pro-cessing in brand extension. *Neuroscience letters*, 525(1), 76–81.

*Басисини Н.М., Хломов К.Д.,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации*

ОСОБЕННОСТИ ТРАЕКТОРИИ ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ ПРИ ЧТЕНИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА НОСИТЕЛЯ ТЕКСТА И СКОРОСТИ ЧТЕНИЯ

Чтение Интернет-ресурсов на электронных девайсах является повседневным занятием большинства людей. С увеличением количества информации, требующей когнитивной обработки, в условиях дефицита времени, человеческий мозг приспособился ускорять процесс чтения и выхватывать основную информацию из текста, без необходимости читать его последовательно и полностью. Изучение движений глаз во время просмотра веб-страниц привели к выводу, что читатели обычно просматривают веб-страницы в форме буквы F, пропуская слова, строки и целые абзацы (Nielsen, 2006). Эта стратегия чтения называется F-паттерном.

Оцифровка текстов ставит ряд фундаментальных исследовательских вопросов, один из которых – как восприятие ин-

формации может отличаться, когда тексты отображаются на экране и на бумаге? В некоторых современных исследованиях не выявлено четких различий между печатными и электронными текстами касательно понимания читаемого материала (Chen, 2014). В других же, напротив, исследователи обнаруживают превосходство обучающихся с помощью одного формата чтения над обучающимися на другом формате (Askerman, 2011, Mangen, 2013). Цель данного исследования заключается в том, чтобы сравнить движения глаз при чтении текста на двух разных носителях – компьютере и бумаге – и на основе полученных результатов подтвердить или опровергнуть данные, представленные в других исследованиях на другой языковой выборке.

Гипотеза состоит в том, что траектория движения глаз (ТДГ) различается в зависимости от формата (печатный/электронный) и скорости чтения (обычное/ускоренное) и основывается на следующем предположении: электронный формат естественным образом стимулирует F-паттерн, так как является наиболее привычной средой для быстрого чтения.

В выборку вошло 16 человек в возрасте от 18 до 21 года, (15 – женского пола, 1 – мужского). В качестве оборудования использовался айтрекер Tobii Pro Glasses 2 вместе с программным обеспечением Tobii Pro Lab. Задача испытуемых заключалась в том, чтобы, пользуясь айтрекером, прочитать два текста и после каждого из них выполнить тест с вопросами на проверку понимания содержания текста. При этом половина испытуемых читала тексты на ноутбуке, другая половина – на бумажном носителе. Все испытуемые читали первый текст в естественном темпе, время на прочтение второго текста было ограничено, что вынуждало повышать скорость чтения.

Полученные данные по ТДГ испытуемых накладывались на соответствующее изображение текста в программе Tobii Pro Lab. Затем траектории суммировались, и возникали обобщенные тепловые карты, дающие информацию о количестве фиксаций взглядов испытуемых на определенных областях страницы.

При сравнении количественных результатов по тестам использовались непараметрические критерии: U-критерий

Манна-Уитни для независимых выборок и Т-критерий Вилкоксона для связанных выборок. Полученные в результате исследования данные показывают, что испытуемые в среднем справлялись одинаково хорошо при обычном чтении и хуже при ускоренном вне зависимости от типа носителя текста.

Основная гипотеза о том, что ТДГ связана с форматом и скоростью чтения частично подтвердилась: она действительно зависит от скорости, и F-паттерн активируется при ускоренном чтении текста. Однако, существует ли зависимость F-паттерна от определенного формата чтения, достоверно выяснить не удалось ввиду отсутствия количественных данных по ТДГ, но на основе тепловых карт можно судить скорее о сходстве стратегий чтения испытуемых, читавших с экрана и читавших на бумаге, чем о различии. Таким образом, если движения глаз в условии электронного текста и печатного текста не имеют значимых различий, то, по-видимому, люди читают материал одинаково, поэтому их восприятие прочитанного также не будет отличаться. Подобное сходство стратегий чтения у испытуемых может быть связано со смысловой нагруженностью текста, характеристиками его носителя, целями читателя, особенностью выборки или некоторой комбинацией этих факторов. Требуется дополнительные исследования с усовершенствованным экспериментальным планом и с использованием разнообразных методов статистического анализа для уточнения полученных результатов и формулировки развернутых выводов о влиянии формата чтения на ТДГ читателя и на успешность понимания прочитанного материала.

Литература

1. *Ackerman, R., & Goldsmith, M.* (2011). Metacognitive regulation of text learning: On screen versus on paper. *Journal of Experimental Psychology*, 17(1), 18–32.
2. *Chen, G., et al.*, (2014) A comparison of reading comprehension across paper, computer screens, and tablets: does tablet familiarity matter?, *Journal of Computers in Education*, vol. 1, pp. 213–225.

3. *Mangen, A., Walgermo, B. R. & Brønnick, K.* (2013) 'Reading linear texts on paper versus computer screen: effects on reading comprehension', *International Journal of Educational Re-search*, vol. 58, pp. 61-68.
4. *Nielsen J.* (2006). F-Shaped Pattern For Reading Web Content. Nielsen Norman Group. [https:// www.nngroup.com/articles/f-shaped-pattern-reading-web-content-discovered/](https://www.nngroup.com/articles/f-shaped-pattern-reading-web-content-discovered/)

*Зотова Н.Е., Короткова И.С., Зотов М.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА КАК АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Представим, что мы видим идущего по улице человека, который смотрит направо, вдруг останавливается и с выражением страха на лице поднимает обе руки вверх. Скорее всего, мы посмотрим в том же направлении, что и этот человек, и попытаемся найти объект из категории «нацеленное огнестрельное оружие», попавший в фокус его внимания и объясняющий его реакцию. Другими словами, мы попытаемся смоделировать (реконструировать) перцептивную деятельность этого человека. Процесс такого моделирования не сводится к отслеживанию направления взгляда (*gaze following*) и требует сложных операций категоризации, реализуемых с позиции другого человека.

Цель исследования заключалась в проверке гипотезы о том, что вышеописанное моделирование является скорее автоматическим, чем сознательно контролируемым процессом.

Методика. В эксперименте участвовали 70 здоровых лиц в возрасте от 19 до 23 лет, которые случайным образом были разделены на группу А (35 чел.) и группу Б (35 чел.). Испытуемые группы А просматривали короткие «немые» видеосюжеты, завершающиеся тем, что персонаж, смотря за пределы кадра, демонстрировал поведенческую реакцию, свидетельствующую о том, что он воспринял какой-то определенный тип объекта (что-то страшное, привлекательное и т.д.). После предъявления фиксационного креста (0.5 с) испытуемые наблюдали кадры, с перспективы персонажа показывающие то, что он увидел. На этих кадрах также присутствовала крупная и визуально заметная буква «Х» или «О». Задача испытуемых состояла в том, чтобы как можно быстрее идентифицировать эту букву и назвать ее вслух. После этого они кратко описывали содержание видеосюжета. Испытуемые группы Б не просматривали видеосюжеты. Они выполняли «урезанный» вариант вышеописанной экспериментальной процедуры, начинающийся с предъявления фиксационного креста.

Исследование проводилось на материале четырех видеосюжетов из немых черно-белых художественных фильмов. Для примера приведем описание одного видеосюжета: Таксист берет чемоданы пассажира и идет к такси. Он видит, как его машина вдруг трогается с места и уезжает. Он бросает чемоданы на тротуар и бежит за ней. Крупным планом показано удивленное и горестное выражение на лице пассажира, смотрящего куда-то за пределы кадра. То, что он видит, скрыто от зрителя. Затем демонстрируется фиксационный крест. После этого следуют кадры, на которых показан лежащий на тротуаре чемодан и вытекающая из него струйка жидкости.

Эксперимент проводился при помощи системы регистрации движений глаз Tobii X120 (Tobii Technology, Швеция) с частотой 120 Гц (пространственное разрешение 0.3°). При помощи программного обеспечения «Tobii Studio 3.2.1» осуществлялся расчет количества и длительности фиксаций взгляда испытуемых на т.наз. динамических областях интереса на видеоизображениях.

Результаты. Однофакторный дисперсионный анализ показал, что испытуемые, просмотревшие видеосюжет (груп-

па А) по сравнению с испытуемыми, его не смотревшими (группа Б), тратили достоверно больше времени на обнаружение целевой буквы во всех видеосюжетах: № 1 ($1,79 \pm 0,14$ с и $0,85 \pm 0,12$ с, $p < 0.001$), №2 ($1,88 \pm 0,14$ с и $0,67 \pm 0,12$ с, $p < 0.001$), № 3 ($2,01 \pm 0,19$ с и $1,21 \pm 0,17$ с, $p < 0.05$) и № 4 ($2,13 \pm 0,18$ с и $0,84 \pm 0,16$ с, $p < 0.001$). Испытуемым группы А по сравнению с группой Б также требовалось большее количество фиксаций на целевой букве, чтобы ее идентифицировать, во всех видеосюжетах: № 1 ($2,7 \pm 0,15$ и $1,9 \pm 0,14$, $p < 0.001$), № 2 ($2,1 \pm 0,18$ и $1,6 \pm 0,16$, $p < 0.05$), № 3 ($2,6 \pm 0,19$ и $1,5 \pm 0,18$, $p < 0.01$) и № 4 ($2,1 \pm 0,21$ и $1,5 \pm 0,18$, $p < 0.05$).

Установлено, что, несмотря на инструкцию, многие испытуемые группы А сначала фиксировали взгляд на объекте, вызвавшем реакцию персонажа, и лишь потом переводили взгляд на целевую букву. Количество таких испытуемых для видеосюжета № 1 составило 61%, для видеосюжета № 2 – 56%, для видеосюжета № 3 – 64%, для видеосюжета № 4 – 53%.

Испытуемые группы А по сравнению с испытуемыми группы Б также тратили достоверно больше времени на визуальный анализ объекта, вызвавшего реакцию персонажа, во всех видеосюжетах: № 1 ($1,91 \pm 0,13$ и $0,24 \pm 0,25$, $p < 0.001$), № 2 ($1,83 \pm 0,09$ и $0,20 \pm 0,11$, $p < 0.001$), № 3 ($2,27 \pm 0,13$ и $0,26 \pm 0,14$, $p < 0.001$) и № 4 ($1,43 \pm 0,10$ и $0,47 \pm 0,14$, $p < 0.001$).

Выводы. Несмотря на многократные указания экспериментаторов о первоочередности поиска целевой буквы, испытуемые группы А прежде всего искали и анализировали объект, попавший в фокус внимания персонажа и вызвавший его поведенческую реакцию.

В результате они значимо дольше искали целевую букву, чем испытуемые группы Б, не наблюдавшие реакцию персонажа. Таким образом, у испытуемых группы А, в отличие от испытуемых группы Б, сознательная задача поиска целевой буквы интерферировала с процессом моделирования результатов перцептивной деятельности персонажа. Это свидетельствует о том, что в условиях вовлеченного наблюдения за поведением другого человека этот процесс носит преимущественно автоматический характер.

Сиповская Я.И.,

*Институт психологии Российской академии наук,
Московский государственный психолого-педагогический
университет*

РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ НАРРАТИВА В КОНТЕКСТЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ, КАТЕГОРИАЛЬНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

Введение

Рассматривая текст самостоятельно порожденного нарратива в качестве сенситивного инструмента измерения проявлений интеллектуальной компетентности, мы аналитически выделили ряд семантических категорий нарратива. В соответствии с онтологической концепцией М.А. Холодной (Холодная, 2012) и единства сознания и эмоций Ю.И. Александрова (Alexandrov, Sams, 2005), есть основания предполагать значимую роль, которую играет широкий алфавит способов операционализировать реальность, т.е. выделенных категорий на проявления продуктивности интеллектуальной деятельности человека. Изучению этих теоретических воззрений аргументируется предпринятое эмпирическое исследование, в котором в качестве участников выступили школьники старшего подросткового возраста, который характеризуется принципиальной критичностью по отношению ко многим сферам человеческой деятельности, в том числе ментальной.

Таким образом, в качестве переменных данного исследования были определены проявления интеллектуальной компетентности и ее компонентов, а также – категории нарратива.

Гипотеза исследования: нарративы самостоятельно порожденного авторского текста (нарратива) значимо связаны с показателями интеллектуальной компетентности и компонентами, такими как: семантические, категориальные и концептуальные способности.

Методика

Участники исследования: 99 старших школьников (53 девочки и 46 мальчиков) в возрасте 15-ти лет.

Методики: «Сочинение» (Сиповская, 2016), Понятийный синтез (Холодная, 2012),

Понятийное обобщение (Холодная, 2012), Визуальная семантика (Артемьева, 1980).

Результаты и их обсуждение

На первом этапе анализа данных проведен корреляционный анализ методом Спирмана, результаты которого показали, что количество выделенных категорий нарратива значимо связано с такими показателями, как проявления интеллектуальной компетентности ($R_s = ,861$, $p = ,001$), концептуальные способности ($R_s = ,235$, $p = ,009$), категориальные способности ($R_s = ,217$, $p = ,016$) и способности к образованию семантических признаков различного типа ($R_s = ,243$, $p = ,008$), в отличие от более концептуально простых семантических определений. Сходную ситуацию отразили и результаты факторного анализа данных (метод главных компонент с вращением вари-макс с нормализацией Кайзера), в итоге проведения которого было извлечено 2 фактора: 1) концептуальные способности (0,719) и способности к образованию семантических признаков различного типа (0,817); 2) интеллектуальная компетентность (0,682) и категории (0,880). Соответственно, количество категорий нарратива играет значимую роль в контексте продуктивности интеллектуальной деятельности (интеллектуальной компетентности) такого проявления понятийного опыта, как категориальные способности. При проведении

регрессионного анализа было получено уравнение с только лишь одной переменной – проявлениями интеллектуальной компетентности: Y (категории) = 10,434 + 12,420(интеллектуальная компетентность).

Анализируя полученные в исследовании результаты, следует в первую очередь указать на то, что именно для проявлений продуктивности интеллектуальной деятельности (интеллектуальной компетентности) в первую очередь особую значимость представляет целый алфавит категорий операционализации смыслов и способов представления материала, раскрывая семантику мысли. Эти факты, с одной стороны, вторят исследованиям Н.И. Чуприковой (Чуприкова, 1997) и М.А. Холодной (Холодная, 2012) об особой роли дифференциации ментального опыта человека, а с другой – данным Ю.И. Александрова (Alexandrov, Sams, 2005). Следовательно, сформированные и эффективно работающие ментальные структуры характеризуются возможностью использовать различные способы оперирования информацией, которые, в свою очередь, определяют успешность интеллектуальной деятельности.

Литература

1. *Артемьева, Е.Ю.* (1980). Психология субъективной семантики. Москва. Издательство Московского университета.
2. *Сиповская, Я.И.* (2016). Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности в структуре интеллектуальной компетентности: Дисс... канд. психол. наук. Москва.
3. *Холодная, М.А.* (2012). Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. Москва. Институт психологии РАН.
4. *Чуприкова Н.И.* (1997). Психология умственного развития: принцип дифференциации. М.: Столетие.
5. *Alexandrov, Yu.I., Sams, M.E.* (2005). Emotion and consciousness: Ends of a continuum // Cognitive brain research. V. 25. pp. 387–405.

*Мартынова Е.Н., Люсин Д.В.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ СТРУПА У СТУДЕНТОВ

Эмоциональный эффект Струпа – задержка при назывании цвета эмоционального стимула по сравнению с нейтральным, демонстрирующая особенности переработки эмоциональной информации (Сысоева, 2014). Есть несколько объяснений механизмов его возникновения. Алгом пишет, что при появлении угрожающего стимула наблюдается общее замедление всех процессов организма, вызывающее и замедление времени реакции (Algom, 2004). Паф и Кан заявляют, что эффект – результат интерференции, т. к. эмоционально значимые слова оттягивают на себя больше внимания, что приводит к задержке выполнения главной задачи – называние цвета (Phaf, Kan, 2007). В основном исследования эффекта проводятся на клинических выборках. Поэтому мы решили проверить, возможно ли проявление эффекта при добавлении слов, значимых для определенной выборки, не имеющей эмоциональных расстройств. В данной работе проверяется предположение о том, что у студентов проявится эмоциональный эффект Струпа при добавлении в качестве угрожающих стимулов слов, значимых для этой группы, т. е. связанных с учебой.

Методика

Стимульный материал. Был придуман список из 26 слов, потенциально вызывающих угрозу у студентов. Далее с помощью опроса, где студенты оценивали степень угрозы слова, было отобрано 10 самых угрожающих. Также из базы ENRuN (Люсин, Сысоева, 2017) было отобрано 11 слов, имеющих максимальную степень угрозы и 21 слово, имеющее наименьшие оценки по всем показателям эмоциональной окраски.

© Мартынова Е.Н., Люсин Д.В., 2020

Выборка

В исследовании приняли участие 34 студента (9 мужского пола и 25 женского) 1-2 курса департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Эмоциональная задача Струпа. Порядок предъявления слов был блочным: Н-У-Н-У-Н-У (Н-нейтральные, У-угрожающие) псевдослучайным внутри блока с 1 ограничением: цвет повторялся более 2 раз подряд. Каждое слово предъявлялось в 3 цветах: синем, зеленом или желтом. Всего задание включало в себя 126 проб.

В центре экрана компьютера появлялись слова. Проба состояла из предъявления стимула в одном из 3 цветов. Испытуемый с помощью нажатия клавиши выбирал цвет, которым написано слово. На клавишах были наклейки синего, зеленого и желтого цветов. Слово исчезало, когда испытуемый выполнял задание. Регистрировалось количество неправильных ответов и время реакции. В конце испытуемый заполнял опрос, в котором по 11-бальной шкале оценивал каждое используемое слово, указав, какую степень тревожности оно вызывает.

Результаты

Для каждого испытуемого были посчитаны его среднее ВР и количество ошибок в двух условиях. Затем, по этим данным были рассчитаны средние ВР и количество ошибок по всем испытуемым.

Средние ВР в разных условиях были сравнены при помощи Критерия Стьюдента для зависимых выборок ($t.test = 13.3$, $p\text{-value} = 8.25e-15$). Аналогичные расчеты для количества ошибок ($t.test = 0.20219$, $p\text{-value} = 0.8404$). Также были проведены корреляционные тесты Пирсона между тем, насколько тревожными респонденты оценивают слова и средним временем реакции на них ($cor = 0.393$, $p\text{-value} = 0.01$).

Обсуждение результатов

Анализируя полученные данные, можно отметить наличие эмоционального эффекта Струпа – в различии времени реакции испытуемых на 2 типа стимулов. Это подтверждает предположение о том, что при добавлении эмоционально значимых слов, специфических для определенной выборки, не имеющей эмоциональных расстройств, эффект будет проявляться. Положительная разница между угрожающими и нейтральными словами (ВР на угрожающие стимулы больше, чем на нейтральные), говорит о том, что выявленный эффект не является обратным, то есть эмоционально окрашенные слова оттягивают на себя больше внимания, человек задерживается на слове, а не пытается его «избежать». Подтверждением этого является незначимая разница в количестве ошибок. То есть, при появлении эмоционально значимого слова испытуемый обращает внимание на смысл слова, вызывая задержку в ответе, затем вновь концентрируется на основной задаче и дает правильный ответ.

Также можно отметить положительную значимую корреляцию между тем, насколько угрожающими испытуемые оценивают слова и временем реакции. Следственно, чем более «угрожающим» испытуемый оценивал слово, тем большая задержка наблюдалась при выполнении самой эмоциональной задачи Струпа.

Литература

1. Люсин Д.В., Сысоева Т.А. (2017). Эмоциональная окраска имен существительных: база ENRuN. Психологический журнал, 38, 2, 122–131.
2. Сысоева Т.А. (2014). Теоретический анализ механизмов возникновения эмоционального эффекта Струпа. Психология. Журнал Высшей школы экономики, Т.11. №1. С. 49–65.
3. Algom D., Lev Sh., Chajut E. (2004). A Rational Look at the Emotional Stroop Phenomenon: A Generic Slowdown, Not a Stroop Effect. Journal of Experimental Psychology: General, Vol. 133, No. 3, 323–338.
4. Phaf R.H., Kan K.-J. (2007). The automaticity of emotional Stroop: A meta-analysis. Journal of behavior therapy and experimental psychiatry, 38, 184–199.

*Скуратова К.А., Шелепин Е.Ю.,
Институт физиологии имени И.П. Павлова
Российской академии наук*

РОЛЬ МАГНОЦЕЛЛЮЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ОСВОЕНИИ НАВЫКА ЧТЕНИЯ ШКОЛЬНИКАМИ

Обнаруженный зарубежными исследователями (Walsh, 1995; Eden et al. 1996) дефицит магноцеллюлярной функции у детей с нарушениями навыка чтения позволяет предположить, что магноцеллюлярная система может играть существенную роль в обработке буквенных символов, в первую очередь, в кодировке пространственного положения букв в слове. Вследствие нарушений магноцеллюлярной системы возникает неопределенность относительно того, как буквы расположены по отношению друг к другу (Milner & Goodale, 1995), что приводит к частым ошибкам при чтении, особенно на ранних этапах освоения данного навыка.

Мы выдвинули следующие гипотезы:

1. Дефицит магноцеллюлярной системы связан с ростом числа ошибок в процессе чтения.
2. Дефицит магноцеллюлярной системы связан с атипичными глазодвигательными паттернами в процессе чтения.

Методы

Для исследования магноцеллюлярной функции использовалась стандартная парадигма Random Dot Kinematogram (RDK) (Talcott et al., 1998). Стимул состоял из 200 белых точек на черном фоне, часть из которых двигалась в когерентном направлении (направо или налево), а оставшиеся точки являлись шумом и осуществляли беспорядочное движение. Начальная когерентность составляла 50%. Срок жизни каждой точки был ограничен (100 мс), поэтому восприятие когерентного движения и определение его направления осуществля-

© Скуратова К.А., Шелепин Е.Ю., 2020

лось за счет интеграции сигналов от всех точек. Время предъявления каждого стимула в первой серии составляло 500 мс, во второй – 1000 мс, третьей – 1500 мс, в четвертой – 2000 мс; каждая серия содержала по 10 стимулов. Задача испытуемого заключалась в определении направления когерентного движения. Для более эффективного определения порога когерентности движения использовался адаптивный метод, позволяющий обнаружить уровень интенсивности наиболее близкий к измеряемому порогу. Суть метода заключалась в изменении числа точек, движущихся в когерентном направлении, в зависимости от ответа испытуемого. При правильном ответе число когерентных точек снижалось на 10%, при неправильном ответе число когерентных точек, напротив, увеличивалось на 10%. Порог когерентности движения определялся как среднее значение показателя когерентности в процентах для 8 из 10 последних предъявлений стимула.

Для исследования процесса чтения была использована авторская методика (Shelepin, Skuratova, 2019). Задача испытуемого заключалась в чтении вслух текста объемом 100 слов, адаптированного по содержанию и сложности для учащихся вторых классов. В процессе чтения производилась запись движений глаз. Были выделены следующие параметры глазодвигательной активности: общее количество фиксаций, средняя продолжительность фиксаций, средняя амплитуда саккад, соотношение регрессивных саккад к общему числу саккад.

Выборку исследования составили учащиеся вторых классов общеобразовательных школ.

Ожидаемые результаты

В ходе нашего исследования мы предполагаем получить положительную корреляцию между порогом когерентности движения и количеством ошибок при чтении. Также мы ожидаем обнаружить, что порог когерентности движения будет положительно взаимосвязан с количеством регрессивных саккад и отрицательно взаимосвязан с их амплитудой, так как наше прошлое исследование показало, что при возрастании ошибок в процессе чтения детям приходится чаще совершать регрессы малой амплитуды для их коррекции.

Литература

1. *Eden, G.F., VanMeter, J.W., Rumsey, J.M., Maisog, J.M., Woods, R.P. & Zeffiro, T.A.* (1996). Abnormal processing of visual motion in dyslexia revealed by functional brain imaging. *Nature*, 382, 66–70.
2. *Milner, D.A. & Goodale, M.A.* (1995). *The visual brain in action*. Oxford: Oxford University Press.
3. *Shelepin E., Skuratova K.* (2019). Dyslexia assessment model using the eye-tracker technique *Neurobiology Of Speech And Language. Proceedings Of The 3rd International*
4. *Talcott, J.B., Hansen, P.C., Willis-Owen, C., Mckinnell, I.W., Richardson, A.J., & Stein, J.F.* (1998). Visual magnocellular impairments in adult developmental dyslexics. *Neuro-Ophthalmology*, 20, 187–201
5. *Walsh, V.* (1995). Reading between the laminae. *Current Biology*, 511, 1216–1217.

Андрющенко Е.А., Щербакова О.В.,

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛНОТА ПОНИМАНИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ ТЕКСТОВ У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМИ ПАТТЕРНАМИ МЕТАКОГНИТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ

Умение правильно понимать многозначную информацию – это важный когнитивный навык, однако, согласно данным ряда недавних исследований, в настоящее время у значительной части взрослых испытуемых он развит недостаточно (Shcherbakova, Nikofofova, 2018). Считается, что понимание основано не только на операциях рационального мышления: оно также включает чувства, эмоции, пережива-

ния и т.д. (Знаков, 2005). В связи с этим в данном исследовании была предпринята попытка обнаружить связь процесса понимания и эмоциональной сферы личности, в частности, эмоционального интеллекта и метакогнитивной регуляции эмоций.

Для изучения полноты понимания переносного смысла вербальных текстов были использованы притчи как эффективный метод воздействия на эмоциональную сферу человека (Салтыкова, Волохова, 2016). Гипотеза нашей работы заключалась в том, что связь полноты понимания переносного смысла вербальных текстов и уровня выраженности различных (прежде всего, позитивных) паттернов метакогнитивной регуляции эмоций носит линейный характер: чем выше показатели понимания переносного смысла, тем выше уровень выраженности позитивных паттернов метакогнитивной регуляции эмоций. Аналогичные закономерности предполагались для связей между полнотой понимания переносного смысла и уровнем эмоционального интеллекта, а также уровнем сформированности theory of mind. В исследовании приняли участие 30 добровольцев (18–32 года, ср. возраст = $22 \pm 2,9$ года, 24 женщины). Исследование состояло из 5 последовательных этапов. Были использованы следующие методы: «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена для контроля уровня психометрического интеллекта; опросник на эмоциональный интеллект «ЭМИн» Д.В. Люсина для оценки уровня эмоционального интеллекта; методика «Когнитивная регуляция эмоций» (перевод и адаптация О.Л. Писаревой, А. Гриценко) для оценки способностей к регуляции эмоций; методика «Reading the Mind in the Eyes» в адаптации Е.Е. Румянцевой для оценки уровня theory of mind. Для оценки полноты понимания переносного смысла многозначных текстов было использовано глубинное полуструктурированное интервью (Shcherbakova, Nikiforova, 2018). Каждое интервью сопровождалось записью на диктофон, все аудиозаписи были дословно транскрибированы.

Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью анализа надежности (-Кронбаха) и кор-

реляционного анализа (г-Спирмена). Значимых корреляций между исследуемыми параметрами не было выявлено, Однако в ходе анализа данных были обнаружены некоторые закономерности. Большинство респондентов (65%) в понимании переносного смысла вербальных текстов не продвигаются дальше житейского уровня. Также было обнаружено преобладание негативных паттернов метакогнитивной регуляции эмоций у значительной доли респондентов (40% респондентов), а у 30% респондентов выраженность позитивных и негативных паттернов была приблизительно равна. Проявление более простых паттернов регуляции эмоций согласуется с часто встречающимися в выборке низкими баллами по параметру «понимание притч» (у 93% испытуемых баллы варьировались от 4 до 12 при максимально возможных 18-ти, максимальный балл в выборке – 13 получили лишь 2 респондента). Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что развитие метакогнитивных навыков респондентов находится на недостаточно высоком уровне. Таким образом, есть основания предполагать, что средние и высокие уровни выраженности позитивных паттернов метакогнитивной регуляции, психометрического и эмоционального интеллекта и функционирования theory of mind являются необходимыми, но не достаточными условиями для достижения высоко обобщенного понимания переносного смысла вербальных текстов. Также можно предполагать, что в настоящее время наблюдается несформированность навыка понимания многозначных текстов даже у взрослых интеллектуально сохранных людей. Это, в свою очередь, соответствует мнению исследователей о том, что смысловому чтению, как и пониманию многозначных текстов, в настоящее время не уделяют целенаправленного внимания в процессе образования (Ясюкова, 2016). Для уточнения полученных нами результатов необходимы дальнейшие исследования на расширенных выборках, в т.ч. дифференцированных по уровню психометрического и эмоционального интеллекта.

Литература

1. Знаков В.В. (2005) Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Институт психологии РАН. 448 с.
2. Салтыкова М.В., Волохова П.М. (2016) Прием притчи как интерактивный метод научения и воспитания эмоциональной сферы личности на уроках ОБЖ // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты 2(29). С. 88–92.
3. Ясюкова Л.А. (2016) Современная неграмотность – системная ошибка // СПб. URL: <https://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/sovremennaya-negramotnost-sistemnaya-oshibka> (дата обращения: 19.08.2019).
4. Shcherbakova O.V., Nikiforova E.A. (2018) Fables comprehension in healthy adults: Does IQ matter? // Journal of the Higher School of Economics. P. 222–231.

*Блинова Е.Н., Щербакова О.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет*

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ РАЗНОГО ФОРМАТА (ВЕРБАЛЬНЫХ И ИКОНИЧЕСКИХ)

«Чтение является комплексным когнитивным навыком, включающим многообразные операции с текстом: от его восприятия до сложных интеллектуальных действий, опосредующих процессы понимания. Каждый современный человек взаимодействует с большим количеством текстов, содержание которых претерпевает значительные качественные трансформации. Все чаще они оказываются представлены в иконическом формате, сочетающем вербальные и графические эле-

менты, образующие смысловое целое. Можно предполагать, что для эффективного усвоения читателями текстов иконического формата требуются соответствующие изменения в самом навыке чтения. Классические когнитивные теории (Веккер, 1976; Paivio, 1990) и результаты ряда современных работ (напр., Schnotz, Bannert, 2003) позволяют предположить, что включение иллюстративных компонентов в текст окажет положительное влияние на полноту его понимания. Однако в исследованиях последних лет обнаруживается, что люди хуже понимают общий смысл иконических текстов (Petrova, Riekhakaunen, 2019), хотя и склонны положительно оценивать опыт работы с таким материалом (Казакова, 2016).

Наличие противоречивых эмпирических данных и малая изученность проблемы на русскоязычных выборках стали причинами для проведения настоящего исследования. Его целью являлось изучение когнитивных особенностей работы читателей с текстами вербального и иконического форматов. В работе проверялась гипотеза о том, что существуют значимые различия в уровнях успешности понимания и самооценки понимания текстов разного формата. В частности, ожидалось, что вербальные тексты по сравнению с иконическими будут пониматься читателями лучше, но оцениваться как хуже понятые.

Исследование было реализовано в два последовательных этапа. На подготовительном этапе был разработан стимульный материал – три парных текста разного формата, эквивалентных по своему содержанию. На основном этапе были выполнены задачи сбора и анализа данных. Сбор данных осуществлялся следующим образом: в ходе глубинного полуструктурированного интервью респондентам (N = 40; 18–37 лет, Me = 22; 77,5%-женщины) предлагалось прочитать два текста разного формата и содержания. После чтения каждого из текстов участники самостоятельно оценивали успешность понимания прочитанного, выполняли тестовые задания по тексту и обсуждали его содержание с интервьюером. Аудиозаписи интервью были дословно транскрибированы. Письменные протоколы оценивались независимо двумя экс-

пертами по заранее разработанным критериям полноты понимания прочитанного респондентами. Для статистической обработки данных были использованы критерий U Манна-Уитни и критерий хи-квадрат Пирсона.

По результатам сравнения показателей успешности выполнения тестовых заданий к текстам и полноты понимания прочитанного не было выявлено значимых различий, связанных с форматом предъявленного материала. Исключение составил наиболее сложный по субъективным оценкам респондентов текст стимульного набора, тестовые задания к которому выполнялись лучше при работе с вербальным форматом ($U = 21,5$, $p < 0,01$). Показатели самооценки понимания прочитанного оказались выше для вербальных, а не иконических текстов ($U = 455,0$, $p < 0,01$), что противоречило гипотезе исследования.

Мы предполагаем, что полученные результаты обусловлены тем, что чтение иконических текстов требует параллельной обработки их вербальных и графических элементов. Можно судить о том, что такая когнитивная работа оказывается более сложной и лишает читателя возможности воспользоваться вспомогательным приемом конструирования собственных образных представлений, доступным при чтении вербальных текстов. В таком случае более низкие показатели самооценки понимания иконических текстов могут быть обусловлены рефлексивным отношением участников к собственной когнитивной работе в процессе чтения и, как следствие, самостоятельным обнаружением затруднений в освоении смысла прочитанного. Выводы:

1. Успешность понимания текстов в большей мере связана с их содержанием, а не с форматом.

2. Когнитивная обработка графических составляющих иконических текстов может затруднять их понимание при работе со сложным по содержанию материалом.

3. Можно предполагать, что рефлексивное отношение к собственной когнитивной деятельности позволяет читателям отслеживать затруднения, сопровождающие работу с иконическими текстами.

Литература

1. Веккер, Л.М. (1976). Психические процессы. Т. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.
2. Казакова, Е.И. (2016). Тексты новой природы: проблемы междисциплинарного исследования. Психологическая наука и образование, 21(4), 102–109.
3. Paivio, A. (1990) Mental Representations: A Dual Coding Approach. Oxford University Press.
4. Petrova, T., Riekhakaynen, E. (2019). Processing of Verbal and Non-verbal Patterns: An Eye-Tracking Study of Russian. Third international congress on information and communication technology, ICICT 2018, L.: Springer, 269–275.
5. Schnotz, W., Bannert, M. (2003). Construction and interference in learning from multiple representation. Learning and Instruction, 13, 141–156.

Ривин Д.Р., Щербакова О.В.,

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОНИМАНИЕ КОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ У ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ОТНОШЕНИЯ К ЮМОРУ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ)

Гелотофобия – патологический страх насмешки – была впервые описана немецким психотерапевтом и психиатром М. Титцем на клиническом материале [6]. Психологи В. Рух и Р.Т. Проьер также выявили два других типа отношения к юмору – склонность выставлять себя объектом насмешки (гелотофилию) и склонность чрезмерно высмеивать других (катагеластичесизм) [4].

Существуют исследования, показывающие связь выраженности типов отношений юмору со стилями мышления и кре-

ативностью: для гелотофобов характерны более консервативные стили мышления, а гелотофилия положительно связана с предрасположенностью к креативной деятельности [3, 2]. Однако когнитивный аспект восприятия самого комического материала людьми с гелотофобией, гелотофилией и катагеластичизмом изучен недостаточно.

Мы предположили, что тип отношения к юмору может опосредовать процесс понимания комического. Основная цель исследования – проверить гипотезу о том, что выраженность гелотофобии, гелотофилии или катагеластичизма статистически значимо связана с полнотой понимания комического. При выборе комического материала мы остановились на интернет-мемах как на наиболее актуальной форме юмора среди молодых взрослых. Существуют англоязычные исследования, описывающие смысловое устройство мемов различных жанров [5], что позволяет рассматривать их как вид комического текста, т.е. интеллектуальной задачи особого рода, успешное разрешение которой приводит к переживанию комического.

Выборка

Размер выборки основного этапа нашего исследования составил 45 добровольцев (33 женщины) в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 23$, $SD = 2,871$). В число наших испытуемых вошли представители различных специальностей, преимущественно связанных с творческим интеллектуальным трудом, с высшим или неоконченным высшим образованием.

Методы и процедура

В ходе пилотажных интервью мы просили испытуемых, выступивших в роли экспертов, объяснить, в чем заключается комическое основание каждого из заранее отобранных нами интернет-мемов, и, когда испытуемый озвучивал ту или иную ключевую идею, мы просили его более подробно описать ее и то, как именно испытуемый к ней пришел. На основании тех идей, которые повторялись в каждом интервью, мы сформулировали шкалы уровней понимания для каждого

из 5 мемов, вошедших в окончательный стимульный сет. Поскольку мемы содержали разное количество ключевых идей, данные шкалы различались по количеству делений, и в ходе последующей статистической обработки выступали в роли отдельных переменных.

В ходе основного этапа исследования каждый из 45 испытуемых принял участие в глубинном полуструктурированном интервью. Протоколы интервью анализировались двумя независимыми экспертами на предмет оценки количества ключевых идей, которые удалось выявить испытуемому. Выраженность гелотофобии, гелотофилии и катагеластии оценивалась с помощью опросника PhoPhiKat < 30 >, адаптированного для российской выборки [1]. Переменная психометрического интеллекта контролировалась с помощью методики «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена.

На финальном этапе исследования мы проверили основную гипотезу с помощью корреляционного анализа (критерий r-Спирмена), а также провели качественный контент-анализ протоколов интервью.

Результаты

Основная гипотеза исследования не подтвердилась, поскольку статистически значимых взаимосвязей между гелотофобией, гелотофилией и катагеластией, с одной стороны, и уровнями понимания мемов, с другой, выявлено не было. Были выявлены следующие статистически значимые взаимосвязи:

- положительная взаимосвязь между уровнями выраженности гелотофилии и катагеластии ($r = 0,457$; $p = 0,002$);
- положительная взаимосвязь между уровнем психометрического интеллекта и уровнем понимания четвертого интернет-мема ($r = 0,333$; $p = 0,025$);
- положительная взаимосвязь уровня понимания третьего интернет-мема с уровнями понимания первого ($r = 0,447$; $p = 0,002$), второго ($r = 0,319$; $p = 0,033$), четвертого ($r = 0,549$; $p < 0,001$) и пятого ($r = 0,468$; $p = 0,001$) интернет-мемов.

Литература

1. *Ivanova E.M., Makogon I.K., Stefanenko E.A., Enikolopov S.N., Proyer R.T., Ruch W.* (2016). Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika gelotofobii, gelotofilii i katagelastitsizma PhoPhiKat. *Voprosy psikhologii*, № 2, 162–171.
2. *Chan Y.C., Chen H.C., Lavallee J.* (2013). The impact of gelotophobia, gelotophilia and kat-agelasticism on creativity. *Humor*, V. 26 (4), 609–628.
3. *Chen G.H., Liu Y.* (2012). Gelotophobia and thinking styles in Sternberg's theory. *Psychological reports*, V. 110 (1), 25–34.
4. *Ruch W., Proyer R.T.* (2009). Extending the study of gelotophobia: On gelotophiles and kat-agelastics. *Humor-International Journal of Humor Research*, V. 22, 165–182.
5. *Shifman L.* (2014). The cultural logic of photo-based meme genres. *Journal of Visual Culture*, V. 13 (3), 340–358.
6. *Titze M.* (1996). The Pinocchio Complex: Overcoming the fear of laughter. *Humor and Health J*, V. 5, 1–11.

Dvoeglazova M., Sawada T.,

National Research University Higher School of Economics

PERCEIVING COLLINEAR, PARALLEL, AND PERPENDICULAR CONTOURS

“The human visual system processes configurations of contours more efficiently so that their perception cannot be simply represented as a sum of perception of the individual contours (Watt, R. J., 1984; Westheimer, G., & Ley, E. J., 1997). I studied perception of collinear contours configuration and compared it with perception of other contour configurations.

Importance of perception of contour configurations has been discussed from Gestalt Psychology. But, it is difficult to meas-

© Dvoeglazova M., Sawada T., 2020

ure the effect of the configurations quantitatively. Koshmanova and Sawada (2019) proposed a psychophysical method that can represent the effect of configuration as uncertainty of individual contours perception which is called an orientation threshold.

Method of Constant Stimuli is based on assumption that process of junction perception can be considered as integration of precepted singular lines. If this approach is correct, the thresholds will remain constant in all observations of all configurations. On the contrary, difference between thresholds of configurations means that visual system does not process different types of configurations by a linear integration.

Apparatus

Stimuli were displayed on a LCD display in a dark room. The subjects viewed the display bin-ocularly from a distance of 160cm. The head of observer was fixed by using a chinrest. In order to minimize artifactual cues for orientation judgments, a black panel with a circular aperture (29 cm in diameter) was placed on a screen of the display. Stimuli Perception of 3 types of junctions composed of two contours were tested in the experiment: parallel, collinear and perpendicular. The contours were white and were $7.5 \text{ cm} \pm 1.25 \text{ cm}$ length with 1mm width. Three levels of eccentricity of the contours were used: 1, 2, and 3 cm. Procedure

The modified Method of Constant Stimuli with the two-alternative-forced-choice design of Koshmanova and Sawada (2019) was used. A fixation point was shown in each trial (250 ms). An observer pressed a mouse button and two intervals of visual stimuli were shown. Duration of each stimulus was 250 ms with 250 ms interval between the stimuli. The task for observer was to judge which of two junctions was more collinear, perpendicular or parallel. An audio feedback about the accuracy of the response was given after each trial. All 9 conditions were blocked: 3 types of junctions \times 3 levels of eccentricity. Each block consisted of 180 trials and the order of the trials was randomized.

The observers were the authors of this study (MD and TS) and 2 naïve participants with normal or corrected-to-normal vision.

Results

The results of the experiment show that the visual system is more sensitive to a parallel and collinear contour than to a perpendicular junction. The effect of the junction type was significant ($F(2,24) = 8.925$, $p = 0.001$). Post-hoc tests (Tukey) showed that difference of the threshold between the perpendicular and collinear configurations ($p = 0.001$) and between the perpendicular and parallel configurations ($p = 0.024$) but not between the collinear and parallel configurations ($p = 0.416$). The effect of the eccentricity ($F(2,24) = 0.723$, $p = 0.496$) or the interaction effect between the eccentricity and the configuration type ($F(4,24) = 0.786$, $p = 0.545$) were not significant.

General discussion

The results of the experiment suggest that the visual system is as sensitive to collinear contours in a retinal image as it is to parallel contours in a retinal image. Note that parallelism and col-linearity of contours are non-accidental properties while perpendicularity is not. Results of our experiment shows that the visual system continues to be sensitive towards collinear contours when they are rotated in eccentric positions.

Literature

1. *Koshmanova, E., & Sawada, T.* (2019). Perceiving perpendicular and parallel contours in the frontoparallel plane. *Vision research*, 154, 97–104.
2. *Watt, R.J.* (1984). Towards a general theory of the visual acuities for shape and spatial arrangement. *Vision Research*, 24(10), 1377–1386.
3. *Westheimer, G., & Ley, E.J.* (1997). Spatial and temporal integration of signals in foveal line orientation. *Journal of neurophysiology*, 77(5), 2677–2684.

*Мищенко Е.В., Негиши И., Горбунова Е.С., Савада Т.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ «ЗНАКОМЫЙ РАЗМЕР» ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАКОМ ГЛУБИНЫ ПРОСТРАНСТВА?

Теоретически возможно оценить расстояние от наблюдателя до определенного знакомого объекта, размер которого хорошо известен наблюдателю, путем вычисления отношения между размером изображения объекта на сетчатке наблюдателя и запомненным размером объекта. Предполагается, что мы можем рассчитать расстояние до знакомого объекта, используя информацию из памяти о его размере. Этот эффект известен как эффект «знакомого размера» и часто упоминается, как один из признаков глубины пространства. Предыдущие исследования эффекта знакомого размера как признака глубины пространства не учитывали необходимость минимизации или устранения потенциальных воздействий когнитивных факторов более высокого уровня на ответы испытуемых или влияния низкоуровневых свойств изображения (например, пространственной частоты). Мы проверили эффект знакомого размера в ходе двух психофизических экспериментов, которые проводились как в России, так и в Японии. Зрительными стимулами, используемыми в проведенных экспериментах, были изображения комплектов из трех монет. Сорок российских студентов и двадцать три японских студента приняли участие в экспериментах. В первом эксперименте изображения монет были выровнены по горизонтали и представлены в течение 300 мс. Во втором эксперименте были показаны изображения трех монет последовательно, то есть друг за другом, в течение 250 мс. Участники давали ответы о предполагаемой глубине расположения монет относительно друг друга в ходе решения психофизической задачи

© Мищенко Е.В., Негиши И., Горбунова Е.С., Савада Т., 2020

с 4 альтернативными ответами. Влияние эффекта знакомого размера проявлялось бы как корреляция между типами монет (российскими и японскими) и странами участников (Россия и Япония). На основе мета-анализа эффекта знакомого размера, наблюдавшегося в предыдущих исследованиях, предполагалось, что сила эффекта должна быть существенной. Но наши результаты в обоих экспериментах показали, что влияние эффекта на восприятие глубины было практически нулевым ($p = 0,853$, $BF = 2,76$ в эксперименте 1; $p = 0,754$, $BF = 3,01$ в эксперименте 2). Таким образом был сделан вывод о том, что влияние эффекта знакомого размера на восприятие глубины равно нулю или, в лучшем случае, очень мало.

Литература

1. *Epstein, W.* (1963). The influence of assumed size on apparent distance. *American Journal of Psychology*, 76, 257–265.
2. *Fitzpatrick, V., Pasnak, R., & Tyer, Z. E.* (1982). The effect of familiar size at familiar distances. *Perception*, 11, 85–91.
3. *Gogel, W. C. & Mertens, H. W.* (1968). Perceived depth between familiar objects. *Journal of Experimental Psychology*, 77, 206–211.
4. *Hochberg, C. B. & Hochberg, J. E.* (1952). Familiar size and the perception of depth. *Journal of Psychology*, 34, 107–114.
5. *Ono, H.* (1969). Apparent distance as a function of familiar size. *Journal of Experimental Psychology*, 79, 109–115.
6. *Predebon, J.* (1993). The familiar-size cue to distance and stereoscopic depth perception. *Perception*, 22, 985–995.
7. *Predebon, J. & Woolley, J.S.* (1994). The familiar-size cue to depth under reduced-cue viewing conditions. *Perception*, 23, 1301–1312.

Карабанов А.П.,

*Институт психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета,
Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

**«ЭТО НЕВЕРОЯТНО, ПОЭТОМУ ОБЯЗАТЕЛЬНО
ПРОИЗОЙДЕТ»: СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ
ВЕРОЯТНОСТИ ПРОТИВОРЕЧАТ ПРЕДСКАЗАНИЮ
НАСТУПЛЕНИЯ ИСХОДА**

Субъективная вероятность – это репрезентация человеком уверенности в наступлении некоего события, основанная на представлениях о частоте этого события. В теории перспектив субъективные вероятности представлены как весовая функция для которой свойственно завышение малых и занижение средних и высоких вероятностей (Tversky, Kahneman, 1981). Нелинейность данной функции, а также связанное с этим отличие суммы вероятностей от единицы, рассматривается в качестве одной из причин иррациональности выбора в ситуации неопределенности (Weber, 1994).

В подавляющем большинстве работ, посвященных теме субъективных вероятностей, испытуемые сталкиваются с необходимостью оперировать данными им значениями вероятностей – долями, процентами или их аналогами. Однако в условиях реального выбора люди сталкиваются с принципиально иной задачей – задачей операционализации уверенности в наступлении исхода (исходя из суммы факторов) в оценку его вероятности.

В нашем исследовании мы пошли именно по этому пути и попытались ответить на вопрос: соотносятся ли предпочтения с субъективными вероятностями в задачах, когда значения вероятностей не сформулированы.

Методика предполагала оценку вероятности одного из исходов с последующим выбором наиболее вероятного исхода. Базовая формулировка задачи была следующей: «Иван едет домой после работы в состоянии сильного алкогольного опьянения с существенным превышением скорости. Какова вероятность того, что он попадет в ДТП». Данная задача предъявлялась в нескольких вариантах: 1) в прошедшем времени и сослагательном наклонении (контрфактуальный характер формулировки), 2) с предшествующей контрфактуальной установкой, 3) с изменением типа события, вероятность которого нужно было оценить. Таким образом, мы проверяли гипотезы о: 1) влиянии известности результата, 2) влиянии эффекта «scale compatibility» (Bleichrodt, Pinto, 2002) и 3) влиянии изменения положения субъективного «нуля» в отношении оценки вероятности, предполагающее выбор на основе неуверенности в исходе, репрезентирующей отношение $pB = 1 - pA$.

Выборка составила 350 человек, преимущественно студентов РГГУ (дневного и вечернего отделений), в возрасте от 17 до 49 лет ($M = 21$, $sd = 4,9$), из них 80% – девушки. Результаты. Был использован метод бинарной логистической регрессии, позволяющий оценить влияние предикторов (первая оценка вероятности, межгрупповые факторы) на изменение вероятности предпочтения одной из альтернатив в ходе выбора (вторая оценка вероятности). Модель оказалась значимой ($\chi^2 = 79.13^{***}$) и включала следующие предикторы: оценка вероятности (0.65^{***}), контрфактуальная установка (-1.467^{***}), тип оцениваемого события (3.002^{***}), а также взаимодействия типа события и его оценки (-0.76^{***}), контрфактуальной установки и типа события (2.778^{***}).

Резюме: 1) контрфактуальный характер формулировки не повлиял на оценки либо предпочтения; 2) доминирование альтернатив с вероятностью более 0.5 является неполным; 3) контрфактуальная установка усиливает эффект избегания потерь, как если бы исходы «покупались», а не предсказывались; 4) при оценке вероятности «не того же самого» исхода наблюдается невозможность предсказания выбора исхода по оценкам вероятности, а также 5) выраженная инверсия предпочтений в условиях с контрфактуальной установкой.

Таким образом, мы обнаружили, что люди часто действуют по принципу «это невероятно, значит, обязательно произойдет», выбирая как наиболее вероятный исход тот из них, которому они приписывают наименьшую оценку вероятности. Мы предлагаем два варианта интерпретации полученных результатов. Первый основан на предположении о существовании дополнительной весовой функции – функции неуверенности, второй – на предположении об упрощении когнитивно более сложных задач оценки вероятности посредством эвристических средств (Shah, Oppenheimer, 2008). Принимая во внимание каждую из них, описанные феномены свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований субъективных репрезентаций вероятности событий и, в частности, операционализации уверенности в исходе решателем для последующего принятия решений.

Литература

1. *Tversky A., Kahneman D.* The Framing of decisions and the psychology of choice // *Science*. 1981. Vol. 211. No. 4481. pp. 453–58.
2. *Weber E.U.* From Subjective Probabilities to Decision Weights: The Effect of Asymmetric Loss Functions on the Evaluation of Uncertain Outcomes and Events // *Psychological Bulletin*. 1994. Vol. 115. No. 2. pp. 228–242.
3. *Shah A.K., Oppenheimer D.M.* Heuristics Made Easy: An Effort-Reduction Framework // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134. No. 2. pp. 207–222.
4. *Bleichrodt H., Pinto J.* Loss Aversion and Scale Compatibility in Two-Attribute Trade-Offs. *Journal of Mathematical Psychology*. 2002. V. 46, pp. 315–337 doi:10.1006/jmps.2001.1390

*Горностаев И.С., Карабанов А.П.,
Институт психологии имени Л.С. Выготского,
Российский государственный гуманитарный университет*

ВЛИЯНИЕ АВТОРИТЕТА ИСТОЧНИКА НА ОЦЕНКУ ПСЕВДООСМЫСЛЕННЫХ И ОСМЫСЛЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В современном обществе человек регулярно сталкивается с необходимостью перерабатывать огромное количество информации в интернет среде – новостного, образовательного, информационного и развлекательного контента. Вместе с тем остро встает вопрос о достоверности и надежности получаемой таким образом информации, а также способности человека отсеивать «фейки». Данный вопрос нашел отражение в работах ряда авторов, таких как Г. Пенникук, А. Уокер и др., которые попытались установить дифференциальные особенности доверчивости людей – их склонности находить «зерна мудрости» в высказываниях, которые только по форме похожи на осмысленные и/или интеллектуальные, но на самом деле напрочь лишены смысла.

Большая часть исследований в этой области направлена на определение факторов, влияющих на способность человека отличить осмысленные высказывания от псевдоосмысленных, а также на определение механизмов, влияющих на степень восприимчивости к псевдоосмысленным высказываниям (см. например: Pennycook et al., 2015; Walker et al., 2019). Все эти исследования чаще всего направлены на выявление корреляций между различными психологическими факторами и способностью человека грамотно оценить глубину и осмысленность высказывания. Например, были найдены корреляции между преобладанием интуитивного склада ума над аналитическим и более высокой оценкой бессмысленных фраз, между восприимчивостью к иллюзорным паттернам и восприимчивостью к псевдоосмысленным высказываниям (Walker et al., 2019).

© Горностаев И.С., Карабанов А.П., 2020

Основным методологическим ходом в исследованиях подобного рода является использование предложений, синтаксически связанных, но сгенерированных случайным образом из слов, ассоциируемых с мудрыми, интеллектуальными (и т.п.) высказываниями. В нашем исследовании мы прибегнули к такому же ходу, создав русскоязычную альтернативу шкалы чувствительности к псевдоосмысленным высказываниям (Bullshit Sensitivity Scale), использованной А. Уокером (et al., 2019).

Мы выдвинули гипотезу о том, что наличие авторитетного источника будет повышать оцениваемую осмысленность высказываний – ввиду большего доверия к источнику, повышения психологической готовности субъекта менее критично воспринимать информацию, поступающую из якобы более надежного источника.

В рамках проведенного нами эксперимента мы разделили испытуемых на две группы, каждой из которых предложили оценить псевдоосмысленные и осмысленные высказывания с точки зрения их смысловой нагрузки. В качестве осмысленных высказываний были использованы взятые из открытых источников цитаты значимых научных и культурных деятелей. Первой группе испытуемых были предложены высказывания без указания на источник. Второй группе – те же высказывания, сопровождаемые случайными фотографиями деятелей культуры и науки 18-20 веков с краткими описаниями их биографии, которая должна была подчеркнуть авторитет профессионализма за счет перечисления достижений в профессиональной сфере, титулов и т.п. (Чалдини, 1999). Оценка высказываний проводилась по 5-бальной шкале Лайкерта.

В исследовании приняли участие 50 человек (по 25 в экспериментальной и контрольной группах) в возрасте от 18 до 28 лет.

Составленная нами шкала для оценки «чувствительности к ерунде» на основе ответов 25 испытуемых контрольной группы в конечном итоге включала 14 пунктов и характеризовалась высокой внутренней согласованностью (Кронбаха

$\alpha = 0.917$, средняя корреляция пунктов 0.449). В экспериментальной группе согласованность оказалась меньше ($\alpha = 0.84$, средняя корреляция пунктов 0.272).

В результате мы показали, что: 1) оценка псевдоосмысленных высказываний существенно выше, если высказывание сопровождается ссылкой на авторитетный источник, 2) оценки осмысленных и псевдоосмысленных высказываний коррелируют между собой, т. е. проявляют неспецифическую доверчивость, 3) даже при контроле «доверчивости» к любым высказываниям влияние авторитетного источника по отношению именно к оценке псевдоосмысленных высказываний остается значимым.

Таким образом, мы можем утверждать, что авторитетность источника – ход, применяемый повсеместно в рекламе, маркетинге (и т. п.) – существенно повышает оценку осмысленности высказываний, даже если эти высказывания напроць лишены всякого смысла.

Литература

1. Чалдини Р. Психология влияния. – СПб.: Питер Ком, 1999.
2. Walker A.C., Turpin M.H., Stolz J.A., Fugelsang J.A., Koehler D.J. Finding meaning in clouds: illusory pattern perception predicts receptivity to pseudo-profound bullshit. *Judgment and Decision Making*, 2019. Vol. 14, No. 2, pp. 109–119.
3. Pennycook G., Cheyne J.A., Barr N., Koehler D.J., Fugelsang J.A. On the reception and detection of pseudo-profound bullshit, 2015. Vol. 10, No. 6, pp. 549–563.

*Лазарева Н.Ю., Чистопольская А.В., Акатова Н.Ю.,
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова*

ПОИСКИ МЕХАНИЗМОВ ИНСАЙТНОГО РЕШЕНИЯ: ДЕКОМПОЗИЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЧАНКА

С. Ольссон (Ohlsson, 1992) выделяет и описывает два основных механизма изменения репрезентации задачи для нахождения верного решения и выхода из тупика: ослабление запретов (constrain relaxation) – преимущественно высокоуровневый механизм; декомпозицию перцептивного чанка (chunk decomposition) – низкоуровневый механизм. На наш взгляд, концептуальное и эмпирическое расширение модели С. Ольссон является необходимой и актуальной исследовательской задачей. Мы предполагаем новые механизмы изменения репрезентации задачи: декомпозицию семантического чанка и ослабление перцептивных ограничений. В рамках данного экспериментального исследования наша задача состояла в изучении такого механизма инсайтного решения, как декомпозиция семантического чанка.

Гипотезы

Основная гипотеза: наличие семантического чанка в анаграмме будет индуцировать инсайтность ее решения и увеличивать сложность решения. Частные гипотезы:

1. В условии семантического чанка оценки степени инсайтности решения анаграммы будут выше, в сравнении с условиями отсутствия семантического чанка.
2. В условии семантического чанка количество решенных анаграмм будет меньше.
3. В условии семантического чанка время решения анаграмм будет значимо больше.

Переменные экспериментального исследования

Независимые переменные: наличие семантического чанка: анаграмма с трехбуквенным семантическим чанком в начале слова; анаграмма без трехбуквенного семантического чанка в начале слова.

Зависимые переменные: время решения задачи; решенность/нерешенность задачи; оценка инсайтности решения.

Выборка

Первая серия исследования: 31 человек в возрасте от 18 до 45 лет ($M = 24,1$; $Med = 21$; $\sigma = 5,8$), 6 мужчин и 25 женщин.

Вторая серия исследования: 32 человека в возрасте от 18 до 41 года ($M = 24,2$; $Med = 20,5$; $\sigma = 7,6$), 12 мужчин и 20 женщин.

Стимульный материал

Анаграммы представляли собой шестибуквенные слова, существительные, единственного числа, именительного падежа, имена нарицательные. Специфика экспериментального условия с присутствием семантического чанка – в начале анаграммы находилось трехбуквенное слово. Без семантического чанка – в начале анаграммы находился бессмысленный набор букв.

Во второй серии эксперимента мы более точно повторили процедуру, используемую Дж. Эллис и Е. Рейнгольдом (Ellis, Reingold, 2014). Первая тройку букв каждой анаграммы выделялась цветом и пространственной группировкой.

Процедура исследования

Испытуемому необходимо было решить 20 анаграмм, анаграммы появлялись на экране компьютера в рандомном порядке, на решение каждой анаграммы отводилось 3 минуты. Далее, испытуемый оценивал степень инсайтности своего решения с помощью адаптированного постэкспериментального опросника Л. Новика и С. Шермана (Novick & Sherman, 2003).

Результаты

Первая серия экспериментального исследования

Степень инсайтности при решении анаграмм в условиях семантического чанка и без него значимо не различается ($\chi^2 = 0.66$, $p = 0.71$).

Были выявлены значимые различия по количеству решенных анаграмм: при наличии семантического чанка количество решенных анаграмм значимо меньше ($\chi^2 = 4.81$, $p = 0.03$).

Вторая серия экспериментального исследования

Не было установлено значимых различий в количестве решенных и нерешенных анаграмм в зависимости от наличия семантического чанка ($\chi^2 = 0.57$, $p = 0.45$).

По времени решения анаграммы, включающие трехбуквенное слово в начале, и анаграммы, включающие в начале бессмысленный набор букв, также не различались ($F(1, 494) = 0.13$, $p = 0.72$).

В отличие от первой серии, по самоотчетам испытуемых 78% заметили слово в начале анаграммы и 60% из них испытывали субъективные затруднения вследствие наличия семантических чанков.

Выводы

Результаты первой серии исследований говорят в пользу того, что наличие семантического чанка оказывают фиксирующее влияние на решение анаграмм. При этом, согласно результатам второй экспериментальной серии, по всей видимости, эффект от чанка, в большей степени стирается, а сам чанк оказывает недостаточное влияние на решение анаграммы за счет того, что перебор всевозможных вариантов букв стирает первоначальную фиксированность на семантическом чанке.

Литература

1. Ellis, J.J., & Reingold, E.M. (2014). The Einstellung effect in anagram problem solving: evidence from eye movements. *Frontiers in psychology*, 5, 679.

2. *Novick, L.R., & Sherman, S.J.* (2003). On the nature of insight solutions: Evidence from skill differences in anagram solution. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A*, 56(2), 351–382.
3. *Ohlsson, S.* (1992). Information-processing explanations of insight and related phenomena. *Advances in the psychology of thinking*, 1, 1–44.

*Майорова В.А., Чистопольская А.В.,
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова*

ВЛИЯНИЕ ВЫУЧЕННОЙ МОТОРНОЙ ПРОГРАММЫ НА СПЕЦИФИКУ ИНСАЙТНОГО РЕШЕНИЯ У ПРАВШЕЙ И ЛЕВШЕЙ

На сегодняшний день накоплено довольно много экспериментальных данных, свидетельствующих в пользу того, что предшествующая или сопутствующая моторная активность может влиять на различные параметры процесса решения инсайтной задачи.

В работе Л. Томаса и А. Льераса (Thomas, Lleras, 2009) показано, что двигательная активность оказывает влияние на решение инсайтной задачи Н. Майера. В своей другой работе Л. Томас и А. Льерас (Thomas, Lleras, 2009) показали, что определенный паттерн движения глаз также может влиять на ход мышления. В исследованиях Н. И. Логинова и коллег (Логинов, Спиридонов, Мезенцев, 2017) на материале классической инсайтной задачи «9 точек» было показано, что моторика является важным элементом процесса решения задачи.

Известно, что все свойства руки как ведущей определяются сложной физиологической структурой распределения функций между правым и левым полушариями коры голов-

© Майорова В.А., Чистопольская А.В., 2020

ного мозга. Действия каждой руки регулирует контрлатеральное полушарие. Настоящее исследование будет направлено на изучение успешности решения классической инсайтной задачи «9 точек» левшами и правшами. На основе результатов исследования результатов нашего предыдущего исследования о роли моторики в инсайте (Чистопольская, Майорова, 2017) предполагается, что левшам удобнее решать задачу «9 точек» из правого нижнего угла, а правшам – из левого нижнего угла.

Гипотезы исследования:

Общая гипотеза: ведущая рука определяет стратегию решения задачи «9 точек».

Частные гипотезы:

1. Праворукие люди эффективнее решают инсайтную задачу «9 точек» из левого нижнего угла.

2. Леворукие люди эффективнее решают инсайтную задачу «9 точек» из правого нижнего угла.

Переменные

Зависимые переменные: время решения, количество проб.

Независимые переменные: ведущая рука.

Выборка: в исследовании приняли участие 34 человека (20 правшей, 14 левшей) в возрасте от 18 до 22 лет.

Описание стимульного материала:

Задача «9 точек» предъявлялась в трех вариациях: классическая задача, «9 точек» с заданной точкой начала рисования из левого нижнего угла и с заданной точкой начала рисования из правого нижнего угла.

Процедура исследования

Испытуемым на листе бумаги предъявлялась инсайтная задача «9 точек», каждую пробу испытуемому выдавался новый бланк для решения задачи.

Две контрольные группы испытуемых решали задачу без заданной точки. В начале решения задачи устанавливалось, какая рука у испытуемого ведущая. Экспериментатор фиксировал время решения, количество проб, а также то, из какого

угла решалась задача. Еще двум группам испытуемых предлагалось решить инсайтную задачу «9 точек», но уже с заданной точкой начала рисования (для левшей – правая нижняя, для правшей – левая нижняя). В начале решения устанавливалась ведущая рука испытуемого. Экспериментатор фиксировал время и количество проб при решении задачи каждым испытуемым.

Результаты

Заданная моторная программа не провоцирует эффективность решения у правшей:

1. Значимых различий в количестве проб при решении задачи «9 точек» между правшами из контрольной группы и группой правшей, где задавалась точка начала рисования, нет.

2. Значимых различий во времени решения задачи «9 точек» между правшами из контрольной группы и группой правшей, где задавалась точка начала рисования, нет.

Правши и левши из контрольных групп, где не задавалась точка, из которой необходимо решать задачу, по времени решения и по количеству проб также значимо не отличаются.

Выводы

По предварительным данным, моторика не оказывает влияния на процесс решения задачи «9 точек». Данный результат можно проинтерпретировать в контексте того, что левши с детства приучены писать так же, как правши – слева направо. Следовательно, нельзя утверждать, что левшам удобнее начинать движение из правого угла.

В дальнейшем мы планируем дособрать группу испытуемых для данного экспериментального исследования, а также расширить выборку.

В планируемой новой серии исследования мы попытаемся сформировать моторный конфликт (левшам задавать нижнюю левую точку для начала рисования, а правшам – правую).

Литература

1. *Логинов, Н.И., Спиридонов, В.Ф., & Мезенцев, О.А.* (2017). Движения в структуре решения инсайтных задач (на материале задачи 9 точек). Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 14(2).
2. *Семенович, А.В.* (1991). Межполушарная организация психических процессов у левшей. М.: Изд-во Московский государственный университет.
3. *Чистопольская, А.В., & Майорова, В.А.* (2017). Роль зрительного внимания в процессе решения инсайтных задач // Когнитивная наука в Москве: новые исследования (pp. 398–402).
4. *Thomas, L.E., & Lleras, A.* (2009). Covert shifts of attention function as an implicit aid to insight. *Cognition*, 111(2), 168–174.
5. *Thomas, L.E., & Lleras, A.* (2009). Swinging into thought: Directed movement guides insight in problem solving. *Psychonomic bulletin & review*, 16(4), 719–723.

*Ишмуратова Ю.А., Блинникова И.В.,
Психологический институт Российской
академии образования*

СТРАТЕГИИ АНАЛИЗА ГРАФИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ РАЗНОГО УРОВНЯ СТУДЕНТАМИ И ПРОФЕССИОНАЛАМИ В ОБЛАСТИ ХИМИИ

Одной из базовых концепций в систематизации химических знаний является модель (Johnstone, 1991), основанная на том, что химики могут рассматривать вещество или процесс на трех уровнях: макро, молекулярном, символьном. Макроуровень – это все наблюдаемые, реально существующие химические явления. Микроуровень – это ненаблюдаемые глазом

© Ишмуратова Ю.А., Блинникова И.В., 2020

атомы, молекулы, ионы. Символьный уровень – это графическое представление информации или репрезентации, описывающие взаимосвязь макро- и микроуровней.

Было обнаружено, что наибольшую сложность для специалистов в области химии представляет микроуровень химического знания, при этом он очень важен для анализа природы химических веществ и процессов (Chittleborough, Treagust, 2008). Поэтому в настоящее время большое значение уделяется именно анализу репрезентаций микроуровня. Кроме того, существенной проблемой на ранних этапах овладения химическим знанием является перевод репрезентаций одного уровня в другой (Sanger, 2005).

Проведя обзор научных исследований в данной области, мы пришли к выводу, что у химиков могут возникать сложности при переходе от молекулярного уровня химического знания к символьному.

Целью данного исследования является определение особенностей анализа графических репрезентаций молекулярного и символьного уровней химиками с разным уровнем профессионального опыта.

Испытуемые. В исследовании приняли участие 42 химика в возрасте от 17 до 55 лет (средний возраст – 35 лет). Испытуемые были разделены на две группы по критерию стажа работы. 21 человек – студенты химических специальностей, средний стаж работы – 0,5 лет; 21 человек – профессиональные химики; средний стаж работы – 10 лет. Стимульный материал и процедура. Испытуемым предъявлялись слайды с пространственной формулой молекулы вещества (молекулярный уровень химического знания) и вариантами ответов (символьный уровень) – списком названий различных химических соединений. Испытуемым необходимо было распознать молекулу в левой части экрана и кликнуть мышью на тот вариант ответа, который они считают правильным. Было разработано 32 тестовых задания. После прохождения эксперимента испытуемые должны были ответить на вопрос, каким образом они решали предъявленные задачи. Результаты Анализ устных ответов испытуемых позволил выявить важную особенность: студенты чаще, чем профессионалы обра-

щались к подсчету количества атомов в молекуле. Профессионалы в своих ответах ни разу не упоминали подсчет атомов в молекуле. Схожие результаты были получены в исследовании Д.Мулфорда и В.Робинсона (Mulford, Robinson, 2002). Также было обнаружено, что профессионалы в своих ответах не говорили о соотношении молекулы вещества с вариантами ответов, в то время как студенты довольно часто совершали данную операцию.

Важным различием в стратегиях студентов и профессионалов стало построение последними ментальных репрезентаций молекулы вещества. Профессионалы совершали данное действие в четыре раза чаще, чем студенты, что позволяло им удерживать образ молекулы в рабочей памяти, не обращаясь каждый раз к графической репрезентации молекулярного уровня.

Было установлено, что профессионалы больше времени проводят на области изображения молекулы (молекулярный уровень), а не на области вариантов ответов (символьный уровень). Студенты же проводили больше времени на вариантах ответов, соотнося при этом каждый из вариантов с молекулярной репрезентацией, что значительно увеличивало количество переходов между двумя уровнями.

Выводы

Было выявлено две различные стратегии решения задач с репрезентациями микро- и символьного уровней. Было установлено, что профессионалы решали задачи перевода репрезентаций из молекулярного уровня в символьный быстрее и давали большее количество правильных ответов, чем студенты. Преимущество профессионалов может быть связано с построением ментальных моделей, которые позволяют выбирать правильный ответ из списка предложенных без обращения к репрезентации молекулярного уровня. Студенты, в свою очередь, основывались на подсчете количества атомов в молекуле. Они просматривали варианты ответов, переходя от одного к другому и, всякий раз оценивая, подходит ли вариант под предъявленное изображение молекулы.

Литература

1. *Chittleborough, G., & Treagust, D.* (2008). Correct interpretation of chemical diagrams re-quires transforming from one level of representation to another. *Research in science education*, 38(4), 463–482.
2. *Johnstone, A.H.* (1991). Why is science difficult to learn? Things are seldom what they seem. *Journal of computer assisted learning*, 7(2), 75-83.
3. *Mulford, D.R., & Robinson, W.R.* (2002). An inventory for alternate conceptions among first-semester general chemistry students. *Journal of chemical education*, 79(6), 739.
4. *Sanger, M.J.* (2005). Evaluating students' conceptual understanding of balanced equations and stoichiometric ratios using a particulate drawing. *Journal of Chemical Education*, 82(1), 131.

Клеева Д.Ф.,

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСАЙТА В УСЛОВИЯХ ИНДУКЦИИ МЕТАКОГНИТИВНЫХ ЧУВСТВ. ЭЭГ-ИССЛЕДОВАНИЕ

«Сигнальная модель инсайта (Валуева и др., 2013) предполагает, что, «Ага!»-переживание, испытываемое в ходе инсайта, есть сигнал, который автономно работающая Система 1 отправляет контролируемой Системе 2, оповещая о том, что элементы решения задачи были активизированы.

Ранее обнаруженный эффект «Ага!»-подсказки (Валуева и др., 2013) заключался в повышении успешности решения анаграмм в случае предъявления в процессе их решения поло-

жительно окрашенных междометий, имитирующих метакогнитивные переживания инсайта. Авторы интерпретировали данный эффект как свидетельство в пользу сигнальной модели инсайта. Однако не был учтен важный аспект решения анаграмм, который заключается в возможности формирования как инсайтнотого, так и алгоритмического решения. Это подвергает сомнению специфичность эффекта «Ага!»-подсказки относительно формирования исключительно инсайта.

В рамках настоящего исследования ожидалось, что положительные эмоциональные подсказки, выполняя роль сигнала, повысят успешность и эффективность формирования инсайтнотых решений, а отрицательные – напротив, понизят.

Использование метода ЭЭГ позволило оценить функцию, выполняемую подсказкой в рамках формирования инсайтнотого решения и эффективность формирования решения в терминах задействования различных когнитивных доменов. В качестве одной из характеристик был выделен компонент N450, выраженность которого соотносится с переключением на новый способ рассмотрения задачи (Mai et al., 2004). Также анализировался компонент P300, вовлеченный в оценку предъявляемого стимула, его категоризацию и активацию семантической сети (Qiu et al., 2008).

В качестве стимульного материала выступили анаграммы длиной от 6 до 8 букв. В качестве независимой переменной выступал прайм следующих уровней: положительная подсказка, отрицательная подсказка и нейтральное условие. На основе обратной связи учитывалась стратегия решения (“pop-out”, инсайт и алгоритмическое решение).

Число испытуемых составило 20 человек в возрасте от 19 до 26 лет ($M = 21.5$, $SD = 2.012$).

В качестве одного из результатов была обнаружена значимая взаимосвязь между праймом и двумя уровнями фактора стратегии ($\chi^2(2) = 6.4$, $p < 0.05$) так, что при предъявлении отрицательной подсказки количество инсайтнотых решений подавлялось, а алгоритмических – увеличивалось. То есть отрицательная подсказка не столько отменяла успешное инсайтнотое решение, сколько трансформировала его в алгоритмическое.

Переходя к ЭЭГ-характеристикам, следует отметить, что была обнаружена статистическая значимость в отношении взаимодействия прайма и кластера, $F(8, 612) = 10.08$, $p < 0.0001$.

В ответ на отрицательные подсказки компонент P300 подавлялся по затылочным отведениям в сравнении с нейтральным условием, $t = 2.7$, $p < 0.05$. Это может объясняться повышением нагрузки на рабочую память, что в свою очередь потенциально может способствовать переключению на алгоритмические стратегии.

Как и ожидалось, наблюдалось уменьшение выраженности компонента N450 в ответ на отрицательные подсказки при формировании инсайта, $p < 0.05$. И в ракурсе исходных предположений, и в ракурсе обнаруженного феномена отрицательной подсказки, который «алгоритмизирует» формирование решений, подавление компонента в ответ на предъявление отрицательных подсказок может указывать на подавление семантических ассоциаций и усиление ментальной фиксации, что и способствует «алгоритмизации» решения. То есть, несмотря на эмпирическое подтверждение исходной гипотезы, в свете полученных поведенческих результатов компонент N450 может являться индикатором изменения предпочитаемой стратегии, а не снижения эффективности решения.

В логику ряда аналогичных исследований заложено предположение, что инсайтные или алгоритмические решения детерминируются еще до предъявления задачи (например, настроением или активностью поясной коры). Тем не менее, результаты настоящего исследования показывают, что развитие конкретной стратегии может обуславливаться и регулироваться уже в процессе решения задачи (предположительно за счет соотношения активности Системы 1 и Системы 2). Таким образом, в рамках дальнейшего изучения эффекта эмоциональной подсказки следует избавиться от дихотомического подхода к успешности формирования решения и модифицировать сигнальную модель инсайта в соответствии с этим.

Литература

1. Валужева, Е.А., Мосинян, А.Е., & Лаптева, Е.М. (2013). Эмоциональная подсказка и успешность решения задач. Экспериментальная психология, 6(3), 5–15.
2. Mai, X.Q., Luo, J., Wu, J.H., & Luo, Y.J. (2004). "Aha!" effects in a guessing riddle task: An event-related potential study. Human brain mapping, 22(4), 261–270.
3. Qiu, J., Li, H., Yang, D., Luo, Y., Li, Y., Wu, Z., & Zhang, Q. (2008). The neural basis of insight problem solving: An event-related potential study. Brain and cognition, 68(1), 100–106.

Зверев И.В.,

Санкт-Петербургский государственный университет

ФАКТОРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОГО ЗНАНИЯ: ПЕРЦЕПТИВНАЯ БЕГЛОСТЬ VS ЭКСПЛИЦИТНЫЕ ГИПОТЕЗЫ

В данном исследовании нас интересовало то, каким образом эксплицитные гипотезы влияют на применение имплицитных знаний. В предыдущем исследовании [1] были получены эффекты снижения точности классификации строк и снижения точности их составления в тесте включающей генерации если грамматичность строго коррелирует с иррелевантной характеристикой – сменой шрифта на тестовом этапе, тогда как при отсутствии корреляции подобных эффектов не наблюдается.

Возможно два объяснения полученных результатов. Мы предположили, что причиной возникшего противоречия верной классификации могла послужить эксплицитная гипотеза участников исследования о нерелевантности смены шрифта, сформировавшаяся по причине несоответствия про-

стого правила смены шрифта и установки на поиск сложного правила, о котором они были уведомлены перед началом тестового этапа. С другой стороны, бóльшая перцептивная беглость неправильных строк [3] могла послужить ключевым фактором положительной классификации неправильных строк при ограничении времени на принятие решения.

Исходя из этого, был проведен критический эксперимент, чтобы сопоставить эмпирические следствия из разных теорий.

Эксперимент

В исследовании применялась парадигма научения искусственным грамматикам; также варьировалась дополнительная стимульная характеристика (смена шрифта). Использовался смешанный дизайн 2х3: внутригрупповой фактор перцептивной беглости шрифта X межгрупповой фактор корреляции шрифта и грамматичности. В ЭГ1 и ЭГ2 жирным были начертаны, соответственно, неправильные или правильные строки; в ЭГ3 шрифт не был связан с грамматикой. На обучающем этапе участники запоминали строки, составленные по искусственной грамматике [2], а на тестовом классифицировали строки с варьирующимся шрифтом относительно их принадлежности к правилу. Для оценки осознанности правил после основного эксперимента испытуемые выполняли тесты включающей и исключающей генерации, а затем проходили интервью.

Гипотезы из теории торможения иррелевантной информации:

Консервативная стратегия принятия решения и ухудшение точности классификации в ЭГ1 и ЭГ2.

Гипотезы из теории беглости обработки информации:

Либеральная стратегия принятия решения и высокая точность классификации в ЭГ2, и консервативная в ЭГ1 при низкой точности классификации.

В эксперименте приняло участие 63 человека, от 18 до 27 лет ($M = 20.4$; $SD = 2.39$), 22 мужчины и 41 женщина. Из анализа точности классификации были отсеяны участники, которые догадались о шрифте как о подсказке.

Результаты

Участники всех групп показали научение грамматике ($p < .001$), но не было обнаружено значимых различий между группами. В ЭГ3 больше участников использовало консервативный критерий принятия решения нежели в других группах, однако значимых различий между группами не наблюдалось ($\chi^2(2) = 5.25, p = .07$).

Был проведен анализ связи точности классификации и экспликации шрифта как подсказки. Двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA) показал значимое взаимодействия факторов группы и осознания – участники, осознавшие смену шрифта как релевантную в ЭГ1, показали более высокую точность классификации, тогда как в ЭГ2 точность классификации у эксплицировавших связь шрифта и грамматичности была ниже, $F(2, 57) = 6.65, p = .002$.

Для анализа данных теста генерации использовалось расстояние Левенштейна как мера грамматичности строк. Для сравнения грамматичности строк во включающей генерации использовалась линейная регрессионная модель; ЭГ1 генерировала наименее грамматические строки, по сравнению с ЭГ2 ($B = -0.49, t(795,3) = -2.46, p = .01$) и ЭГ3 ($B = -0.74, t(796,2) = -4.09, p < .001$).

Интерпретация и выводы

Эксперимент был проведен с целью сравнить предсказания из теорий беглости обработки торможения нерелевантной информации, однако основные гипотезы, исходя из обеих теорий, не подтвердились.

Осознание подсказки в ЭГ1 приводило к увеличению точности классификации в противоположность ЭГ2 и ЭГ3; ЭГ1 значимо хуже генерировала строки в тесте включающей генерации. Это может объясняться переключением контроля на проверку эксплицитной гипотезы о релевантности шрифта, что помешало экспликации правил на тестовом этапе. В целом наблюдается тенденция отмечать изменения шрифта как нерелевантные, а при осознании подсказки – жирные строки как неправильные. Результаты преимущественно укладываются в теорию торможения иррелевантной информации.

Литература

1. Зверев И.В., Морошкина Н.В. (2018). Эксплицитный и имплицитный стратегический контроль при научении искусственным грамматикам. Психология XXI века. Сборник трудов участников конференции, 2, 107-115.
2. Dienes Z., Altmann G., Kwan L., Goode A. (1995). Unconscious knowledge of artificial grammars is applied strategically. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 21 (5), 1322–1338.
3. Reber, R., Schwarz, N., Winkielman, P. (2004). Processing fluency and aesthetic pleasure: Is beauty in the perceiver's processing experience? *Personality and social psychology review*, 8(4), 364–382.

Abdul-Raheem Mohammed,

National Research University Higher School of Economics

INDIVIDUAL DIFFERENCES IN EXECUTIVE FUNCTIONS AND EMOTION REGULATION

Introduction

Researchers continue to explore the differences that exist in several human cognitive functions. For instance, factors that account for why some people are able to perform better in a number of cognitive tasks than others, why others are better at restraining themselves in engaging pre-determined actions, why some become successful at one task instead of another. In all these instances, there are converging evidence to suggest that the role of executive functions accounts for these variations. Executive functions (EF) refers to a set of cognitive processes that are involved in the cognitive control of behavior. The use of EFs requires some efforts, they are not automatic. The list of EF

looks endless as there are so many cognitive processes that many researchers have considered as EF. However, this study focuses on the 3 major EFs namely; memory updating, inhibitory control and shifting (Miyake et al., 2000).

Individuals with higher EF capacity have been largely found to be better in several cognitive tasks such as goal maintenance (Kane & Engle, 2003), dual tasking (D'Esposito et al., 1995), and planning (Miyake et al., 2000). One other ability which has also been thought to be influenced by EF is emotion regulation (ER). However, there has not been enough studies to support this claim. In the light of this development, the present study seeks to examine the role of these executive functions in the ability to regulate our emotion. Based on the theoretical models and review of previous studies, 2 hypotheses were stated; first, higher performances in memory updating, inhibition, and shifting predicts ability to successfully regulate one's emotions. Second, participants high in executive functions will be more efficient on the use of cognitive reappraisal of emotion regulation than suppression.

Method

Forty-seven (47) undergraduate students (53% female) from the Higher School Economics in Moscow were sampled for the study. Participants had a mean age of 19. Using a within subject design, participants were first made to respond to the Gross emotion regulation questionnaire followed by the completion of the EF tasks. The 2-back task, Stroop task and the letter/number task were used to measure working memory updating, inhibition and task switching respectively. In each of the EF tasks, participants completed their classical versions (non-affective) then the affective versions of the tasks. Each participant spent about 45 minutes to complete all the tasks. The total scores obtained on ER was used as index of ER. Whereas accuracy rates were used as the indices of updating, inhibition was obtained by taking the deference between performance on incongruent trials and congruent trials. Shift cost also referred to as switch cost was obtained by taking the deference between time spent on switch trials and the time spent on no-switch trials.

Results and discussion

An initial analysis of the performances on the two variants (non-affective and affective) of the EF tasks showed a strong positive correlation in the Stroop and the shifting tasks but not working memory updating. A Pearson correlation was conducted on all the 3 EFs and the 2 subscales of ER. The results showed the existence of a weak correlation between updating and ER though this was not statistically significant. Inhibition and switching were not related to ER. Therefore, the present study did not find a significant relationship between EFs and emotion regulation. Few studies have reported the existence of a relationship between working memory updating and ER (e.g., McRae et al., 2012; Schmeichel et al., 2008). Future studies shall assess ER beyond the trait level.

Literature

1. D'esposito, M., Detre, J.A., Alsop, D.C., Shin, R.K., Atlas, S., & Grossman, M. (1995). The neural basis of the central executive system of working memory. *Nature*, 378(6554), 279.
2. Kane, M.J., & Engle, R.W. (2003). Working-memory capacity and the control of attention: the contributions of goal neglect, response competition, and task set to Stroop interference. *Journal of experimental psychology: General*, 132(1), 47.
3. McRae, K., Jacobs, S.E., Ray, R.D., John, O.P., & Gross, J.J. (2012). Individual differences in reappraisal ability: Links to reappraisal frequency, well-being, and cognitive control. *Journal of Research in Personality*, 46(1), 2–7. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2011.10.003>.
4. Miyake, A., Friedman, N.P., Emerson, M.J., Witzki, A.H., Howerter, A., & Wager, T. D. (2000). The Unity and Diversity of Executive Functions and Their Contributions to Complex “Frontal Lobe” Tasks: A Latent Variable Analysis. *Cognitive Psychology*, 41(1), 49–100. <https://doi.org/10.1006/cogp.1999.0734>.
5. Schmeichel, B.J., Volokhov, R.N., & Demaree, H.A. (2008). Working Memory Capacity and the Self-Regulation of Emotional Expression and Experience. *Journal of Personality and Social Psychology*, 95(6), 1526–1540. <https://doi.org/10.1037/a0013345>.

*Dovbnyuk K., Murzyakova N., Merzon L., MacInnes W.J.,
National Research University Higher School of Economics*

INHIBITION OF RETURN ACROSS MULTIPLE TASKS AND SCENE FLICKER

Inhibition of return (IOR) is one of the processes believed to help guide visual tasks and facilitate visual search (Klein & MacInnes, 1999). Nevertheless, there are still debates on the mechanisms underlying IOR, its evolutionary meaning and the conditions in which IOR arises. For instance, for visual tasks other than search, there is evidence that facilitation of return and saccadic momentum could be alternative processes that guide the behavior (Dodd, Van der Stigchel, & Hollingworth, 2009).

Our research investigates the presence of IOR in multiple tasks. The study consists of two sets of experiments. The first one compares visual search and memorization tasks to partially replicate Dodd et al. study. For the second one we test visual search, foraging (Jóhannesson, Thorn-ton, Smith, Chetverikov, & Kristjánsson, 2016) and change blindness (Gusev, Mikhailova, & Utochkin, 2014) tasks. For both experiments we apply gaze-contingent paradigm where the target is presented at 2-back fixation location or at a novel location. Instead of natural scenes a matrix of stimuli from Chetverikov and colleagues' study (Chetverikov, Kuvaldina, MacInnes, Jóhannesson, & Kristjánsson, 2018) will be applied.

The proportion of trials used in analysis: in search – 17.1%, memorization – 54.4%; in search with flickering – 25.7%, foraging – 30.1%, change blindness – 41.5%.

No significant differences were observed in search (angle, $F = 0.27$), significant facilitatory effect was found in memorization (angle, $F = 2.88$) (for ordinary search and memorization). For tasks with flickering screen the effect of screen state was significant for all the conditions (foraging: $F = 95.05$; search: $F = 25.12$; change blindness: $F = 75.14$), the effect of angle was not

significant (forag-ing: $F = 1.28$; search: $F = 0.92$; change blindness: $F = 2.9$).

The results provide contradictory information about the role of IOR in visual tasks. Possibly, the experiments should be continued with larger size and more salient color of the probe.

*Пленсковская А.А., Туревская Р.А.,
Московский государственный
психолого-педагогический университет*

МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО У ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Концепция «модель психического» является одним из перспективных направлений исследования детей с РДА в настоящее время [1,2,3]. Она является «инструментом» исследования тех ключевых психологических механизмов, которые непосредственно обуславливают нарушение социализации детей с РДА. Способность понимать, что другие люди также имеют мысли, чувства и намерения, которые могут различаться и отличаться от собственных переживаний и мыслей, является необходимым условием для полноценного общения и социализации. В настоящее время выявлены нарушения формирования модели психического у детей с РАС дошкольного возраста [4]. Представляется важным исследование модели психического в более широком возрастном диапазоне, а также стандартизация и разработка методик ее изучения.

Гипотезы:

У детей с РАС будут наблюдаться значительные отличия в понимании ментальных состояний по сравнению с детьми нормы.

© Пленсковская А.А., Туревская Р.А., 2020

Понимание ментальных состояний зависит от возраста как в группе нормы, так и в группе детей с РДА.

В исследовании приняло участие 38 человек в возрасте от 7 до 19 лет: 17 – дети с РДА (F 84.0 – детский аутизм); 21 – дети нормативной группы. Обе группы были разделены на возрастные подгруппы.

Методики: тест S. Baron-Cohen, тест «Удивительные истории» Ф. Нарре. Проводился семантический анализ и количественная оценка ответов испытуемых. Подсчет результатов проводился с помощью критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования:

Дети с РДА понимают социальный смысл ситуации хуже, чем физический, в отличие от нормативной группы. Также у них наблюдается своеобразие в понимании социальных ситуаций в виде его фрагментарности и незавершенности. Однако, если дети с РДА могут понять ситуации символической игры, нарушения договоренностей, использования метафор наравне с нормативной группой, то в понимании ситуаций вроде нарушения ожиданий, двойного обмана, несовпадения эмоций обнаруживаются сложности. Вместе с тем методом сравнительно-возрастных срезов выявлено, что дети лучше понимают социальный смысл ситуации по мере взросления, как в группе с РДА, так и в нормативной группе.

Литература

1. Холмогорова А.Б. Природа нарушений социального познания при психической пато-логии: как примирить «био» и «социо»? // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Том 22. № 4.
2. Frith U. Cognitive explanations of autism. // Childhood cognitive development: The essential readings. Malden, MA: Blackwell, 2000.
3. Baron-Cohen S., Belmonte M.K. Autism: A window onto the development of the social and the analytic brain. // Annual Review of Neuroscience, 2005.
4. Манелис Н.Г., Медведовская Т.А. Исследование способности детей с нарушениями развития понимать ментальные состояния // Детский аутизм: исследования и практика. 2007.

Марков Ю.А., Тюрина Н.А.,

*Научно-учебная лаборатория когнитивных исследований
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

СВЯЗЫВАНИЕ РАЗМЕРА И УДАЛЕННОСТИ ПРИ ОЦЕНКЕ ВАРИАТИВНОСТИ МНОЖЕСТВА ОБЪЕКТОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БИНОКУЛЯРНЫХ И МОНОКУЛЯРНЫХ ПОДСКАЗОК

Идея статистической репрезентации в зрительном восприятии множественных объектов призвана объяснить, как мы преодолеваем значительные ограничения со стороны рабочей памяти и внимания при восприятии сложно структурированного окружающего мира (Alvarez, 2011). Наблюдатель способен эффективно оценивать сводную статистику (например, среднее, вариативность) по множеству объектов для различных зрительных признаков, как простых (размер, цвет и др.), так и более сложных (такие как «одушевленность» или выражение лица – обзор, Whitney & Yamanashi Leib, 2018).

Чаще всего статистическая репрезентация одного зрительного признака изучается отдельно от других, хотя при восприятии реального мира зрительная система редко имеет дело с объектами, изменяющимися только в одном измерении. Реальные объекты обычно расположены на разной удаленности от наблюдателя, и для реалистичной оценки статистики размера все сетчаточные размеры должны быть перемасштабированы с учетом соответствующих удаленностей, что может быть сложной задачей для зрительной системы (Treisman, 1996). По данным Н.А. Тюриной и И.С. Уточкина (Tjurina & Utchkin, 2019), подобное перемасштабирование происходит эффективно для всех объектов до формирования репрезентации среднего.

Данное исследование направлено на изучение перемасштабирования при оценке вариативности. Поскольку

Н.А. Тюрина И.С. Уточкин (Tiurina & Utochkin, 2019) использовали оценку среднего и косвенно судили об изменении кажущейся вариативности.

В данном исследовании мы просили испытуемых оценивать вариативность размера напрямую. В первом эксперименте мы использовали стереоскоп, также как и в предыдущих исследованиях (Tiurina & Utochkin, 2019), однако во втором эксперименте глубина формировалась на основе монокулярных признаков (иллюзии перспективы), для возможности усиления изучаемого эффекта (поскольку стереоскоп накладывает пространственные ограничения и ограничения по размерам объектов) и репликации полученных результатов с использованием другой методики.

В Эксперименте 1 мы предъявляли набор кругов на разных удаленностях при помощи стереоскопа, задавая корреляцию между угловым размером каждого объекта и видимой удаленностью от наблюдателя. Положительная корреляция обеспечивает увеличение кажущейся вариативности (большие круги далеко кажутся еще больше, маленькие – еще меньше), отрицательная корреляция – уменьшение кажущейся вариативности. Участники подравнивали вариативность тестового набора под вариативность эталонного набора (градуальный отчет). Эталонный набор и тестовый набор также имели положительную и отрицательную корреляцию, которая варьировалась ортогонально корреляции эталона. Испытуемые, увидев эталонный набор с отрицательной корреляцией (меньшая воспринимаемая вариативность), и тестовый набор с положительной корреляцией (большая вариативность), компенсаторно занижали вариативность теста. Однако мы не обнаружили симметричной переоценки вариативности теста в условии с положительной корреляцией эталонного набора и отрицательной корреляцией тестового набора.

Эксперимент 2 проводился без стереоскопа. Первая НП: отсутствие или наличие фона «коридора», задающего при помощи перспективы иллюзию глубины Понцо. Также как в предыдущем эксперименте второй НП является корреляция размера и вариативности. Глубина задавалась при помощи изменения расположения объекта на экране: объекты,

«удаленные» от наблюдателя, располагались ближе к линии, пересекающей середину экрана; объекты, «близкие» к наблюдателю, располагались ближе к нижнему краю экрана. Испытуемые сильнее переоценивали вариативность набора при положительной корреляции и сильнее недооценивали при отрицательной, когда набор был предъявлен на фоне коридоре по сравнению с набором, предъявленным на сером фоне.

Два эксперимента продемонстрировали автоматическое связывание множества размеров и удаленностей (Rosenholtz, Huang, & Ehinger, 2012), подтвердили, что оценка вариативности, как и среднего (Tiurina & Utochkin, 2019), происходит после перемасштабирования объектов относительно их удаленностей. Второй эксперимент, основанный только на монокулярных подсказках, подтверждает результаты предыдущих экспериментов, использующих стереоскоп, и демонстрирует более выраженный эффект.

Литература

1. *Alvarez, G.A.* (2011). Representing multiple objects as an ensemble enhances visual cognition. *Trends in Cognitive Sciences*, 15(3), 122–131.
2. *Rosenholtz, R., Huang, J., & Ehinger, K.A.* (2012). Rethinking the Role of Top-Down Attention in Vision: Effects Attributable to a Lossy Representation in Peripheral Vision. *Frontiers in Psychology*, 3.
3. *Tiurina, N.A., & Utochkin, I.S.* (2019). Ensemble perception in depth: Correct size-distance rescaling of multiple objects before averaging. *Journal of Experimental Psychology: General*, 148(4), 728–738.
4. *Treisman, A.* (1996). The binding problem. *Current Opinion in Neurobiology*, 6(2), 171–178.
5. *Whitney, D., & Yamanashi Leib, A.* (2018). Ensemble Perception. *Annual Review of Psychology*, 69(1), 105–129.

*Ануфриева А.А., Горбунова Е.С.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ПАРАМЕТРЫ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ И ВНИМАНИЯ (УСТОЙЧИВОСТЬ, ПЕРЕКЛЮЧАЕМОСТЬ) У ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ОФФЛАЙН И ОНЛАЙН ОРГАНАЙЗЕРОВ

Для преодоления многозадачности используются органайзеры. Работа с ними требует устойчивости и переключаемости внимания, рабочая память для своевременной загрузки и удержания актуальной и релевантной информации [1]. Органайзеры имеют бумажное и электронное воплощение, следовательно, можно выделить 2 типа среды – реальная и цифровая. Было обнаружено, что в условиях демонстрации реальных объектов испытуемые показывают более высокие результаты при свободном отчете и узнавании [3], что позволяет предположить аналогичные закономерности при выполнении задач посредством органайзеров.

Гипотеза:

Будут наблюдаться значимые различия по показателям рабочей памяти и внимания (устойчивость и переключаемость) при выполнении задач с цифровыми и бумажными формами органайзеров.

В качестве независимой переменной выступает тип среды: цифровая или реальная, а зависимой являются показатели рабочей памяти и внимания.

Для проверки гипотезы были сформированы 2 экспериментальные группы: А–электронные и В–бумажные ежедневники. Обе группы проходили все методики с единственным различием группа А выполняла методики на компьютере, В на бумаге. Последовательность методик была рандомизирована для каждого испытуемого.

Выборка: возраст от 18 до 23 лет ($M = 19.5$), $M = 3$ и $Ж = 17$. Всего 20 человек.

© Ануфриева А.А., Горбунова Е.С., 2020

Методики:

Для загрузки фонологической петли используется предъявление на слух аудиозаписей по типу «день недели–вид занятия» и «день недели–вид занятия–время». В одной пробе предъявляется от 2 до 5 аудиозаписей. Задача испытуемого заполнить задачное пространство в соответствии с услышанным за 2 минуты.

Методика на загрузку зрительно-пространственного блокнота–пятисекундное предъявление разворота ежедневника с заполненными слотами, затем пустой разворот ежедневника и список дел, из которого нужно выписать как можно больше дел так, чтобы они не пересекались с ранее представленными делами за 1 минуту.

Методика на проверку устойчивости внимания реализована по типу корректурной пробы, то есть задача испытуемого вычеркнуть соответствующие ключу слова за 2 минуты.

Для выявления параметров переключаемости внимания использовалась методика, где в испытуемый должен вычеркивать один тип стимула в определенные дни и другой в другие за 2 минуты. В каждой пробе сменяются пары целевых стимулов.

Также в работе использовалась методика n-back, где подряд идут 10 стимулов, затем появляется вопрос о соответствии последнего увиденного стимула 2,3 или 4 стимулу до него. Обе группы проходили методику на компьютере. Результаты:

Сравнение групп А и В по результатам методики n-back не показало значимых различий, $W = 57,5$, $p = 0.5959$.

Методика на загрузку фонологической петли показала следующие результаты: в условии предъявления аудиозаписей «день недели–вид занятия» не обнаружено значимых различий между группами (все тесты показали значения $p > .08$). Однако, в условиях предъявления «день недели–вид занятия–время» были выявлены значимые различия в скорости выполнения задачи ($p < 0.03$).

При анализе результатов методики на загрузку зрительно-пространственного блокнота не обнаружено значимых различий в точности, все значения $p\text{-value} > 0.09$, однако были получены значимые различия по объему ($p < 0.002$).

Результаты методики на переключаемость внимания демонстрируют значимые различия между группами А и В по скорости выполнения ($p < 0.02$) и не показала значимых различий в точности ($p > 0.16$).

Единственная методика, которая показала значимые различий по всем параметрам сравнения это корректурная проба. В данной методики точность ($p < 0.02$), объем ($p < 0.02$), скорость ($p < 0.00$) значимо различались между группами А и В.

Обсуждение и выводы
 Не было найдено значимых различий в точности параметров рабочей памяти и внимания между группами бумажной и электронной среды, но были найдены значимые различия в объеме (для зрительной) и скорости выполнения для всех методик—быстрее справлялась группа, выполняющая задачи в реальной среде. В методике на устойчивость внимания были получены значимые различия по всем параметрам.

Полученные различия могут быть обусловлены устойчивостью внимания, что в свою очередь, вызвано типом среды—свойствами, возможностями, которые она предоставляет.

В частности, в качестве таких свойств могут выступать стабильность восприятия элементов, количество возможных действий и последствий, возможность совершения вспомогательных действий. Для выполнения операций с использованием среды такого типа необходимо усиление селективного внимания с целью удержания актуальной и подавления нерелевантной информации.

Литература

1. *Baddeley, A.D., & Hitch, G.* (1974). Working memory. In G.H. Bower (Ed.), *The Psychology of learning and motivation (Advances in research and theory, Vol. 8, pp. 47–89)*. New York: Academic Press.
2. *Snow, J.C., Skiba, R.M., et al.* (2014). Real-world objects are more memorable than photographs of objects. *Frontiers in Human Neuroscience, 8*, 837. <https://doi.org/10.3389/fn-hum.2014.00837>.

*Ангельгардт А.Н., Горбунова Е.С.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФАКТОР ЗНАКОМОСТИ СТИМУЛА В ЗРИТЕЛЬНОМ ПОИСКЕ ЭЛЕМЕНТОВ ИНТЕРФЕЙСА1

Исследования зрительного поиска были начаты Э. Трейсман в 1980 г. Ею с соавторами были выявлены базовые закономерности зрительного поиска. Позже развилось направление исследований роли знакомости стимула в зрительном поиске. Классическим исследованием в данной тематике является работа P. Cavanagh, M. Green и Q. Wang (Cavanagh, Green, & Wang, 1994). Авторами были получены следующие данные: наибольшее время опознания целевого стимула в условии, когда дистракторы и целевой стимул были незнакомы испытуемым; наименьшее – в условии со знакомыми дистракторами и целевым стимулом; в условии с незнакомым целевым стимулом и знакомыми дистракторами наблюдался эффект выскакивания. С развитием техники методика зрительного поиска нашла применение в прикладных исследованиях, например, в исследовании элементов интерфейса.

Представленная работа продолжает эту линию исследований. Целью данного исследования является изучение влияния перцептивных характеристик, а также знакомости элементов интерфейса на скорость их опознания. В качестве элементов интерфейса выбраны иконки «поделиться» (share), поскольку иные иконки с одинаковой функцией идентичны друг другу у обеих платформ – iOS и Android.

Опираясь на существующий запрос из индустрии дизайна интерфейсов (Lo, 2018) и данные предшествующих исследований, были выдвинуты следующие теоретические гипотезы.

Гипотеза 1. В окружении знакомых дистракторов знакомые стимулы опознаются хуже, чем незнакомые.

Гипотеза 2. Перцептивно более простые стимулы опознаются испытуемыми быстрее вне зависимости от прошлого опыта.

Знакомой пользователям платформы iOS является иконка 'outgoing tray', пользователям платформы Android – обе иконки ('outgoing tray' и 'three dots'), поскольку первая активно и кроссплатформенно используется в дизайне веб-интерфейсов. Это стало причиной несбалансированного дизайна, что является одним из ограничений данного исследования. Перцептивная сложность иконок была оценена по используемым в дизайне графическим примитивам. Перцептивно более простым стимулом стала иконка платформы Android, так как в ее дизайне использованы точки и прямые, более сложным – иконка платформы iOS, поскольку в ее дизайне использованы кривые. Такая оценка перцептивной сложности не является строгой, что является одним из ограничений работы.

Метод

Независимыми переменными стали количество стимулов (6, 8, 12) и тип пробы ('outgoing tray', 'three dots', два целевых стимула). Квазиэкспериментальным аналогом независимой переменной выступила платформа смартфона, используемого респондентом. Зависимыми переменными эксперимента являются время реакции и точность. В исследовании приняли участие 38 студентов департамента психологии НИУ ВШЭ в возрасте от 18 до 21 года. Стимульным материалом стали специально созданные для эксперимента иконки. Целевыми стимулами выступили по два варианта иконок «поделиться» (share), используемых в дизайне интерфейсов платформ iOS и Android. Дистракторами стали 33 иконки, широко используемые в дизайне интерфейсов обеих платформ.

Эксперимент включал 450 проб – по 50 проб на каждое сочетание условий. В ходе исследования испытуемому необходимо было искать целевые стимулы среди представленного набора и кликать мышью на найденный стимул. Каждому испытуемому предъявлялись все сочетания условий в случайном порядке. Время предъявления одного набора составило 1 минуту.

После завершения эксперимента каждый испытуемый заполнял форму, с вопросами о платформе используемого смартфона.

Результаты

ANOVA с повторными измерениями показал, что фактор типа пробы оказался стати-стически значимым ($F(1, 34) = 9.33$, $p = .004$, $\eta^2 p = 0.22$), в то время как фактор группы пользователя не влияет на скорость опознания стимула ($F(1, 32) = 0.65$, $p = .43$, $\eta^2 p = 0.02$). Взаимодействие факторов также оказалось незначимым ($F(1, 34) = 3.12$, $p = .086$, $\eta^2 p = 0.084$).

Первая гипотеза нашла свое подтверждение в эксперименте. Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о влиянии знакомости стимула на скорость его опознания. Пользователи платформы Android одинаково быстро находили оба целевых стимула, в то время как пользователи iOS, хуже знакомые с иконкой 'three dots', находили ее быстрее, чем знакомую иконку. Обнаруженные закономерности согласуются с имеющимися исследованиями знакомости стимула.

В перцептивных характеристиках стимула нельзя сделать какого-либо вывода, поскольку не получено статистически значимых результатов. Для изучения перцептивных различий иконок «поделиться» отдельно от фактора знакомости необходим дополнительный эксперимент с иным дизайном.

Литература

1. *Cavanagh, P., Green, M., & Wang, Q.* (1994). Familiarity and pop-out in visual search. *Perception & Psychophysics*, 56 (5), 495–500.
2. *Lo, M.M.* (21 May 2018 г.). Share: The Icon No One Agrees On. Получено из Medium: <https://medium.com/@grifer163/share-иконка-о-которой-не-могут-договориться-дизайнеры-cf35854885b9>
3. *Treisman, A. M., & Gelade, G.* (1980). A Feature-Integration Theory of Attention. *Cognitive Psychology*, 97–136.

*Макаров И.Н., Кутузова А.Б.,
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова*

ВЛИЯНИЕ МОТОРНОЙ ТРЕНИРОВКИ НА ПРОЦЕСС РАЗДЕЛЕНИЯ ЧАНКОВ В ИНСАЙТНЫХ ЗАДАЧАХ

В современной когнитивной психологии одним из трендов является исследование роли моторной активности в познавательных процессах, а особенно влияние моторики на процесс решения творческих, инсайтных задач. Собраны свидетельства в пользу того, что предварительная или идущая одновременно с процессом решения задач моторная активность может изменять параметры решения (Kershaw, Ohlsson, 2004; Спиридонов, Лифанова, 2013). Мы решили объединить наши знания о моторной активности с представлениями гештальтистов о том, что одним из источников трудностей при решении инсайтных задач является перцептивная организация условий. Одним из вариантов неверной перцептивной организации является невозможность разбить целостную фигуру на составляющие ее части, то есть разорвать имеющийся чанк (Knoblich, Ohlsson, 1999). В данной работе мы решили выяснить, как будет влиять релевантная и нерелевантная предварительная моторная тренировка на процесс разрыва чанка. Наша гипотеза состоит в том, что на успешность решения инсайтной задачи, требующей разрыва чанка, повлияет выполнение релевантной моторной тренировки.

Метод

Выборка составила 20 человек (из них 15 женщин) в возрасте от 19 до 48 лет ($M = 26.4$, $SD = 8.19$).

Стимульный материал и процедура

В качестве стимульного материала использовалась инсайтная задача на симметрию. Данная задача состоит из 3 фигур,

© Макаров И.Н., Кутузова А.Б., 2020

а испытуемому необходимо найти закономерность и продолжить ряд, нарисовав 4 фигуру. Для решения необходимо разделить представленные фигуры на 2 симметричные части по вертикали, чтобы заметить, что фигуры образованы цифрой и ее зеркальным отражением. Испытуемые были разделены на две группы в зависимости от предварительно выполняемой моторной тренировки: а) релеватная (испытуемому предъявляются 3 фигуры из текста задачи, а также элементы данных фигур, которые находятся внизу экрана. Необходимо наложить элементы фигур на фигуры задачи. Для релеватной тренировки элементы фигур – это фигуры задачи, разделенные по вертикали); б) нерелеватная (задание аналогично релеватной тренировке, но элементы фигур представляют собой фигуры, разделенные по горизонтали).

На решение инсайтной задачи испытуемым отводилось 30 минут. Если в обозначенное время ответ не находился, решение прерывалось, а задача обозначалась как нерешенная. После завершения эксперимента испытуемых опрашивали о связи моторного задания и основной задачи.

Результат

Мы сравнили количество решивших и нерешивших испытуемых, находившихся в группах с релеватной и нерелеватной моторной тренировкой. В группе с релеватной моторной тренировкой было 9 решивших и 1 нерешивший; в группе с нерелеватной моторной тренировкой – 2 решивших, 8 нерешивших. Количество решивших в группе с релеватной тренировкой значимо выше, чем в группе с нерелеватной ($p = .005$, согласно точному критерию Фишера), при этом соотношение шансов = 27.33. 95% доверительный интервал для соотношения шансов от 2.06 до 1740.08.

Обсуждение

Наши результаты полностью подтвердили выдвинутую гипотезу о том, что на успешность решения инсайтной задачи, требующей разрыва чанка, влияет выполнение релеватной моторной тренировки. Предложенная тренировка действительно помогала найти решение, хотя ни один испытуемый

не сообщил о правильной связи предварительного задания с основным. Подобный результат говорит о том, что моторный компонент участвует в решении и влияет на восприятие перцептивной организации. Релевантная тренировка подсказывает испытуемому не только то, что необходимо разорвать чанк, но и то, в каком направлении это нужно сделать. К сожалению, в нашем эксперименте отсутствовала контрольная группа, с которой можно было бы сравнить успешность решения задач с нерелевантной тренировкой. Возможно, нерелевантная тренировка также подсказывает необходимость разрыва чанка, но одновременно создает фиксированность в отношении направления разрыва.

Литература

1. Спиридонов, В.Ф., & Лифанова, С.С. (2013). Инсайт и ментальные операторы, или можно ли пошагово решить инсайтную задачу. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 10 (3), 54–63.
2. Kershaw, T.C., & Ohlsson, S. (2004). Multiple causes of difficulty in insight: The case of the nine-dot problem. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 1 (30), 3–13. doi: 10.1037/0278-7393.30.1.3.
3. Knoblich, G., & Ohlsson, S. (1999). Constraint relaxation and chunk decomposition on insight problem solving. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 6 (25), 1534–1555. doi:10.1037/0278-7393.25.6.1534.

*Авторы выражают благодарность
В.Ф. Спиридонову и О.А. Мезенцеву
за разработку программного обеспечения эксперимента*

*Рубцова О.С., Горбунова Е.С.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРЕВОСХОДСТВО КАТЕГОРИАЛЬНОГО СХОДСТВА ЦЕЛЕВЫХ СТИМУЛОВ НАД ПЕРЦЕПТИВНЫМ ПРИ «ПРОПУСКАХ ПРИ ПРОДОЛЖЕНИИ ПОИСКА»?

Феномен ПППП (пропуски при продолжении поиска) – это снижение успешности обнаружения второго целевого стимула после успешного нахождения первого целевого стимула в задаче на зрительный поиск (Adamo, Cain, Mitroff, 2013). В предыдущих исследованиях было обнаружено, что чем сильнее перцептивное сходство целевых стимулов, тем успешнее повторное обнаружение целевого стимула (Gorbunova, 2017). Похожий эффект был получен и для категориального сходства целевых стимулов (Ланина, Горбунова, 2018). Особый интерес представляет исследование, которое провел Биггс с коллегами с использованием игры «Сканер в аэропорту» (Biggs et al, 2015). В нем было сделано предположение о превосходстве категориального сходства целевых объектов над перцептивным. Исследователи сделали вывод, что при поиске нескольких объектов именно категория, к которой принадлежала впервые обнаруженная цель, будет в большей степени задавать дальнейший поиск, а не ее перцептивные характеристики. Однако это исследование было не экспериментальным, что дает повод поставить под сомнение реальное существование подобного эффекта.

Основной целью исследования было выявить влияния как перцептивного, так и категориального сходства целевых стимулов на возникновение ПППП, а также проверить гипотезу о превосходстве категориального сходства целевых стимулов над перцептивным, так как в предыдущих исследованиях два этих типа сходства не были экспериментально разведены.

В качестве стимульного материала были выбраны 20 букв русского алфавита. Целевыми стимулами были гласные буквы, а дистракторами – согласные. Буквы могли быть черными или белыми. Категориальное сходство целевых стимулов определялось названием буквы (например, А и А или А и Е), а перцептивное – цветом (например, обе буквы белые или одна белая и одна черная).

Всего было создано 6 экспериментальных условий: условие с одним целевым стимулом; условие без целевых стимулов и четыре условия с двумя целевыми стимулами, в которых они имели разную степень сходства (идентичные, только категориально схожие, только перцептивно схожие, различные). На каждое условия приходилось по 50 проб, последовательность предъявления проб была случайной.

Эксперимент проводился с использованием программы Pycopy (версия 1.90.2). В каждой пробе на экране появлялись распределенные случайным образом 20 стимулов: в одной пробе могло быть 2, 1 или 0 целевых стимулов. Испытуемые искали гласные буквы среди согласных и кликали на них компьютерной мышью.

В эксперименте приняли участие 35 человек, данные по 1 из которых были исключены из анализа в связи с тем, что он не понял инструкцию. Таким образом, анализировались данные 34 испытуемых: 4 мужчин, 30 женщин в возрасте от 18 до 23 ($M = 20.05$, $SD = 0.89$). Анализ данных производился в программе SPSS 22.0. Анализировались точность ответов и время реакции (по первому и второму кликам мыши отдельно). В частности, в условиях с двумя целевыми стимулами оценивалась точность нахождения второго целевого стимула после успешного нахождения первого целевого стимула. Данные были обработаны методом однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) с повторными измерениями. Также были произведены попарные сравнения разных условий с поправкой на множественные сравнения Бонферрони-Холма.

ANOVA выявила наличие значимого влияния типа стимула: $F(3,83) = 10,599$; $p < .001$; $\eta^2 = .243$ для точности ответов, а также для времени реакции: $F(2,51) = 94,320$; $p < .001$; $\eta^2 = .741$. ПППП были обнаружены для двух условий: для ус-

ловия с только перцептивно схожими целевыми стимулами и для условия с разными целевыми стимулами. При этом

ПППП не были обнаружены для условия с только категориально схожими стимулами, что может говорить в пользу существования превосходства категориально сходства стимулов над перцептивным. По времени реакции важным результатом было значительно более быстрое нахождение второго целевого стимула при его категориальном сходстве с первым стимулом по сравнению с перцептивным сходством ($p < .001$). Это может говорить о том, что, если второй целевой стимул похож на обнаруженный до него категориально, а не перцептивно, его проще найти.

Таким образом, по результатам эксперимента можно сделать вывод о существующем превосходстве категориального сходства целевых стимулов над перцептивным в феномене ПППП.

Литература

1. Ланина А.А., Горбунова Е.С. (2018). Роль категориальной идентичности стимулов в возникновении эффекта «пропусков при продолжении поиска». *Экспериментальная психология*, 11, 51–62
2. Adamo S.H., Cain M.S., Mitroff S.R. (2013). Self-Induced Attentional Blink: A Cause of Errors in Multiple-Target Search. *Psychological Science*, 24, 2569–2574
3. Biggs, A. T., Adamo, S. H., Dowd, E. W., & Mitroff, S. R. (2015). Examining perceptual and conceptual set biases in multiple-target visual search. *Attention, Perception, and Psychophysics*, 77(3), 844–855
4. Gorbunova E. (2017). Perceptual similarity in visual search for multiple targets. *Acta Psychologica*, 173, 46–54.

*Ермолова А.М., Горбунова Е.С.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ФИКСАЦИЯ ВЗГЛЯДА НА КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ ЦЕЛЕВОГО ОБЪЕКТА В ЗАДАЧЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ПОИСКА

Эффект категориальности восприятия – это качественное изменение воспринимаемого сходства и различия объектов в зависимости от того, входят ли они в одну или разные перцептивные категории [3], в основе которого, вероятно, лежит перераспределение внимания [1].

Проявлением перераспределения внимания является эффект интенции категории, проявляющийся только при чтении вслух [2], так как смещение внимания на другую часть фразы даже после прочтения названия категории ведет к исчезновению эффекта категориальности восприятия [4]. Есть основания полагать, что упоминание названия объекта, репрезентирующего понятие, активизирует представления о перцептивных характеристиках и привлекает к ним внимание. В частности, поиск объектов из конкретных категорий оказывается успешнее поиска объектов, принадлежащим к широким категориям [5]. Помимо этого, использование как типичных, так и атипичных понятийных комбинаций усиливает внимание к категориальным признакам объекта.

Наконец, успешность категориального научения зависит от простоты вербализации названия его частей [6].

Гипотеза

Гипотеза 1: направление взгляда на категориальные признаки происходит быстрее, количество фиксаций взгляда меньше, если цель задана словом и точным или усредненным изображением, нежели если цель задана только изображением или словом.

Гипотеза 2: Если слово вносит эффект в увеличение эффективности зрительного поиска, то скорость поиска и количество фиксаций взгляда будут меньше, когда цель задается словом и усредненным изображением, нежели когда цель задается только усредненным изображением.

Методика

Предполагаемый объем выборки – 150 человек.

В качестве первой независимой переменной выступает способ задания целевого объекта со следующими уровнями: название категории, усредненное изображение, точное изображение, усредненное изображение и название, точное изображение и название. Уровни варьируются по межгрупповому плану.

Вторая независимая переменная – количество объектов на экране. Уровни переменной – три, шесть и девять объектов, варьирующиеся по внутригрупповому плану (полное уравновешивание).

Первая зависимая переменная – время, требующееся для перевода взгляда на категориальный признак цели перед опознаванием. Вторая зависимая переменная – количество фиксаций перед опознанием цели.

Ход эксперимента

Вначале испытуемым предлагается запомнить две категории, каждая из которых имеет название и включает 6 объектов, отличающихся по индивидуальным признакам. Запоминание осуществляется через предъявление на 15с объектов и их категориальных названий в рандомизированном порядке по 3 раза. После обучения происходит тестирование, в ходе которого в рандомизированном порядке предъявляются все изученные объекты. Цель испытуемого – записать категориальные названия объектов в специальном бланке. Если испытуемый совершает ошибку, то обучение и тестирование повторяются. Испытуемые, не прошедшие тест после третьей попытки, исключаются из эксперимента.

Далее испытуемым предлагается задача зрительного поиска с использованием ай-трекера и артикуляторного пода-

вления, где цель испытуемого – определить присутствует ли заданная цель на дисплее.

В конце испытуемые еще раз проходят тестирование. Данные испытуемых, допустивших хотя бы одну ошибку, удаляются из обработки.

Анализ данных

Предполагаемым результатом для первой гипотезы является то, что в группах, где целевой объект задается при помощи слова и любого изображения, время перевода взгляда и количество фиксаций будет меньше по сравнению с другими группами.

Предполагаемый результат для второй гипотезы – меньшая скорость поиска и количество фиксаций в группе, где цель задается словом и усредненном изображением, по сравнению с группой, где цель была задана усредненным изображением.

Литература

1. Котов А.А., Беляева В.А., Котова Т.Н. Усиление категориального эффекта восприятия с помощью понятийных комбинаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. №2. С. 347-366.
2. Котов А.А., Котова Т.Н., Власова Е., Агрба Л. Эффект интенции значения: как простое присутствие слова активизирует категоризацию // Вопросы психолингвистики. 2012. Т. 2. № 16. С. 136–144.
3. Куракова О.А. Эффект категориальности восприятия: основные подходы и психофизические модели // Экспериментальная психология. 2013. Том 6. № 1. С. 61–75.
4. Fennell, C.T., Waxman, S.R. What paradox? Referential cues allow for infant use of phonetic detail in word learning // Child Development. 2010. Vol 81(5) P. 1376–1383.
5. Schmidt, J., Zelinsky, G. Search guidance is proportional to the categorical specificity of a target cue // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2009. Vol. 62. No. 10. P. 1904–1914.

6. Zettersten, M., Luryan, G. Finding categories through words: More nameable features improve category learning [Электронный ресурс]//PsyArXiv [сайт]. URL: <https://psyarxiv.com/uz2m9/> (дата обращения: 17.06.2019).

*Талыбова Р.Ф., Кулиева А.К.,
Санкт-Петербургский государственный университет*

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ АНТРОПОМОРФНЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И ФЕНОМЕН «ЗЛОВЕЩЕЙ ДОЛИНЫ»

Последние достижения компьютерной графики и робототехники позволяют добиться все большей и большей реалистичности внешнего образа, созданного с целью изображения человекоподобных характеристик. Тем не менее, в стремлении к правдоподобности человеческого образа, инженеры и робототехники не всегда задаются вопросом о возможности негативных эмоциональных переживаний из-за дизайна наблюдаемого объекта. Одним из подобных подводных камней при дизайне антропоморфного образа можно назвать эффект «зловещей долины» (Mori et al., 2012). Мори заметил, что, когда внешний вид робота становился все более похожим на человека, его внешний облик казался привлекательным до тех пор, пока не была достигнута определенная точка (между 80% и 85% сходства с человеком), где робот оказывался внешне близким к человеку, но не полностью, что вызывало отрицательный эмоциональный отклик.

Феномен «зловещей долины» подразумевает, что виртуальные персонажи, приближающиеся к полному человеческому подобию, вызывают негативную реакцию наблюдателя

из-за аспектов внешности и поведения персонажа, отличных от человеческих норм (Tinwell et al., 2011).

Даже несмотря на индивидуальность эстетического восприятия, существуют некоторые перцепционные сигналы, которые можно назвать общими при оценке человечности визуально воспринимаемого объекта: например, глаза и взгляд определенного персонажа могут двигаться таким образом, что позволяет считать его поведение как человекоподобное – такое, какое бы выполнял обычный человек в обычной ситуации (Brenton et al., 2005). Исходя из данной вероятности, можно вывести гипотезу о том, что существуют определенные внешние черты, направленные на создание человекоподобности объекта, которые при излишней антропоморфности вызывают сильные негативные эмоции у наблюдателя.

В эмпирическом исследовании испытуемым будет представлен ряд изображений андроидов и человекоподобных роботов, подборка которых составлена в соответствии с примерами из графика «зловещей долины», выведенным Масахиро Мори в его исследовании (Mori et al., 2012). Они обладают антропоморфными качествами в разной степени. Стимульный материал: 40 изображений андроидов и человекоподобных роботов.

Метод исследования будет организован так, что испытуемому в течение 1 минуты показывается статичное изображение робота. Далее, не раньше, чем через 30 секунд после начала предъявления необходимо ответить на вопрос («Какие эмоции вы испытываете, глядя на данного робота?») путем выбора одного или нескольких вариантов. Варианты ответа разработаны, основываясь на теории базовых эмоций по К. Изарду (Из-ард, 1980). Данные варианты представлены следующими словами и словосочетаниями: «Интерес, волнение», «радость», «удивление», «печаль, огорчение», «гнев, ярость», «отвращение, презрение», «страх, ужас», «смущение», «стыд, унижение» и «ощущение вины». Также дана пустая строка («свой вариант») с возможностью описать эмоции своим словом или сочетанием слов. Далее, испытуемому будет необходимо ответить на вопрос («Что из этого вызвало наиболее сильную эмоциональную реакцию?»), выбрав из возможных

вариантов внешних характеристик ту, которая вызвала у него самые сильные эмоции («взгляд и/или глаза», «рот» и др.; также с возможностью вписать свой вариант). Ожидается, что большинство испытуемых выберут варианты, связанные с модификацией глаз и выражением взгляда (Baron-Cohen, 1995), и, возможно, с верхней частью лица в целом (Tinwell et al., 2011). Также, опираясь на интерпретацию феномена, предполагается, что наиболее часто проявляемыми эмоциями будут те, которые имеют негативную окраску, в частности – страх, отвращение и др. Помимо этого, предполагается нелинейная взаимосвязь между степенью антропоморфности изображений и эмоциональной реакцией в характерной для феномена форме – с резким ухудшением эмоций на высоких уровнях антропоморфности и резким же улучшением для наиболее человекоподобных роботов.

Литература

1. *Изард, К.* (1980). Эмоции человека (1-е изд., с. 464). Москва: Изд-во Московский государственный университет.
2. *Baron-Cohen, S.* (1995). *Mindblindness: an essay on autism and theory of mind.* MIT Press. *Brenton H., Gillies M., Ballin D. and Chatting D.* (2005). The Uncanny Valley: does it exist? In Workshop on Human-Animated Characters Interaction at The 19th British HCI Group Annual Conference HCI 2005: The Bigger Picture, Edinburgh, 2005.
3. *Mori, M., MacDorman, K., & Kageki, N.* (2012). The Uncanny Valley [From the Field]. *IEEE Robotics & Automation Magazine*, 19(2), 98–100.
4. *Tinwell, A., Grimshaw, M., Nabi, D. A., & Williams, A.* (2011). Facial expression of emotion and perception of the Uncanny Valley in virtual characters. *Computers in Human Behavior*, 27(2), 741–749.

*Мотора Д.И., Федорова О.В.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

ОБЪЕМ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА И АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ЕГО ИЗМЕРЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСПЫТУЕМЫХ

«Рабочая память – это когнитивная функция, отвечающая за хранение и обработку по-ступающей информации в короткий период времени, например, во время записи текста под диктовку или синхронного перевода. На данный момент разработано три теста на определение объема рабочей памяти: Speaking span [Daneman, Carpenter 1980], Reading span и Alphabet span.

В тесте Speaking span испытуемые составляют предложения со стимульными словами, выполняя одновременно две задачи: хранение элементов в рабочей памяти и порождение высказываний с этими элементами; в тесте Alphabet span испытуемые запоминают ряд стимульных слов, данных в случайном порядке, а затем повторяют эти слова, выстраивая их по алфавиту: то есть и сохраняют, и преобразуют поступающую информацию.

Все три теста были адаптированы к русскому материалу, однако в разные сроки. Сегодня тест Alphabet span только начинают применять для определения объема рабочей памяти в исследованиях [Давыдова 2017; Потанина 2018]; версия теста Reading span, используемая в этой работе, была разработана и апробирована в исследовании [Широкова 2019]. Тест Speaking span был адаптирован для русскоязычных испытуемых Т. А. Слабодкиной также сравнительно недавно – в 2011 г. [Слабодкина 2011].

Целью этого исследования было сравнить существующие психолингвистические методики измерения объема рабочей

памяти при понимании и порождении речи, а также проверить, коррелируют ли результаты русскоязычных тестов между собой – иными словами, являются ли имеющиеся психолингвистические методики корректными для русскоязычного материала. Также проверялась гипотеза о том, что сравнительно высокие результаты теста Reading span, полученные в работе [Давыдова 2017], обусловлены главным образом меньшим объемом стимульного материала, используемого в этом тесте.

Эксперименты проводились с апреля по июнь 2019 г., в них приняли участие 12 человек в возрасте от 18 до 25 лет (почти все – студенты Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). Каждый участник прошел все три теста; между тестами соблюдался минимальный перерыв в два дня; у каждого испытуемого был свой порядок прохождения тестов.

Небольшая по сравнению с данными, полученными в исследовании [Давыдова 2017] разница между результатами тестов на понимание и порождение вербальной информации позволяет подтвердить высказанную в начале работы гипотезу, что наблюдавшиеся ранее стабильно более высокие результаты выполнения теста на понимание были обусловлены скорее несбалансированным объемом стимульного материала, чем объективной легкостью понимания по сравнению с порождением: мнимая легкость удержания поступающих словоформ в рабочей памяти, вероятно, исчезает под влиянием описанного выше эффекта артикуляторного торможения, вызванного необходимостью непрерывно читать новые предложения. Корреляция между результатами большинства тестов слабая и статистически не значимая, однако процентное соотношение при нестрогом подсчете демонстрирует сильную прямую связь между качеством выполнения Speaking span и Alphabet span.

Максимальное число слов, которые участники смогли запомнить, обычно равно четырем, но участникам со сравнительно высокими результатами удавалось запоминать и до шести стимульных слов в тестах Reading span и Speaking span, и до семи слов в алфавитном тесте. Это значение не

вполне вписывается в «магическое число» “ 7 ± 2 ” [Miller 1956], но хорошо соотносится с его современным представлением “ 4 ± 1 ”.

Результаты тестов заставляют предположить, что, хотя низкий показатель в том или ином тесте свидетельствует о трудности распределения ограниченного объема когнитивных ресурсов, и для большинства участников наиболее трудным заданием является одновременное удержание в памяти и обработка поступающей информации, индивидуальные различия и внешние обстоятельства (стресс, отвлекающие факторы и др.) оказываются не менее существенными при выполнении того или иного задания. Нельзя выделить, как в работе [Давыдова 2017], тест, с которым все участники справились бы однозначно лучше, чем с другими.

В докладе будут подробнее рассмотрены результаты тестов применительно к каждому участнику и дискурсивный материал, полученный в ходе проведения *Speaking span*.

Литература

1. Давыдова В.Ф. 2017. Измерение объема рабочей памяти: анализ существующих психолингвистических методик: курсовая работа, рукопись.
2. Потанина Ю.Д. 2018. Рабочая память и речевые сбои в спонтанном дискурсе (психолингвистическое исследование): дисс. ... канд. филол. наук., рукопись.
3. Слабодкина Т.А. 2011. Объем рабочей памяти. Разработка теста *Speaking span* на русском языке: курсовая работа, рукопись.
4. Широкова П.И. 2019. Апробация новых тестов *Reading span* и *Speaking span*: курсовая работа, рукопись.
5. Daneman, Meredyth, and Patricia A. Carpenter. 1980. 'Individual differences in working memory and reading', *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 19: 450–66.
6. Miller, George A. (1956). The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. *Psychological Review* 63, 81–97.

*Подшиваленко И.А., Смирницкая А.В., Владимиров И.Ю.,
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова*

МОНИТОРИНГ ОЦЕНКИ ВРЕМЕННЫХ ИНТЕРВАЛОВ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ СПЕЦИФИКИ ДИНАМИКИ ИНСАЙТНОГО РЕШЕНИЯ

Как показано в ряде работ нашей исследовательской группы, для исследования динамики процессов обслуживающих рутинное или инсайтное решение эффективным является метод мониторинга (Коровкин, Владимиров, Саввинова, 2014; Владимиров и др., 2016).

В работах было выявлено, что инсайтные и неинсайтные задачи имеют ряд существенных различий (Korovkin et al., 2018). Одно из таких различий заключается в нагрузке на рабочую память (Baddeley, Hitch, 1974). Если при решении неинсайтной задачи нагрузка на рабочую память увеличивается равномерно, то в ходе решения инсайтной задачи нагрузка на рабочую память скорее снижается и повышается ближе к концу решения, когда происходит сопоставление решения с условиями задачи (Korovkin et al., 2018).

Мы предполагаем, что в качестве второстепенного задания не менее эффективным с точки зрения раскрытия качественной специфики сопровождающих процессов будет использование субъективной оценки временных интервалов, так как оценка времени имеет взаимосвязь с новизной информации и количеством обрабатываемой информации, что позволит оценить нагрузку на рабочую память (Zakay, 1989; Ornstein, 1969).

Гипотезы исследования:

Мониторинг субъективной оценки времени позволяет выявить различия в загрузке рабочей памяти в процессе решения задач инсайтного и неинсайтного типа.

В алгоритмизированных задачах недооценка промежутков времени увеличивается равномерно от первого к третьему

му этапу, при решении инсайтных задач выраженная динамика наблюдается лишь на последних этапах решения.

Процедура

Эксперимент проводился на ПК в программе, написанной в PsychoRu3.

Этап тренировки

1. Испытуемому необходимо отсчитывать про себя 7 секунд и нажимать клавишу каждый раз, когда прошло это время.

2. Испытуемому необходимо, не считая про себя, а опираясь на «ощущения» оценивать интервалы времени. На мониторе появляется число «7», испытуемому необходимо определить, больше или меньше времени прошло на самом деле. Реальное время варьируется в пределах 2 от 7 секунд. На данном этапе тренировки испытуемый получает обратную связь: верно или не верно была нажата кнопка.

3. Аналогично предыдущему, только без обратной связи.

Основная серия

Испытуемому в случайном порядке представляются 4 задачи (2 инсайтные и 2 неинсайтные). Испытуемый должен решить данные задачи до конца, параллельно оценивая предоставляемые промежутки времени (аналогично процедуре 3 тренировочной серии).

Выборка

В пилотном исследовании приняли участие 14 человек в возрасте от 18 до 22 лет, 8 мужчин и 6 женщин.

Обработка результатов исследования:

Решение каждой задачи для каждого испытуемого было поделено на 3 части, выявлен усредненный для каждого показатель (%) переоценки и недооценки временных интервалов.

Для обработки применен метод ANOVA с повторными измерениями с поправкой Гринхауса-Гейссера.

Было выявлено, что нет значимых различий по переоценке времени как в зависимости от этапов ($F(1.63, 21.185) = 1.041$, $p = .357$, $\eta^2 = .074$), так и в зависимости от типа задач ($F(1.000, 13.000) = .048$, $p = 0.829$, $\eta^2 = .004$). Также нет значимых различий во взаимодействии этапов решения и типами задач ($F(1.405, 0.018) = 2.207$, $p = .169$, $\eta^2 = .135$).

Нет значимых различий по недооценке времени в зависимости от этапов решения ($F(1.537, 19.986) = 1.221$, $p = .311$, $\eta^2 = .086$), типа задачи ($F(1.000, 22.329) = 1.310$, $p = .273$, $\eta^2 = .092$). Значимых различий во взаимодействии этапов решения и типами задач также нет ($F(1.718, 22.329) = .523$, $p = .573$, $\eta^2 = .039$).

Результаты и их анализ

Перед применением данного вида мониторинга не было выявлено специфики в решении задач инсайтного типа. Переоценка и недооценка временных промежутков на различных этапах решения задач инсайтного и неинсайтного типа не имеет различий. Это может быть связано с разной сложностью заданий, слишком коротким временем решения инсайтных задач и недостаточным количеством человек в выборке (необходимо 52 (Brysaert, 2019)).

Литература

1. Владимиров, И.Ю. и др. (2016). Управляющий контроль и интуиция на различных этапах творческого решения. Психологический журнал, 37(1), 48-60.
2. Коровкин С.Ю., Владимиров И.Ю., Савинова А.Д. (2014) Динамика загрузки рабочей памяти при решении инсайтных задач, Российский журнал когнитивной науки, том 1 (4), стр. 67–81.
3. Beddeley A.D. Hitch G. (1974) Working Memory. Psychology of Learning and Motivation, Volume 8, 47–89.
4. Brysaert, M. (2019) How many participants do we have to include in properly powered experiments? A tutorial of power analysis with reference tables. Journal of Cognition, 2(1), p.16. KoroVkin S., Vladimirov I., Chistopolskaya A., Savinova A.

- (2018) How Working Memory Provides Representational Change During Insight Problem Solving. *Frontier in Psychology*, 9:1864
5. *Ornstein, R.* (1969) On the expertence of time. Baltimore, Penguin Books.
6. *Zakay D.* (1989) Subjective time and attentional resource allocation: an integrated model of time estimation. *Time and Human Cognition, a Life-Span Perspective*, 365–397.

*Чумакова М.А., Гаврилина А.Э., Глебко Н.Р.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОСТРОЕНИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗАДАЧИ

Репрезентация задачи – переход к общей модели когнитивных процессов, в которой объединены процессы перцепции, памяти, внимания, мышления (Брушлинский А.В., Сергиенко Е.А., 1998). Исследования в психологии мышления, как правило, посвящены изучению базовых механизмов мышления. Несмотря на это, некоторые ученые отмечают в своих работах уникальность представления одной и той же задачи для каждого участника эксперимента (Богоявленская, 2009).

Гипотеза: содержание репрезентации ситуации связано с индивидуально-психологическими особенностями субъекта, решающего мыслительную задачу.

В исследовании приняли участие 61 человек (24 мужчины и 37 женщин) в возрасте от 18 до 26 лет. Само исследование состояло из двух этапов.

Первый этап – это прохождение батареи методик для выявления индивидуальных особенностей:

- методика «Мини Big Five ТPI» (Корнилова Т.В., Чумакова М.А., 2016);
- «Отношение к неопределенности MSTAT-II» (Kornilova T. V., Chumakova M. A., 2014);
- «Мельнбурнский опросник принятия решений» (Корнилова Т.В., 2013);
- опросник Эпстайна «Рациональность-Опытность» (Корнилова Т.В., 2017);
- «Шкала “Аналитичности-Холистичности”» (Апанович В.В., Знаков В.В., Александров Ю.И., 2017);
- тест на умственные способности «Краткий ориентировочный тест» (Истратова О.Н., 2006);
- методика «Рефлексивность» (Карпов А.В., 2003).

Второй этап – решение моральной дилеммы «Груз ответственности». Данный тип задачи был выбран потому, что обычные задачи-головоломки редко соответствуют жизненным ситуациям. Сюжетная линия задачи разворачивается в вымышленной вселенной будущего. В государстве принимают закон о семи грехах, и как только человек набирает все семь – он предстает перед судом, где решается судьба его жизни. В данной задаче респондент выступает в роли защитника, цель которого – вынести приговор человеку, аргументировав свое мнение. Данная задача использовалась для экспликации репрезентации ситуации через развернутую вербальную аргументацию решения.

После этого осуществлялась обработка данных, которую можно разбить на три стадии:

Вся аргументация, полученная от испытуемых во время решения моральной дилеммы, разносилась по категориям, которые были разработаны двумя экспертами в предыдущем исследовании (Брушлинский И.М., 2018). По итогу распределения получилась матрица респонденты X частотность использования каждой категории, к которой был применен кластерный анализ (метод Варда) для выделения типов аргументации. Было получено четыре типа аргументации:

- сочетание всех типов аргументации, преобладание учета жизненного опыта и особенностей обвиняемого;
- преобладание аргументации, связанной с учетом жизненного опыта и особенностей обвиняемого;

- апелляция к правовым нормам задачи;
- наименьший объем аргументации по сравнению с представителями других групп, акцент на условиях задачи.

2. Обработка данных опросников осуществлялась в соответствии с ключами, к полученным данным так же был применен кластерный анализ (метод Варда), с помощью которого были выделены три профиля респондентов, обладающих характерным сочетанием личностных свойств.

3. Для выявления связи личностных особенностей с типами аргументации был использован дисперсионный анализ ANOVA с поправкой на множественные сравнения Холма, который не показал значимых различий: $p > .7$, $F(3) < 1.425$, $h^2 < 0,07$.

Далее была построена матрица сопряженности типов аргументации и личностных профилей, нормированная относительно размера группы по индивидуальным особенностям. Полученные данные соотнесения позволили увидеть некоторые различия. Вероятно, личностные качества не задают строго ограниченный стиль мышления и пути репрезентации задачи, что показал дисперсионный анализ. Однако можно предположить, что более разнообразный и вариативный личностный профиль, обладающий такими выраженными качествами, например, как рефлексивность и добросовестность, позволяет привлекать большее количество различных типов аргументации. Это может быть связано с тем, что общий личностный потенциал, заданный всеми качествами, которыми обладает человек, может являться не необходимым, но тем не менее влияющим фактором, определяющим тенденцию и характер мыслительной деятельности.

Таким образом, данное исследование показало то, как по-разному люди воспринимают одну и ту же проблемную ситуацию. Построение репрезентации происходило для каждого респондента уникальным образом. В настоящий момент нельзя делать однозначные выводы о том, с чем связаны данные различия, однако описанные закономерности могут помочь сформулировать гипотезы для дальнейшего исследования мышления и построения репрезентации задач.

Литература

1. Kornilova T. V., Chumakova M. A. (2014) Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire. *Experimental Psychology (Russia)*; 7(1), 92–110.
2. Апанович В.В., Знаков В.В., Александров Ю.И. (2017). Апробация шкалы Аналитичности-Холистичности на российской выборке. *Психологический журнал*; 5 (38), 80–96.0
3. Богоявленская, Д. Б. (2009). Психология творческих способностей.
4. Брушлинский, А. В., Сергиенко, Е. А. (1998). Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии. *Ментальная репрезентация: динамика и структура*, 5-22.
5. Брушлинский, И.М. (2018). Индивидуальные различия в построении репрезентации задачи. ВКР.
6. Истратова О.Н. (2006). Психодиагностика. Коллекция лучших тестов. РнД.: Феникс.
7. Карпов А.В. (2003). Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. *Психологический журнал*; 5 (24), 45–57.
8. Корнилова Т.В. (2013). Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация. *Психологические исследования*; 31 (6), 4.
9. Корнилова, Т.В., Разваляева, А.Ю. (2017). Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна «Рациональный-Опытный». *Психологический журнал*; 3 (38), 92–107.
10. Корнилова, Т.В., Чумакова, М.А. (2016). Апробация краткого опросника Большой пятерки (ТІРІ, КОБТ). *Психологические исследования*; 46 (9), 5.

*Фомина М.А., Козловский С.А., Федоров М.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

ПРОИЗВОЛЬНОЕ И НЕПРОИЗВОЛЬНОЕ ЗАПОМИНАНИЕ ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМИ ЭКСПРЕССИЯМИ

В современных исследованиях остается открытым вопрос о различиях в произвольном и непроизвольном запоминании лиц. В классических исследованиях, посвященных проблемам непроизвольной памяти, П.И. Зинченко (1961) было показано, что объект, который запоминается субъектом в ходе различных ориентировочных реакций, воспроизводится значительно хуже объекта, на который направлены мнемические действия субъекта. Также было отмечено, что продуктивность непроизвольного запоминания зависит от ряда факторов, в том числе стильного фактора, то есть характера материала запоминания. В исследованиях, посвященных особенностям запоминания лица, было показано, что лица с эмоцией счастья вспоминаются и узнаются лучше в сравнении с лицами с негативными или нейтральными эмоциями при прочих равных условиях.

Гипотеза данного исследования является предположение, что лица, которые запоминались произвольно будут чаще правильно узнаваться, лица, которые запоминались непроизвольно будут узнаваться реже, а среди них лица с нейтральным выражением лица будут узнаваться реже лиц с негативным.

Настоящее исследование является пилотным. В выборку вошло 12 испытуемых, 8 женщин, все испытуемые были правшами, возраст от 18 до 25 лет. Испытуемые имели высшее или неоконченное высшее образование. Все участники исследования отрицали наличие неврологических и психических заболеваний.

Стимулы предъявлялись на компьютерном экране, расположенном в 70 сантиметрах от глаз участника исследования. Стимулы предъявлялись через программу «Presentation». Исследование состояло из 2 серий с интерферирующей серией между ними, которая длилась 22 минуты. В качестве стимульного материала использовались портретные фотографии из проекта FACES, который представляет собой набор из 172 лиц равного количества мужчин и женщин в молодом, среднем и пожилом возрасте. Каждый человек из проекта FACES представлен с 6 эмоциями – радость, гнев, печаль, отвращение, страх, с нейтральным выражением лица. Разрешение на использование данных фотографий было получено у создателей проекта для использования в образовательных и научных целях. Всего в эксперименте предъявлено 168 людей. В I серии предъявлено 84 человека: по 28 с радостным и нейтральным выражением лица и по 7 с другими эмоциями. Во II серии были предъявлены те же фотографии из первой серии с добавлением новых фотографий других 84 людей. В I и II серии фотографии предъявлялись в зафиксированном случайном порядке.

Участнику исследования предлагалась инструкция, по которой при опознании лица с радостным выражением лица участник исследования должен запомнить лицо данного человека и нажать пробел на клавиатуре.

В первой серии каждая фотография предъявлялась 8 раз на 800 мс, далее следовала пауза в 400 мс. Перед предъявлением фотографии в центре экрана отображается фиксационный крест.

В интерферирующей серии использовался эксперимент Ширеновой С.Д.

Во второй серии каждая фотография предъявлялась 4 раза в течении 800 мс, далее следовала пауза в 1000 мс. Во II серии согласно инструкции необходимо нажать на одну из двух возможных кнопок на клавиатуре в зависимости от того, опознавал ли он лицо из I серии (фотографии идентичны тем, что были использованы в I серии) или до начала этой серии он не видел и не помнит этого лица.

Ответы участников исследования из II серии были внесены в программу SPSS и сгруппированы по ответу – «узнавание» или «отрицание», по новизне стимула – «впервые предъявлено в первой/второй серии» и по эмоциям, выражаемым на лице предъявляемой фотографии – «счастливое», «негативное», «нейтральное». Всего было обработано 8052 ответов, из которых пропусков было 104.

Ответы были расщеплены по новизне стимула и для каждой группы были составлены таблицы сопряженности с расчетом ожидаемой частоты, а также Хи-квадрата Пирсона. Счастливые лица, которые запоминались произвольно узнавались чаще (частота 899 к ожидаемой частоте 699,4). Лица, которые запоминались произвольно узнавались реже ожидаемой частоты, однако ближе к ожидаемой частоте узнавания находились лица с негативными эмоциями (685 к 696,8). Хуже всего узнавались лица с нейтральным выражением лица (509 к 696,8). Значение Хи-квадрата Пирсона для таблицы сопряженности для лиц из первой серии равно 227,474 со значимостью 0,000.

Счастливые лица, предъявленные впервые, также узнавались чаще ожидаемой частоты (179 к 131,7), в то время как узнавание впервые предъявленных лиц с нейтральным и негативным выражениями лица были ниже ожидаемой частоты (108 к 130,4; 106 к 130,8). Значение Хи-квадрата Пирсона для таблицы сопряженности для лиц из второй серии равно 28,346 со значимостью 0,000.

Данное исследование показывает, что лица запоминаются лучше произвольно, однако в таком случае увеличивается ошибка ложного узнавания. Лучше произвольно запоминаются лица с негативным выражением лица, а не с нейтральным.

Литература

1. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1961. – 563 с.

*Лунева А.Р., Коровкин С.Ю.,
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова*

ОСОБЕННОСТИ МЕЖПОЛУШАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕШЕНИИ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ (ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

В настоящее время не удалось полностью опровергнуть тезис о приоритетном вкладе правого полушария в процесс творческого мышления. В своем исследовании мы придерживаемся взгляда на проблему межполушарного взаимодействия, предполагающего, что процесс творческого мышления является результатом взаимодействия нейронных сетей и интеграции информации между полушариями (Petsche, 1996; Srinivasan, 2007). Согласно этой модели, оба полушария играют решающую роль в творческом мышлении, и именно в их взаимодействии зарождается творчество. Основным материалом для нашего исследования являются инсайтные задачи – задачи, для успешного решения которых требуется смена операторов или системы их применения (требуется нахождение функционального решения), а новая система операторов и правил для субъекта неизвестна (неочевидна или не актуализирована).

Для изучения роли межполушарного взаимодействия в решении инсайтных задач мы используем идею осложнения межполушарного взаимодействия, позволяющего оценить его вклад в решение мыслительных задач. Осложнение межполушарного взаимодействия реализуется через дополнительное зондовое задание – параллельное задание, которое выполняется во время решения основной (инсайтной) задачи (Korovkin, Vladimirov, Chistopolskaya, Savinova, 2018). Зондовое задание используется в качестве дистрактора, который вступает в конкуренцию с основной задачей как за ресурсы переработки информации внутри полушария, так и за ресурсы межполушарного канала передачи информации.

© Лунева А.Р., Коровкин С.Ю., 2020

Гипотеза

Осложнение межполушарного взаимодействия ухудшает решение инсайтных задач.

1) Осложнение межполушарного взаимодействия приводит к увеличению времени решения инсайтных задач.

2) Скорость и правильность решения зондового задания в инсайтных задачах снижается при осложнении межполушарного взаимодействия. Выборка В поведенческой серии эксперимента приняло участие 46 человек, после чистки выборки были обработаны данные 36 человек. Каждый из испытуемых попадал в 3 экспериментальных условия. Таким образом, нами было рассмотрено 108 экспериментальных ситуаций.

Процедура

Предварительный этап:

Испытуемый заполняет анкету на определение ведущей руки и проходит методику определения ведущего уха. После чего ему предлагается тренировочная серия с различным сочетанием условий задания-зонда (ипсилатеральный зонд – левое ухо/левая рука, правое ухо/правая рука; контралатеральный зонд – левое ухо/правая рука, правое ухо/левая рука).

Основной этап:

После окна с инструкцией, в центре экрана компьютера появлялся текст задачи. Внутри текста располагалась точка фиксации взора. Во время прочтения и решения задачи испытуемый должен был выполнять параллельное зондовое задание, подающееся соответственно в левое или правое ухо. Задание состояло в выборе одной из двух простых альтернатив (высокий или низкий звук). Зондовое задание выполнялось либо левой, либо правой рукой и должно было выполняться до момента правильного решения задачи. Для осложнения межполушарного взаимодействия зондовое задание подавалось правое ухо и решалось левой рукой, а также подавалось в левое ухо и решалось правой рукой.

Результаты

Анализ нескольких блоков данных с независимыми переменными основного времени решения задачи, среднего времени реакции на зондовое задание и правильности ответа на зондовое задание показал, что осложнение межполушарного взаимодействия не оказывает статистически значимого влияния на решение инсайтных задач разных типов. При сравнении времени решения всех задач в различных условиях выполнения дополнительного зондового задания нами было выявлено, что задачи, выполняющиеся совместно с зондовым заданием в контралатеральном ($M = 226.6$, $SD = 166.5$) условии решаются значимо быстрее, чем задачи, выполняющиеся совместно с зондовым заданием в правостороннем ипсилатеральном ($M = 316.9$, $SD = 174.3$) условии ($t(35) = -2.62$, $p = .013$, $d = -0.53$). Мы считаем, что данный результат связан с активным вкладом левого полушария в процесс решения инсайтных задач, в связи с высокой потребностью в активации речевых структур.

Литература

1. *Dietrich A., Kanso R.* A review of EEG, ERP, and neuroimaging studies of creativity and insight // *Psychological Bulletin and Review*. 2010. № 136. P. 822–848.
2. *Korovkin S., Vladimirov I., Chistopolskaya A., Savinova A.* How working memory provides representational change during insight problem solving // *Frontiers in psychology*. 2018. № 9: 1864.
3. *Mashal N., Faust M., Hendlar T.* The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of principal components analysis to fMRI data // *Neuro-psychologia*. 2005. № 43. P. 2084–2100.
4. *Petsche H.* Approaches to verbal, visual and musical creativity by EEG coherence analysis // *International journal of psychophysiology*. 1996. Vol. 24. № 1–2. P. 145–159.
5. *Srinivasan N.* Cognitive neuroscience of creativity: EEG based approaches // *Methods*. 2007. № 42. P. 109–116.

*Maddex Farshchi,**National Research University Higher School of Economics*

NEURAL SUBSTRATES UNDERLYING THE STEREO 3D PERCEPTION: AN FMRI META-ANALYSIS STUDY

Humans live in a three-dimensional (3D) scene and can perceive positions and shapes of objects in the scene veridically based on visual information. This ability is crucial for recognizing the objects and for interacting with them. The human brain, specifically the visual system, is specialized to rapidly process 3D information of the objects (Fabre-Thorpe, 2011; Thorpe & Fabre-Thorpe, 2001). Numerous neuroimaging studies suggested that different brain regions are associated with the process of 3D information (e.g. Halari et al, 2006; Schöning et al, 2007; Georgieva, Peeters, Kolster, Todd, & Orban, 2009; Gaebler et al, 2014; Chen, Wang, Liu, & Chen, 2017). However, these results are not consistent across the studies due to the wide variety of utilized tasks and visual stimuli. This problem can be addressed by meta-analysis integrating the results from the studies. The meta-analysis provides a reliable map of brain regions associated with the process of 3D information.

In this study, I conducted meta-analysis on studies of the functional magnetic resonance imaging (fMRI) about stereo 3D perception. I used the activation likelihood estimation (ALE) method to integrate results across the multiple fMRI studies. This fMRI meta-analysis aimed to answer which specific regions of the brain are associated with the 3D perception across the neuroimaging studies with different types of visual stimuli. A literature search was performed using Scopus (<https://www.scopus.com/>) and Web of Science (<http://www.webofknowledge.com/>) databases. The search identified 179 studies whose titles, abstracts, or keywords included the terms “3D,” “perception,” and “fMRI.” Note that this meta-analysis employed only studies with whole-brain analysis and did not consider studies that exploited region-of-interest (ROIs) analysis. After this screening,

© Maddex Farshchi, 2020

data of 417 healthy adult participants from 25 experiments of 15 studies were sampled in total for the analysis.

Results of the analysis revealed 6 major significant clusters of activation for the process of the stereo 3D information: 1) left middle occipital gyrus and left cuneus (BA18 & BA19),

right fusiform gyrus (BA19), 3) right precuneus, right cuneus, and right middle occipital gyrus (BA17 & BA18 & BA31), 4) right superior parietal lobule and right precuneus (BA7),

left declive of cerebellum and left fusiform gyrus (BA37), and 6) left middle frontal gyrus and left precentral gyrus (BA6). The results of this meta-analysis provided concordant map of activation across the neuroimaging studies associated with the perception of the stereo 3D information. The observed results suggest that the process of the stereo 3D information requires increased resources of the brain compared to the process of the 2D information.

Literature

1. *Fabre-Thorpe, M.* (2011). The characteristics and limits of rapid visual categorization. *Frontiers in psychology*, 2, 243.
2. *Thorpe, S. J., & Fabre-Thorpe, M.* (2001). Seeking categories in the brain. *Science*, 291(5502), 260–263.
3. *Schöning, S., Engelien, A., Kugel, H., Schäfer, S., Schiffbauer, H., Zwitserlood, P., ... & Greb, R. R.* (2007). Functional anatomy of visuo-spatial working memory during mental rotation is influenced by sex, menstrual cycle, and sex steroid hormones. *Neuropsychologia*, 45(14), 3203–3214.
4. *Georgieva, S., Peeters, R., Kolster, H., Todd, J.T., & Orban, G.A.* (2009). The processing of three-dimensional shape from disparity in the human brain. *Journal of Neuroscience*, 29(3), 727–742.
5. *Chen, C., Wang, J., Liu, Y., & Chen, X.* (2017). Using Bold-fMRI to detect cortical areas and visual fatigue related to stereoscopic vision. *Displays*, 50, 14–20.
6. *Gaebler, M., Biessmann, F., Lamke, J. P., Müller, K. R., Walter, H., & Hetzer, S.* (2014). Stereoscopic depth increases intersubject correlations of brain networks. *NeuroImage*, 100, 427–434.

7. Halari, R., Sharma, T., Hines, M., Andrew, C., Simmons, A., & Kumari, V. (2006). Comparable fMRI activity with differential behavioural performance on mental rotation and overt verbal fluency tasks in healthy men and women. *Experimental brain research*, 169(1), 1–14.

Благов И.А., Василенко Т.Д.,

Курский государственный медицинский университет

МЕТОД БОС КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ СТУДЕНТОВ ЧЕРЕЗ ТРЕНИРОВКУ ДОСТИЖЕНИЯ СОСТОЯНИЯ СПОКОЙСТВИЯ

Нарушения адаптации в ситуации учебного процесса негативно влияют не только на эффективность учебной деятельности, но и на здоровье студента [2]. Данная проблема связана с нарушениями саморегуляции, что являются актуальной сферой изучения ученых [1, 3]. Метод биологической обратной связи (БОС) широко используется в психотерапии различных расстройств эмоциональной сферы и в развитии навыка саморегуляции [3, 4, 5]. Данный метод имеет научные обоснования и в последние годы становится повсеместно доступным методом [3].

Основной гипотезой было предположение о том, что состояние «спокойствия», которого участники эксперимента достигали в ходе БОС тренинга, окажет положительное влияние на развитие навыка саморегуляции. Экспериментальную выборку составили 11 студентов КГМУ в возрасте от 17 до 21 года. Перед началом, в течении и в завершении эксперимента мы использовали тестовые методики: анкета «Мое состояние спокойствия» (авторская); опросник эмоциональ-

© Благов И.А., Василенко Т.Д., 2020

ной дисрегуляции (Польская Н.А.); опросник САН; «Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера»; шкала позитивного аффекта и негативного аффекта (ШПАНА). Исследование проводилось на базе КГМУ с ноября по декабрь 2018 года. При БОС тренировке использован тренинг по частоте сердечных сокращений. Математическим методом анализа был выбран статистический Т-критерий Вилкоксона. Расчеты произведены с использованием STATISTICA 6.0.

Понятие «состояние спокойствия» мы рассматривали как состояние оптимальной психической активности, функциональное состояние психофизиологического баланса, среднего энергетического уровня, что позволяет ему быть переходным состоянием от актуального и не желаемого психического состояния (страх, гнев, апатия и другие) к желаемому.

Согласно полученным результатам БОС тренинг состояния спокойствия способствовал снижению негативного аффекта у испытуемых ($p\text{-level} = 0,005$), снижению личностной тревожности ($p\text{-level} = 0,014$), повышению общего фона настроения ($p\text{-level} = 0,007$), повысил качество ментализации собственных переживаний ($p\text{-level} = 0,046$). В ходе эксперимента с помощью анкеты мы отслеживали субъективную оценку успеха в навыке достижения состояния спокойствия. По результатам анкеты мы выявили, что респонденты за четыре БОС тренинга в течение двух недель овладели навыком достижения спокойствия на высоком уровне ($p\text{-level} = 0,009$).

Полученные данные могут стать основой для комплексной программы развития саморегуляции для студентов вузов.

Литература

1. Грехов Р.А., Сулейманова Г.П., Харченко С. А., Адамович Е.И. Психофизиологические основы применения лечебного метода биологической обратной связи // Вестник ВолГУ. Серия 11. Естественные науки. 2015. №3.
2. Психология состояний: Учебное пособие / Под ред. А.О. Прохорова. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011. – 624 с.

3. Трунова М.С., Орлов А.Б. Метод биологической обратной связи: психотерапевтическая перспектива // Вопросы психологии. 2014. № 6. С. 33-43
4. Harkness T. Psykinetics and biofeedback: Abhinav Bindra wins India's first-ever individual gold medal in Beijing Olympics // Biofeedback. 2009. V. 37. N 2. P. 48–52.
5. Toomim M.K., Toomim H. SR Biofeedback in psychotherapy: Some clinical observations // Psychotherapy: Theory, Research and Practice. 1975. V. 12. N 1. P. 33–37.

*Сачек А.А., Громов К.Н., Радченко Г.С.,
Санкт-Петербургский государственный университет*

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕНСОРНОЙ ФИЛЬТРАЦИИ ПРИ ИГНОРИРОВАНИИ И РАЗЛИЧЕНИИ СИГНАЛА В ЗАДАЧЕ НЕОБЫЧНОГО СТИМУЛА

Сенсорная фильтрация – это процесс подавления вызванной активности на часто повторяющиеся стимулы в центральной нервной системе. В случаи, восприятия нерелевантной информации в близкий промежуток времени, сенсорная система фильтрации, подавляет избыточную информацию для эффективного распределения когнитивных ресурсов на восприятие релевантной информации (Freedman R. et al., 2002) Основной методикой исследования сенсорной фильтрации является предоставление звуковых парных щелчков. Результатом является подавление второго щелчка, как фильтрации избыточной информации (Rentzsch J. et al., 2008)

Однако стоит вопрос наличия сенсорной фильтрации в других экспериментальных задачах, в частности в задаче на обнаружение необычного стимула (oddball paradigm).

© Сачек А.А., Громов К.Н., Радченко Г.С., 2020

В исследовании Лакка и Хиллярда, на обнаружение зрительного стимула в oddball paradigm обнаружено подавление подкомпонента N2pc, данное наблюдение описывается как именно коррелят процесса сенсорной фильтрации (Luck S.J., Hillyard S.A., 1994). Однако в критической статье, посвященной этому исследованию, результаты не подтвердили именно процесс подавления амплитуды как фильтрации, поставив акцент исключительно только на увеличении амплитуды на девиантный стимул) Mazza V., Turatto M., Caramazza A., 2009)

Отсюда вытекает другая проблема: увеличение амплитудной активности на девиантный стимул, то, что известно под эффектом негативности рассогласования, является только результатом увеличения активности на девиантный стимул или одновременно и процессом подавления активности на стандартный стимул. Данное явление является проблемой, поскольку внутри множества экспериментальных исследований нет определенных условий, при котором можно было бы сравнить и достоверно заключить о наличии или отсутствии увеличения и подавления амплитудной активности.

Стоит задача проверить следующие гипотезы:

1. Проверить наличие сенсорной фильтрации в ранних компонентах ССП P50, N100, P200 в экспериментальной задаче необычного стимула при отсутствии активного внимания к стимулам.

2. Проверить сенсорной фильтрации в ранних компонентах ССП P50, N100, P200 в экспериментальной задаче необычного стимула при наличия активного внимания к стимулам.

Методика

В исследовании приняло участие 15 человек (15 женщин), в возрасте от 18 до 22 лет. Испытуемые располагались в кресле, заранее был проведен инструктаж, в котором испытуемый должен прослушать последовательность звуковых стимулов. Эксперимент состоял из двух серий разделенный на две части:

В первой части: испытуемый выполнял задачу пассивного прослушивания слухового стандартного и девиантного стимула – произвольная задача.

Во второй части: испытуемый выполнял задачу на обнаружение сигнала с поведенческим ответом при прослушивании слухового стандартного и девиантного (целевого) стимула, ответ давался нажатием левой кнопки мыши на целевой стимулы – произвольная задача. Разница между стандартным и девиантным стимулом выражается в интенсивности – девиантный интенсивнее на 5 (Дб). Вероятность предъявления стимульных проб: девиантный – 20%, стандартный – 80%.

Статистическая обработка проводилась при помощи программных сред Microsoft Office Excel 2010 и Statistica 10.0. Для анализа двух экспериментальных частей использовались усредненные показатели амплитуды по каждому электроду. Для сравнения показателей использовался многомерный дисперсионный анализ с повторными измерениями.

Результаты исследования

1. Наблюдается тенденция к подавлению амплитудной активности компонентов ССП P50, N100, P200 на стандартные стимулы в непроизвольной задаче, что указывает на эффект сенсорной фильтрации. Статистических значимых эффектов в задаче не обнаружено.

2. Наблюдается тенденция к подавлению амплитудной активности компонентов ССП P50, N100, P200 на стандартные стимулы в произвольной задаче, что указывает на эффект сенсорной фильтрации. Статистических значимых эффектов в задаче не обнаружено.

Литература

1. *Freedman R. et al.* 2002. Input dysfunction, schizotypy, and genetic models of schizophrenia // *Schizophrenia Research*. Vol. 54, № 1–2. P. 25–32. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0920996401003486>.
2. *Luck S.J., Hillyard S.A.* 1994. Spatial filtering during visual search: evidence from human electrophysiology // *J Exp Psychol Hum Percept Perform* Vol. 20, № 5. P. 1000–1014. <https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2F0096-1523.20.5.1000>.

3. *Mazza V., Turatto M., Caramazza A.* 2009. Attention selection, distractor suppression and N2pc // *Cortex*. Vol. 45, № 7. P. 879–890. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010945208002645>.
4. *Rentzsch J. et al.* 2008. Test–retest reliability of P50, N100 and P200 auditory sensory gating in healthy subjects // *International Journal of Psychophysiology*. Vol. 67, № 2. P. 81–90. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167876007002243>.

*Воярж А.Е., Ковш Е.М.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, НОСИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ГЕНОТИПОВ ГЕНА MAOA

В настоящее время большое внимание уделяется изучению наследственных факторов и генетических основ психологических особенностей людей, но вопрос о влиянии генов на личность и поведение человека до сих пор остается открытым [2, 3].

Гена MAOA воздействует на метаболизм нейротрансмиттеров, оказывает влияние на поведенческие характеристики человека [4].

Выделяются три группы генотипов гена моноаминоксидазы А: генотипы, связанные с высокой активностью моноаминоксидазы А (H); генотипы, связанные с низкой активностью моноаминоксидазы А (L); гетерозиготные генотипы (M). Полиморфизм гена MAOA состоит в количестве tandemных повторов (-uVNTR) тридцати нуклеотидных пар, которые

© Воярж А.Е., Ковш Е.М., 2020

располагаются в гене. Он расположен на X-хромосоме, поэтому гетерозиготные генотипы MAOA M встречаются только у женщин.

Таким образом, генотипы по полиморфизму гена MAOA могут быть ассоциированы с различными психологическими особенностями мужчин и женщин.

Цель исследования: изучение психологических особенностей мужчин и женщин, носителей различных генотипов гена MAOA.

Гипотеза исследования

1. Вероятно, генотипы гена MAOA (H, L, M) ассоциированы с разными психологическими особенностями у мужчин и женщин.

Задачи исследования

Эмпирические: провести эмпирическое исследование психологических особенностей носителей различных генотипов гена MAOA; провести качественный и количественный анализ полученных результатов; провести сравнительный анализ между группами мужчин и женщин.

В исследовании приняло участие 150 человек (105 женщин и 45 мужчин).

Материалы и методы исследования

Методы: выделение ДНК из клеток буккального эпителия, электрофорез в агарозном геле (MAOA -uVNTR) проводились на базе лаборатории ООО «БиРеТ», г. Москва. Психодиагностический инструментарий:

- 1). Опросник А. Басса – А. Дарки.
- 2). Опросник формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова.
- 3). Тест описания поведения в конфликтной ситуации Томаса.
- 4). Опросник выраженности легитимизированной агрессии «ЛА-44».

Обработка полученных результатов

Достоверность полученных результатов обеспечивалась использованием в исследовании методов математической статистики (стандартный программный пакет для статистической обработки данных Tibco Statistica): многофакторного дисперсионного анализа MANOVA ($p \leq 0,05$); категориальные факторы «генотип», «пол». Для проверки гомогенности дисперсий был проведен Levene's test, для установления значимых различий в выраженности изученных признаков был Post-hoc анализ Фишера.

Результаты и их обсуждение

Результаты статистического анализа показали, что мужчины, носители генотипа Н гена MAOA, имеют достоверно более высокий уровень физической агрессии ($p = 0.01$), высокий уровень легитимизированной агрессии по шкалам «личный опыт» ($p = 0.000$), «воспитание» ($p = 0.03$) и «СМИ» ($p = 0.01$), более склонны к соперничеству в конфликте ($p = 0.04$), имеют достоверно более низкий уровень косвенной агрессии ($p = 0.01$) и интеллектуальной скорости ($p = 0.01$), в сравнении с женщинами, носительницами генотипа Н гена MAOA.

Мужчины, носители генотипа L гена MAOA, имеют высокий уровень физической агрессии ($p = 0.0005$), подозрительности ($p = 0.03$), индекса агрессии ($p = 0.02$), легитимизированной агрессии, в т.ч., в личном опыте ($p = 0.000$), воспитании ($p = 0.003$), спорте ($p = 0.000$), по сравнению с женщинами.

Анализируя результаты, можно прийти к выводу об отсутствии прямых ассоциаций между генотипами гена MAOA и психологическими характеристиками. Различия в проявлении изученных психологических особенностей у мужчин и женщин могут быть объяснены средой, в которой они воспитывались, а также особенностями гормонального фона [1, 5].

Литература

1. Воробьева Е.В. и др. Психогенетика агрессивного и враждебного поведения. – 2016. – С. 78.

2. Голимбет В.Е. и др. Исследование эффекта генов воспалительных факторов на базовые черты личности //Журнал неврологии и психиатрии им. СС Корсакова. – 2016. – Т. 116. – №. 6. – С. 48-52.
3. Куликова М.А. и др. Перспективы изучения полиморфизмов ключевых генов нейро-медиаторных систем сообщение I. дофаминергическая система //Физиология человека. – 2007. – Т. 33. – №. 6. – С. 105-112.
4. Тимофеева М.А. и др. Перспективы изучения полиморфизмов ключевых генов нейро-медиаторных систем. Сообщение II. Серотонинергическая система //Физиология человека. – 2008. – Т. 34. – №. 3. – С. 114-124.
5. Åslund C., Nordquist N., Comasco E. et al. Maltreatment, MAOA, and delinquency: sex differences in gene-environment interaction in a large populationbased cohort of adolescents [Text] / C. Åslund, N. Nordquist, E. Comasco et al. // Behavior genetics. 2011. Vol. 41. N. 2. p. 262-272.»

Швец Е.А.,

*Психологический институт Российской
академии образования*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СВЯЗАННОСТИ В СОСТОЯНИИ СПОКОЙНОГО БОДРСТВОВАНИЯ У ИНДИВИДОВ С ЧЕРТАМИ ПОВЫШЕННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ

Изучение особенностей взаимодействия нейронных сетей у людей с чертами повышенной тревожности помогает пролить свет на природу тревожности и ее проявления у индивидов без клинически диагностированного тревожного рас-

© Швец Е.А., 2020

стройства. Цель данной работы – описать характеристику связности работы мозговых сетей в состоянии спокойного бодрствования у людей с чертами повышенной тревожности.

В исследовании ставятся гипотезы

Меньшая функциональная связность сети пассивного режима работы мозга связана с чертами повышенной личностной тревожности;

У индивидов с повышенной тревожностью наблюдается сниженная функциональная связность в нескольких регионах сети пассивного режима работы мозга, таких как правая префронтальная кора, левая височная и затылочная доли;

У здоровых индивидов с чертами повышенной тревожности снижена тета-синхронизация между префронтальной корой и задним отделом поясной извилины.

Методика исследования

Для участия в исследовании была отобрана группа здоровых индивидов без клинически диагностированной тревожности. Участникам был предложен опросник для определения уровня тревожности. После этого у участников снимались ЭЭГ-данные в состоянии спокойного бодрствования. К полученным данным применяется анализ функциональной связанности на основе теории графов.

Результаты исследования

Исследование еще проводится, по нему ожидается получить следующие результаты.

1. Рассчитать такие метрики глобальной связанности мозговых сетей индивидов с повышенной тревожности, как средняя длина пути, коэффициент кластеризации, модулярность, индекс «тесного мира», центральность.

2. На основании полученных метрик подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что меньшая функциональная связность сети пассивного режима работы мозга связана с чертами повышенной личностной тревожности.

3. Выявить иерархическую структуру сетей покоя, связанных с чертами повышенной тревожности.

4. Проанализировать частотные характеристики связанности мозговых регионов для проверки гипотезы о снижении тета-синхронизации между префронтальной корой и задним отделом поясной извилины.

Данные обрабатываются с помощью программного обеспечения MNE-Python.

*Паникратова Я.Р., Добрушина О.Р.,
Томышев А.С., Ахутина Т.В., Печенкова Е.В.,
Синицын В.Е., Власова Р.М.,
Научный центр психического здоровья*

КОНТЕКСТ-ЗАВИСИМОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СВЯЗАННОСТЬ ДОРСОЛАТЕРАЛЬНОЙ ПРЕФРОНТАЛЬНОЙ КОРЫ

Э. Голдберг, автор дихотомии «рутина-новизна», предложил новую пару когнитивных стилей: контекст-зависимость/независимость (КЗ/КН), выявляемых с помощью теста “Cognitive Bias Task” (СВТ) [1]. После оригинальной работы [1] было проведено лишь 3 нейровизуализационных исследования КЗ/КН на моделях поражения [2, 3] и активации с наибольшей выборкой в 12 человек. Мы впервые описываем результаты анализа функциональной связанности (ФС) дорсолатеральной префронтальной коры (ДЛПФК), ключевой для выполнения СВТ [4, 5], с остальными вокселями во всем объеме головного мозга в состоянии покоя испытуемых (whole-brain resting-state functional connectivity). Следуя за гипотезами Голдберга [6], мы предполагаем, во-первых, различия КЗ и КН испытуемых по ФС ДЛПФК; во-вторых, различия ФС левой и правой ДЛПФК между группами.

© Паникратова Я.Р., Добрушина О.Р., Томышев А.С., Ахутина Т.В., Печенкова Е.В., Синицын В.Е., Власова Р.М., 2020

Методы. 46 праворуких здоровых испытуемых (24 женщины, ср. возраст 35.4, $SD = 16.9$) вне сканера выполняли СВТ, предъявляемый с помощью скрипта на языке Python, а также проходили фМРТ, связанную с задачей, и фМРТ покоя (томограф Siemens 1.5T). Каждая из 60 проб СВТ включала предъявление 1 целевого стимула и 2 стимулов для выбора, различающихся по степени сходства с целевым. Необходимо было посмотреть на цель и выбрать одну из двух геометрических форм, которая больше нравится. Для оценки КЗ/КН использовался такой показатель, как отклонение индекса сходства [1].

С помощью алгоритма ожидания-максимизации [7, 8] испытуемые были поделены на группы КЗ ($N = 24$) и КН ($N = 22$).

Поскольку локализация ДЛПФК характеризуется большими индивидуальными различиями, мы использовали арифметическую задачу [9] для выявления индивидуальных зон интереса в ДЛПФК для последующего анализа. Затем по данным фМРТ покоя мы сравнили КЗ и КН группы по ФС левой, затем правой ДЛПФК в программе Conn v.17b (<https://web.conn-toolbox.org/>) с помощью общей линейной модели со случайными эффектами; были подсчитаны Т-контрасты ($p < .005$ на уровне вокселей, $q(\text{FDRc}) < .025$ на уровне кластеров с поправкой Бонферрони). Возраст, пол и количество поврежденных сканов были включены в модель в качестве ковариат. Наконец, мы сравнили ФС левой против правой ДЛПФК у КЗ против КН испытуемых.

Результаты. В КЗ группе была выявлена более сильная позитивная ФС ДЛПФК с моторными и зрительными зонами; левая ДЛПФК демонстрировала ФС с большим количеством зон. В КН группе обнаружили более сильную позитивную ФС левой ДЛПФК с префронтальными и теменно-затылочными зонами правого полушария и обеих ДЛПФК с ипсилатеральными полушариями мозжечка. Левая ДЛПФК, по сравнению с правой, в КЗ, против КН группы, демонстрировала более сильную позитивную ФС со зрительными зонами.

Выводы. КЗ и КН ассоциируются с различными паттернами ФС ДЛПФК. КЗ может обеспечиваться ФС с зонами,

предположительно вовлеченными в хранение зрительных и моторных репрезентаций текущей ситуации, а КН, скорее, опирается на ФС с правополушарными ассоциативными зонами, вероятно, вовлеченными в оттормаживание КЗ ответа и переключение от обработки входящей перцептивной информации к созданию оригинальных стратегий ответа. Левая ДЛПФК может являться доминантной в КЗ поведении.

Литература

1. Goldberg, E., Harner, R., Lovell, M., Podell, K., & Riggio, S. (1994). Cognitive bias, functional cortical geometry, and the frontal lobes: laterality, sex, and handedness. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 6(3), 276–296.
2. Aoyagi, K., Aihara, M., Goldberg, E., & Nakazawa, S. (2005). Lateralization of the frontal lobe functions elicited by a cognitive bias task is a fundamental process. Lesion study. *Brain and Development*, 27(6), 419–423.
3. Podell, K., Lovell, M., Zimmerman, M., & Goldberg, E. (1995). The cognitive bias task and lateralized frontal lobe functions in males. *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*, 7(4), 491–501.
4. Shimoyama, H., Aihara, M., Fukuyama, H., Hashikawa, K., Aoyagi, K., Goldberg, E., & Nakazawa, S. (2004). Context-dependent reasoning in a cognitive bias task: Part II. SPECT activation study. *Brain and Development*, 26(1), 37–42.
5. Goldberg, E., Funk, B. A., & Podell, K. (2012). How the brain deals with novelty and ambiguity: implications for neuroaesthetics. *Rendiconti Lincei*, 23(3), 227–238.
6. Goldberg, E. (2018). *Creativity: The human brain in the age of innovation*. Oxford University Press.
7. Fraley, C., & Raftery, A. E. (1998). How many clusters? Which clustering method? Answers via model-based cluster analysis. *The Computer Journal*, 41(8), 578–588.
8. Biernacki, C., Celeux, G., & Govaert, G. (2000). Assessing a mixture model for clustering with the integrated completed likelihood. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 22(7), 719–725.

9. Печенкова Е.В., Власова Р.М., Румшиская А.Д., Мершина Е.А. & Сеницын В.Е. (2014). Картирование зон головного мозга, связанных с устным счетом, с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии. Конгресс Российского Общества Радиологов и Рентгенологов, тезисы. Москва.

*Михеев В.Ю., МакИннес Дж.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

РЕАКЦИЯ ЗРАЧКА НА ОСВЕЩЕННОСТЬ КАК СПОСОБ ОБНАРУЖИТЬ ДВОЙНОЙ РЕМАППИНГ

Зрачок человека способен изменяться в зависимости от освещения: расширяться при взгляде на темный объект и сужаться при взгляде на светлый. Ремapping или реорганизация – это активация ретинотопических нейронов теменной коры перед предстоящей саккадой. На уровне восприятия это проявляется в улучшении восприятия в том месте, куда упадет будущая саккада за 80 мсек до совершения саккады. Ролфс показал, что такое улучшение восприятия возможно при двойном ремappingе, то есть при одновременном планировании двух саккад (Rolfs, Jonikaitis, Deubel, & Cavanagh, 2011)

В своей работе мы проверяем, возможно ли с помощью этого свойства зарегистрировать двойной ремapping. Согласно Мато, зрачок начинает менять размер в зависимости от освещения за 9 мсек до совершения саккады. (Mathôt, 2015) Мы ожидаем, что улучшение восприятия в зоне предстоящей саккады может воздействовать на размер зрачка. В нашем эксперименте экран был разделен на белую и черную часть, а испытуемых следователи звуковым подсказкам, чтобы со-

вершить две саккады по заданным направлениям. (Binda, Pereverzeva, & Murray, 2014) В эксперименте манипулировались стороны экрана, а также способ осуществления двойной саккады. В одном случае стимулы представлялись последовательно (одна зона ремаппинга), в другом – одновременно (две зоны ремаппинга).

Мы записали 20 испытуемых на айтрекере EyeLink 2000, однако эксперимент не дал значимых результатов, поскольку испытуемые начинали саккаду за 300 мсек до конца зрительной подсказки из-за чего двойной ремаппинг не осуществлялся. Чтобы в новом экспериментальном дизайне проконтролировать начало саккады, мы изменим аудиальный стимул и научим испытуемых начинать саккаду после подсказки.

Литература

1. Binda, P., Pereverzeva, M., & Murray, S. (2014). Pupil size reflects the focus of feature-based attention. *Journal of Neurophysiology*, 112(12), 3046–3052.
2. Mathôt, S. (2015). The Pupillary Light Response Reflects Eye-Movement Preparation.
3. Rolfs, M., Jonikaitis, D., Deubel, H., & Cavanagh, P. (2011). Predictive remapping of attention across eye movements. *Nature Neuroscience*, 14(2), 252–256.

*Яковлев Л.В., Сыров Н.В., Керимов Н.М.,
Ситников А.В., Викулова Н.П., Богушевич С.О.,
Карелина В., Ахметшина А.Д.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ЭЭГ-КОНТРОЛИРУЕМОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЙ НА ВРЕМЯ РЕАКЦИИ И УТОМЛЯЕМОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Представление движений – методика, известная в профессиональном спорте как идеомоторный тренинг и активно используется профессиональными спортсменами для повышения выносливости, концентрации и для психологической настройки перед выступлением.

Несмотря на это, метод имеет свои недостатки, например – отсутствие возможности объективного контроля качества мысленного представления в силу субъективности понятия «мысленный образ движения» [2]. Показано, что представление движений кинестетического типа приводит к изменениям мозговой активности, сходным с таковыми при реальных движениях, а именно – увеличению возбудимости кортикоспинального тракта, измеряемой ТМС, и реакции десинхронизации сенсомоторного ритма ЭЭГ в центральных отведениях [1, 2, 3]. При идеомоторных тренировках спортсменов, по-видимому, используются оба типа представления: основанное на зрительных ощущениях и на кинестетической чувствительности [4]. В данной работе исследовалось влияние ЭЭГ-контролируемого кинестетического представления движений на моторные навыки человека. Гипотеза заключалась в том, что контролируемое кинестетическое представление движений приводит к улучшению двигательной производительности.

© Яковлев Л.В., Сыров Н.В., Керимов Н.М., Ситников А.В., Викулова Н.П., Богушевич С.О., Карелина В., Ахметшина А.Д., 2020

В исследовании приняло участие 11 здоровых добровольцев в возрасте 16-26 лет. В опытной группе (6 чел.) участники предварительно обучались кинестетическому представлению с контролем эффективности мысленного акта по ЭЭГ. В контрольной группе (5 чел.) участники предварительного обучения не проходили. В рамках основной экспериментальной сессии оценивались скорость реакции и утомляемость при скоростном нажатии на кнопку. Для оценки времени реакции участникам было необходимо как можно быстрее нажимать на одну из двух кнопок компьютерной мыши после появления команды на экране. В задаче на утомление нужно было в течение одной минуты нажимать указательным пальцем на левую кнопку мыши в максимальном темпе. Для оценки эффективности выполнения данного задания регистрировались временные интервалы между нажатиями. Эти данные использовались для построения кривых утомления. Оценка производилась до и после идеомоторной тренировки. Во время тренировки участники чередовали состояние представления движения с состоянием покоя (каждое по 8 сек.), получая команды в виде изображений на экране монитора. Длительность тренировки составляла 20-30 минут. Участникам опытной группы, проходившим предварительное обучение, было необходимо выполнять кинестетическое представление нажатия на клавиши мыши. Участники контрольной группы выполняли зрительное представление нажатия пальцем "от третьего лица". Во время тренировки регистрировалась 30-канальная ЭЭГ (10/10 модифиц., частота оцифровки 500 Гц), после чего производился спектральный анализ с последующим расчетом спектральной мощности для состояний представления движений и двигательного покоя. На основании различий спектральной мощности в диапазоне мю-ритма [7-13 Гц] в двух состояниях рассчитывался коэффициент десинхронизации в каждом из каналов. Его значения служили для оценки сенсомоторной активации при представлении движений. Значения времени реакции и интервала между нажатиями регистрировались для каждого участника до и после тренировки и подвергались статистическому анализу (непараметрические парные критерии для связанных выборок).

Было обнаружено, что после тренировки с представлением движений, во время которой у опытной подгруппы наблюдалась стойкая десинхронизация мю-ритма, статистически значимо снижалось время моторной реакции ($p < 0,05$, крит. Вилкоксона), а также повышалась выносливость, о чем свидетельствовало значимое сокращение интервала между скоростными кликами. У контрольной подгруппы значимых различий не было. Полученные результаты свидетельствуют о положительном влиянии кинестетического типа представления движений на двигательные навыки человека. В дальнейшей работе необходимо увеличить выборку и изучить влияние представления различных по сложности движений на время и скорость сенсомоторной реакции человека. Результаты могут быть использованы для разработки нейроинтерфейсных тренажеров для дисциплин “быстрого” компьютерного спорта.

Литература

1. Mizuguchi, N., Nakata, H., Uchida, Y., & Kanosue, K. (2012). Motor imagery and sport performance. *The Journal of Physical Fitness and Sports Medicine*, 1(1), 103-111.
2. Каплан, А.Я., Кочетова, А.Г., Шишкин, С.Л., Басюл, И.А., Ганин, И.П., Васильев, А.Н., & Либуркина, С.П. (2013). Экспериментально-теоретические основания и практические реализации технологии «интерфейс мозг–компьютер». *Бюллетень сибирской медицины*, 12(2)
3. Formaggio, E., Storti, S. F., Cerini, R., Fiaschi, A., & Manganotti, P. (2010). Brain oscillatory activity during motor imagery in EEG-fMRI coregistration. *Magnetic Resonance Imaging*, 28(10), 1403–1412.
4. Ridderinkhof, K. R., & Brass, M. (2015). How kinesthetic motor imagery works: a predictive-processing theory of visualization in sports and motor expertise. *Journal of Physiology-Paris*, 109(1–3), 53–63.

*Толмачева В.А., Дятлова О.В.,
Первый Московский государственный
медицинский университет имени И.М. Сеченова
(Сеченовский университет)*

ОСОБЕННОСТИ НАРУШЕНИЙ УПРАВЛЯЮЩИХ ФУНКЦИЙ У ПАЦИЕНТОВ С БОЛЕЗНЬЮ ПАРКИНСОНА И С БОЛЕЗНЬЮ АЛЬЦЕЙМЕРА

Актуальность. Актуальность изучения сравнений нарушений управляющих функций при болезни Альцгеймера и Паркинсона обуславливает нарастающей частотой этой патологии, тяжестью и стойкостью ее проявлений, и экономическими проблемами [1, 2, 3]. Изучение данной проблемы даст сведения о механизмах нарушения третьего блока мозга при болезни Альцгеймера и Паркинсона. Актуальна необходимость на основе полученных сведений о нарушениях нейropsychологических факторов создавать когнитивные тренировки для пациентов с деменцией. Теоретическая гипотеза:

Есть разница нарушений управляющих функций при болезни Альцгеймера и Паркинсона Эмпирические гипотезы:

У пациентов с болезнью Паркинсона будет выявлено снижение управляющих функций в виде нарушения планирования, программирования деятельности и обобщения.

Есть разница нарушений управляющих функций при болезни Альцгеймера и Паркинсона Методики исследования

1. Батарея тестов лобной дисфункции (Frontal Assesment Battery) Субтесты: концептуализация, беглость речи, динамический праксис, простая и усложненная реакция выбора, хватательный рефлекс [3]

2. Тест «Соединение цифр и букв» (Trail Making Test) [3]

Клинико-психологические характеристики выборки: исследование проводилось в 2018-2019 году в клинике нервных болезней им. А.Я. Кожевникова. Было обследовано 20 паци-

ентов в возрасте 65-80 лет, страдающих болезнью Альцгеймера, 20 пациентов болезнью Паркинсона (у 7 пациентов была депрессия – диагноз был поставлен врачами-психиатрами) в возрасте 65–80 лет, 20 пациентов болезнью Паркинсона с выраженными когнитивными нарушениями в возрасте 66–79 лет и 20 пациентов болезнью Паркинсона с деменцией в возрасте 65–77 лет. Диагноз пациентам был поставлен врачами-неврологами. Результаты: расчеты выполнялись при помощи R 3.5.2 (R Core Team, 2018). Результаты нейропсихологического исследования по группам сопоставлялись методом однофакторного дисперсионного анализа с последующими попарными сравнениями t-критерием Стьюдента для независимых выборок с поправкой на множественные сравнения. Нулевая гипотеза однофакторного дисперсионного анализа – одно из сопоставляемых средних значений не отклоняется от общего среднего. Нулевая гипотеза попарных сравнений – нестандартизированная разница средних не равна нулю. Сопоставление суммарных результатов тестирования выявило, что результаты пациентов с болезнью Альцгеймера (БА), пациентов с болезнью Паркинсона без деменции (БПбд), БП с деменцией (БПд) и БП с выраженными когнитивными нарушениями (БПвкн) статистически значимо различаются ($F(3, 76) = 48.86, p > .001$). Средние показатели указанных групп статистически значимо различаются по результатам тестирования мышления ($F(3, 76) = 95.78, p > .001$, рис. 2), беглости речи ($F(3, 76) = 11.05, p < .001$, рис. 3), праксиса ($F(3, 76) = 3.30, p = .02$, рис. 4), простой ($F(3, 76) = 9.36, p < .001$, рис. 5) и усложненной реакций выбора ($F(3, 76) = 10.55, p < .001$, рис. 6), ТМТ (статистический вывод не нужен, дисперсия признака внутри групп отсутствует). Группы не различаются по результатам тестирования рефлексов (статистический вывод не нужен, дисперсия признака внутри групп пренебрежимо мала).

Выводы: попарные сравнения показали, что общий результат пациентов с БА хуже, чем пациентов с БПд, результат которых хуже пациентов с БПвкн, которые справляются с заданиями хуже, чем пациенты с БПбд. Пациенты с БПбд проходят тестирование мышления лучше пациентов с БПвкн, результаты пациентов с БПд и БА на одном уровне хуже БПвкн.

Оценка праксиса пациентов с БПбд лучше, чем пациентов с БПвкн, но из полученных данных неясно, хуже или лучше праксис у пациентов с БПд и БА – их оценки похожи, выше оценок пациентов с БПвкн, но недостаточно стабильно выше, чтобы признать различие статистически значимым. Плавность речи пациентов с БПвкн хуже, чем пациентов с БПбд, но лучше пациентов с БПд. Пациенты с БА справляются с тестированием плавности речи на уровне пациентов с БПвкн. Паттерны зависимости оценок простой и усложненной реакции выбора от диагноза похожи – пациенты БА справляются с заданиями с худшими результатами, пациенты с БПд иногда справляются хуже пациентов с БПвкн, но недостаточно часто, чтобы признать различия статистически значимыми. Средние показатели указанных групп ниже пациентов с БПбд. Практически все пациенты вне зависимости от диагноза проходят тестирование рефлексов. В группе пациентов с БПбд все пациенты прошли ТМТ, в остальных группах с заданием справились ноль пациентов.

Литература

1. Яхно Н.Н., Захаров В.В., Локшина А.Б., Коберская Н.Н., Мхитарян Э.А. Деменции. Практическое руководство для врачей. // Москва: МЕДпресс-информ. -2010. -272 С.
2. Левин О.С. Алгоритмы диагностики и лечения деменции. – 8-е изд. – М. : МЕД-пресс-информ, 2017. – 192 с.: ил. ISBN 978-5-00030-458-7
3. Захаров В.В., Вознесенская Т.Г. Нервно-психические нарушения: диагностические тесты. – М.: МЕДпресс-информ, 2013
4. Захаров В.В., Яхно Н.Н. Нарушения памяти. // Москва: ГеотарМед. – 2003. – С. 150.

*Levchenko E., Klucharev V.,
National Research University Higher School of Economics*

INTER-SUBJECT CORRELATION OF CORTICAL EEG SIGNAL DURING NATURAL MOVIE VIEWING

Most of the modern neuroscience research employed event-related designs (Spiers & Maguire, 2007) which make possible to estimate brain responses to discrete events. However, in natural life brains are often in “continuous” states, rather than in “transient” ones. Therefore, using standard paradigm we cannot track continuous cognitive states, which are changing under influence of temporally independent events. One possible way to investigate brain in continuous state is the usage of natural stimuli such as movies or narratives. Natural paradigm becomes the novel trend in cognitive neuroscience (Uri Hasson, Malach, & Heeger, 2010), but there is still no “gold” standard of how to analyze neuroimaging data under naturalistic conditions. One possible way is to regress neural activity of one subject onto that of others (U. Hasson, 2004). It is possible to do with correlated component analysis (CCA) solving optimization problem to find the best spatial filter. The result of CCA is the maximal correlation coefficient (inter-subject correlation – ISC) which is possible to obtain in the data. Several studies applied this approach to investigate emotions, memory, development and time-perception under naturalistic condition (S. S. Cohen & Parra, 2016; Samantha S Cohen, Henin, & Parra, 2017; Dmochowski, Sajda, Dias, & Parra, 2012; Petroni et al., 2016). In our EEG study the main idea was to investigate neural activity during natural movie viewing and to uncover limitations of CCA. We hypothesized that engaging movies modulate high ISC values of brain activity compared to boring and “lost meaning” movies. The engaging movies were taken from previous research (Dmochowski et al., 2012). We record EEG from 28 healthy subjects during movie viewing. Each subject watched five 6-min movies in random order with 2 minutes break between. Three movies were chosen

© Levchenko E., Klucharev V., 2020

to modulate high engagement and for control, we use scrambled in time movie (“lost meaning”) and a movie with an open view of an ocean. CCA trained on all six conditions and final spatial filter applied to each condition separately to make fair comparison of ISC between conditions. To investigate behavior of ISC in time the same spatial filter was applied to 5-seconds windows with a 1-second overlap for each condition separately. For statistical comparison we calculated surrogated by adding the same random phase to all channels (Prichard, 1991). Random phase was calculated for each subject separately. This procedure was repeated 100 times and ISC values were calculated to obtain null distribution. We compared ISC values of each condition with surrogated data of that condition. As a result, all movies were significantly differ compared to surrogated data, but ISC values for three engaging movies were strongly higher compared to boring movie. Surprisingly, the scrambled movie showed the highest ISC value. Number of significant windows were compared between three experimental and scrambled movies were significantly higher compared to boring one. It shows the limitations of CCA method and its sensitivity to abrupt changes in a movie. There are variety of methods to obtain surrogated data and approaches shuffling data to make statistical comparison, but it is a question which method is the best for CCA. Our results suggest that randomly phased data is a good way to obtain null distribution for future statistical comparisons.

Literature

1. *Cohen, S.S., & Parra, L.C.* (2016). Memorable audiovisual narratives synchronize sensory and supramodal neural responses. *ENeuro*, 3(December), 1–11. <https://doi.org/10.1523/ENEURO.0203-16.2016>
2. *Cohen, Samantha S, Henin, S., & Parra, L.C.* (2017). Engaging narratives evoke similar neural activity and lead to similar time perception. *Scientific Reports*, 7(1), 1–10. <https://doi.org/10.1038/s41598-017-04402-4>
3. *Dmochowski, J.P., Sajda, P., Dias, J., & Parra, L.C.* (2012). Correlated Components of Ongoing EEG Point to Emotionally

Laden Attention – A Possible Marker of Engagement? *Frontiers in Human Neuroscience*, 6(May), 1–9. <https://doi.org/10.3389/fn-hum.2012.00112>

4. Hasson, U. (2004). Intersubject Synchronization of Cortical Activity During Natural Vision. *Science*, 303(5664), 1634–1640. <https://doi.org/10.1126/science.1089506>

5. Hasson, Uri, Malach, R., & Heeger, D.J. (2010). Reliability of cortical activity during natural stimulation supplementary material. *Trends in Cognitive Sciences*, 14(1), 40–48. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2009.10.011>

6. Petroni, A., Cohen, S., Langer, N., Henin, S., Vanderwal, T., Milham, M. P., & Parra, L. C. (2016). Age and sex affect intersubject correlation of EEG throughout development. *BioRxiv*. <https://doi.org/10.1101/089060>

7. Prichard, D. (1991). Generating surrogate data. 66(15), 1990–1993.

8. Spiers, H.J., & Maguire, E.A. (2007). Decoding human brain activity during real-world experiences. *Trends in Cognitive Sciences*, 11(8), 356–365. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2007.06.002>.

*Асмолова А., Иванина Е., Иванов М., Новиков П.,
Никулин В., Назарова М.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

СОМАТОТОПИКА ФЕНОМЕНОВ ИНГИБИРОВАНИЯ И ФАСИЛИТАЦИИ В ДВИГАТЕЛЬНОЙ КОРЕ, ИЗМЕРЕННЫХ ПРИ ПОМОЩИ ПАРНОЙ ТМС

Парная транскраниальная магнитная стимуляция (ТМС) является одним из перспективных методов оценки кортико-кортикальных соединений. Парная стимуляция предпола-

© Асмолова А., Иванина Е., Иванов М., Новиков П., Никулин В., Назарова М., 2020

гает использование двух изолированных импульсов определенных интенсивностей и фиксированным межстимульным интервалом. Данная парадигма применима как для стимуляции одной и той же зоны коры, так и для двух разных областей нервной системы. В основе феноменов парной ТМС лежат различные нейромедиаторные системы, такие как, например, ГАМК-А, ГАМК-Б, глутамат (Chen, 2004).

На сегодняшний день все еще происходит накопление данных о механизмах регуляции данных феноменов, так, например, не ясна степень локальности этих феноменов. Гипотезой данного исследования выступило предположение о том, что корреляция между степенью выраженности феноменов парной ТМС в различных мышцах руки будет зависеть от длины межстимульного интервала. Феномены с коротким межстимульным интервалом (SICI, SICF- 2 и 3 мс соответственно) будут более локальными, чем длинноинтервальные феномены (ICF, LICI – 12 и 100 мс соответственно), так как последние предполагают участие большего числа транс-синаптических связей.

Целью данного исследования является оценка локальности феноменов парной ТМС. Для этого феномены ингибирования и фасилитации: SICI (short-interval intracortical inhibition), LICI (long-interval intracortical inhibition), SICF (short-interval intracortical facilitation), ICF (intracortical facilitation) оценивались в четырех разных мышцах руки.

При этом степень корреляции между мышцами выступала показателем нелокальности феномена.

Методы: к настоящему моменту в исследовании приняли участие 19 здоровых праворуких добровольцев (15 женщин, 18-27 лет). Исследовались четыре феномена парной ТМС (SICI, LICI, SICF, ICF), стимуляция проводилась в горячей точке репрезентации правой мышцы *abductor pollicis brevis* (APB) левого полушария с использованием МРТ-навигаруемой ТМС. При помощи поверхностной электромиографии были зарегистрированы вызванные моторные ответы (ВМО) с четырех мышц правой руки: APB, *extensor digitorum communis* (EDC), *abductor digiti minimi* (ADM) и *biceps brachii* (BB).

Был рассчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена внутри феноменов парной ТМС между четырьмя мышцами и между феноменами. Все показатели корреляции были проверены с использованием калькулятора FDR.

Результаты, полученные с мышцы ВВ, имевшие в среднем амплитуду менее 150 mkV при стимуляции однократными стимулами были исключены из дальнейшего анализа. Результаты: Мы учитывали только корреляции между мышцами разных отделов руки APB – EDC и ADM – EDC для исключения роли проблемы объемного проведения при использовании поверхностной ЭМГ (Selvanayagam, Riek & & Carroll, 2012)

В результате данного исследования было показано, что феномены SIC1, ICF и LIC1 значительно коррелируют между всеми исследованными мышцами (средние значения корреляции по феноменам соответственно: $r = 0,830$, $p = 0,000$; $r = 0,713$, $p = 0,001$; $r = 0,711$, $p = 0,011$). В то время как для феномена SICF корреляция была обнаружена только для пары ADM – EDC ($r = .779$, $p = .000$) но не для пары APB-EDC.

Выводы: Наши предварительные результаты свидетельствуют о том, что изначальная гипотеза нашего исследования не верна и длина межстимульного интервала не является предиктором выраженности корреляции между мышцами в пределах одного феномена.

В то же время отсутствие корреляции для SICF между мышцами APB и EDC может быть объяснено отличным от других феноменов парной ТМС происхождением SICF: он, по всей видимости, является следствием суммации т.н I-волн (Van den Bos et al., 2018), а также определенными механизмами работы мышц тенара и гипотенара, в ходе которых иннервация мышц тенара происходит более основательно, чем в случае с мышцами гипотенара. (Menon et al., 2014b). На данный момент исследование продолжается.

Литература

1. *Selvanayagam, V. S., Riek, S., & Carroll, T. J. (2012). A systematic method to quantify the presence of cross-talk in stimulus-evoked*

EMG responses: Implications for TMS studies. *Journal of Applied Physiology*, 112(2), 259–265. <https://doi.org/10.1152/jap-physiol.00558.2011>

2. Bos, M. A. J. Van Den, Menon, P., Howells, J., & Geevasinga, N. (2018). Physiological Processes Underlying Short Interval Intracortical Facilitation in the Human Motor Cortex, 12(April), 1–11. <https://doi.org/10.3389/fnins.2018.00240>

3. Menon, P., Kiernan, M. C., & Vucic, S. (2014b). Cortical excitability differences in hand muscles follow a split-hand pattern in healthy controls. *Muscle & Nerve*, 49(6), 836–844. <https://doi.org/10.1002/mus.24072>

4. Chen, R. (2004). Interactions between inhibitory and excitatory circuits in the human motor cortex. *Experimental Brain Research*. <https://doi.org/10.1007/s00221-003-1684-1>.

*Моисеенко О., Шестакова А., Чан Р., Назарова М.,
Эррохо-Руиз М., Агранович О.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАРАДИГМЫ НЕГАТИВНОСТИ РАССОГЛАСОВАНИЯ ДЛЯ КАРТИРОВАНИЯ СОМАТОСЕНСОРНЫХ ОБЛАСТЕЙ В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ

Негативность рассогласования (англ. mismatch negativity, MMN) – компонент вызванного потенциала, связанный с редким событием, который идеально подходит для изучения сенсорной памяти, нейропластичности и топической организации слуховых областей мозга (Näätänen et al., 2019). MMN представляет собой преаттентивный кортикальный ответ,

© Моисеенко О., Шестакова А., Чан Р., Назарова М., Эррохо-Руиз М., Агранович О., 2020

вызванный в ответ на необычный стимул в ряду повторяющихся одинаковых.

Достаточно данных накопилось об исследовании MMN-парадигмы для слуховой и визуальной модальностей (Naeije et al., 2016). Также было показано, что MMN можно использовать и для анализа соматосенсорной функции, а именно для изучения корковых представительства различных частей тела (Shen et al., 2018; Restuccia et al., 2009; Näätänen, 2009).

MMN перспективна для клинического использования как маркер нейродегенеративных заболеваний, прогноза для больного в коматозном состоянии, для оценки нейропластичности и пр. (Näätänen & Escera, 2000)

Данное исследование направлено на разработку и тестирование МЭГ подхода для нейрокартирования проксимальных мышц верхней конечности с помощью MMN-парадигмы. МЭГ является неинвазивным методом регистрации активности мозга и отличается высокоточным пространственным и временным разрешением (Rudrauf et al., 2005). Протокол включает в себя электростимуляцию сенсорного и/или моторного порога при т. н. “‘standard-omitted’ condition”: стандартные стимулы ($p = 0,8$), длительностью 50мс; девиантный стимул ($p = 0,2$) – отсутствие стимула в ряду повторяющихся. Предположительно, потребуется несколько последовательных циклов в 500 стимулов с интерстимульным интервалом в 1000мс (Restuccia et al., 2007).

Исследование фокусируется на нейрокартировании мышц для разработки методов реабилитации или абилитации пациентов, например, с вялыми парезами.

Подход будет использован для изучения взаимодействия корковых представительства проксимальных мышц верхней конечности: бицепса, дельтовидной мышцы, и широчайшей мышцы спины и большой грудной мышцы (основные донорные мышцы для трансплантации) (Blagovechtchenski et al., 2019; Agranovich et al., 2019). Предполагается, что данная парадигма станет значимым дополнением к существующим подходам в нейрокартировании.

Наши пилотные исследования показали, что в ответ на редкую стимуляцию мизинца (80% – стандартный стимул, воз-

действующий на большой палец; 20% – редкий стимул), а также на стимуляцию большого пальца при «standard-omitted» условии наблюдается вызванный отклик в магнитном поле в соматосенсорных областях, соответствующих локализации репрезентации – эквиваленте вызванного потенциала. Ожидается, что MMN-парадигма может оказаться перспективной для оценки организации/реорганизации моторной коры и внесет вклад в понимание нейропластичности.

Литература

1. *Agranovich, O., Kochenova, E., Oreshkov, A., Trofimova, S., Petrova, E., Gabbasova, E. & Blagoveshchenski, E.D.* (2019). Evaluation of unipolar transfer of the latissimus dorsi to flexor antebrachii in patients with arthrogyposis. *Genij Ortopedii*. 25. 42–48. 10.18019/1028-4427-2019-25-1-42-48.
2. *Blagoveshchenski, E., Agranovich, O., Kononova, Y., Nazarova, M. & Nikulin, V.* (2019). Perspectives for the Use of Neurotechnologies in Conjunction With Muscle Autotransplantation in Children. *Frontiers in Neuroscience*. 13. 99. 10.3389/fnins.2019.00099.
3. *Näätänen, R.* (2009). Somatosensory mismatch negativity: A new clinical tool for developmental neurological research? *Developmental medicine and child neurology*. 51. 930-1. 10.1111/j.1469-8749.2009.03386.x.
4. *Näätänen, R., Kujala, T. & Light, G.* (2019). The mismatch negativity (MMN): An introduction. 10.1093/oso/9780198705079.003.0001.
5. *Näätänen, Risto & Escera, Carles.* (2000). Mismatch Negativity: Clinical and Other Applications. *Audiology & neuro-otology*. 5. 105-10. 10.1159/000013874.
6. *Naeije, G., Vaulet, T., Wens, V., Marty, B., Goldman, S., & De Tiège, X.* (2016). Multilevel Cortical Processing of Somatosensory Novelty: A Magnetoencephalography Study. *Frontiers in Human Neuroscience*, 10. doi: 10.3389/fnhum.2016.00259.
7. *Restuccia D., Della Marca G., Valeriani M., Leggio M. & Molinari M.* (2007). Cerebellar damage impairs detection of somatosensory input changes. A somatosensory mismatch-negativity study. *Brain*, 130. doi: 10.1093/brain/awl236.

8. Restuccia, D., Zanini, S., Cazzagon, M., Piero, I., Martucci, L. & Della Marca, Giacomo. (2009). Somatosensory mismatch negativity in healthy children. *Developmental medicine and child neurology*. 51. 991-8. 10.1111/j.1469-8749.2009.03367.x.
9. Rudrauf, D., Navarro, V., N'Diaye, K., Garnero, L., Martinerie, J. & Le Van Quyen, M. (2005). Imaging brain synchrony at high spatio-temporal resolution: Application to MEG signals during absence seizures. *Signal Processing*. 85. 2101-2111. 10.1016/j.sigpro.2005.07.004.
10. Shen, G., Smyk, N., & Meltzoff, A., & Marshall, P. (2018). Neuropsychology of Human Body Parts: Exploring Categorical Boundaries of Tactile Perception Using Somatosensory Mis-match Responses. *Journal of Cognitive Neuroscience* 30:12, 1858–1869.

*Цхадаиа Л.Г., Созинов А.А., Александров Ю.И.,
Институт психологии Российской академии наук*

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПООЩРЕНИЯ И ИЗБЕГАНИЯ ПОТЕРИ

Одним из основополагающих факторов научения, определяющим его эффективность, эмоции, мозговое обеспечение и т.д., является мотивация поведения. Базовыми мотивационными контекстами являются мотивация достижения поощрения и мотивация избегания неудачи, или потери. Мы предполагали, что внешне одинаковое поведение, выполняемое в различных мотивационных контекстах, обеспечивается доменами опыта, характеризующимися разной дифференцированностью взаимодействия со средой. Поэтому для исследования системной организации поведения достижения и избегания мы использовали показатели формирования опыта (показатели научения) и его модификации (показатели переноса научения) при выполнении участниками двух игро-

© Цхадаиа Л.Г., Созинов А.А., Александров Ю.И., 2020

вых заданий на поиск и использование нового правила игры. Поскольку склонность людей к достижению и избеганию различается между культурами, для выявления культурной специфики научения в этих двух мотивационных контекстах нами была составлена кросс-культурная выборка участников (россияне и китайцы в возрасте от 17 до 32 лет). Для исследования системной организации поведения достижения и избегания мы использовали показатели формирования опыта (показатели научения) и его модификации (показатели переноса научения) при выполнении участниками двух игровых заданий на поиск и использование нового правила игры. Испытуемым также измеряли интервалы сердечных сокращений в то время, когда они выполняли задания на компьютере. Полученные результаты соответствуют представлениям о различиях системной организации поведения достижения и избегания и показывают перспективность использования показателей трудности заданий и индивидуальных свойств для дальнейшего изучения формирования индивидуального опыта, а также перспективность сотрудничества с китайской стороной.

Вязовкина В.К.,

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации*

СВЯЗЬ СТРАТЕГИЙ В ОБЛАСТИ СУЖДЕНИЙ И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ И УРОВНЯ ИНТЕЛЛЕКТА

Введение

На основании теории ограниченной рациональности (Simon, 1955) было построено много моделей принятия решений и вынесения суждений, одна из которых модель-ме-

тодика DMTI (Misuraca et al., 2015), основанная на трех стратегиях:

- максимизации – тенденции поиска лучшего варианта среди представленных, даже если это требует значительных затрат ресурсов.;
- матисфизации – тенденции поиска и сравнения альтернатив до того момента, как найден первый желательный вариант, приемлемый для человека;
- минимизации – тенденции минимизации количества ресурсов для получения минимума результатов.

Тенденции к максимизации и к сатисфизации проявляются в ситуациях с большим количеством альтернатив, что повышает когнитивную нагрузку (Разваляева, 2018), для компенсации которой требуется высокий интеллект. По результатам А.Ю. Разваляевой тенденция к минимизации имеет отрицательную связь со шкалами рациональности по опроснику Эпстайна. Автор интерпретирует эти результаты как отказ от когнитивных усилий при принятии решений, что означает необязательное наличие высокого интеллекта. Мы проверили связь тенденций к максимизации, сатисфизации и минимизации и уровнем вербального и невербального интеллекта.

Гипотезы:

1. Между тенденциями к максимизации и сатисфизации и уровнем вербального и невербального интеллекта существует положительная связь.
2. Между тенденцией к минимизации и уровнем вербального и невербального интеллекта существует отрицательная связь.

Выборка

В исследовании принимало участие 69 респондентов 1-4 курсов гуманитарных вузов Москвы в возрасте от 17 до 27 лет ($M = 19,2$; $SD = 10$): 15 – мужского пола, 52 – женского, 2 – «небинарного гендера».

Методика и процедура

Использовалась апробированная и валидированная русская адаптация методики DMTI (Misuraca et al., 2015) – опрос-

ник «Тенденции в принятии решений» (Разваляева, 2018; без временных ограничений).

Для измерения уровня вербального интеллекта применялся «Тест словарного запаса» (Масленникова и др., 2017; без ограничений по времени).

Для измерения невербального – «Стандартные прогрессивные матрицы Равена» (Raven, Court, 1998; ограничение в 20 минут).

Респонденты заполняли социально-демографический опросник (без временных ограничений).

Исследование проводилось в онлайн-форме с использованием персональных логинов и паролей для конфиденциальности.

Результаты

Обработка корреляционным анализом по Спирмену показала отрицательную связь между тенденцией к минимизации и невербальным интеллектом ($r_s = -0,34$, $p < 0,01$); между тенденцией к минимизации и тенденцией к максимизации ($r_s = -0,28$, $p < 0,05$); положительную корреляцию между вербальным и невербальным интеллектом ($r_s = 0,43$, $p < 0,01$). Вербальный интеллект и невербальный интеллект положительно связаны с тенденцией к сатисфизации ($r_s = 0,28$, $p < 0,05$; $r_s = 0,26$, $p < 0,05$).

Обсуждение

Первая гипотеза подтвердилась частично: тенденция к сатисфизации положительно связана с вербальным и невербальным уровнем интеллекта, но тенденция к максимизации не связана с уровнем интеллекта. Вторая гипотеза подтвердилась частично: тенденция к минимизации отрицательно связана только с невербальным интеллектом.

Полученная взаимосвязь между представленными тенденциями и когнитивными способностями может быть объяснена инвестиционной теорией «личность-интеллект» (Ackerman & Heggestad, 1997), согласно которой личностные черты могут «участвовать» в формировании индивидуальных

различий в интеллекте (Gow et al., 2005). Корреляционный анализ, примененный в нашем исследовании, не позволяет говорить о предикции, однако интерпретация результатов через модель «личность-интеллект» задает вектор будущих исследований.

Литература

1. *Ackerman, P.L., & Heggestad, E.D.* (1997). Intelligence, personality, and interests: evidence for overlapping traits. *Psychological bulletin*, 121(2), 219.
2. *Gow, A.J., Whiteman, M.C., Pattie, A., & Deary, I J.* (2005). Goldberg's 'IPIP' Big-Five factor markers: Internal consistency and concurrent validation in Scotland. *Personality and Individual Differences*, 39(2), 317–329.
3. *Misuraca, R., Faraci, P., Gangemi, A., Carmeci, F.A., & Miceli, S.* (2015). The Decision Making Tendency Inventory: A new measure to assess maximizing, satisficing, and minimizing. *Personality and Individual Differences*, 85, 111–116.
4. *Raven, J., & Raen, J. C.* (1998). *Court JH Oxford Psychologists Press.*
5. *Simon, H.A.* (1955). A behavioral model of rational choice. *The quarterly journal of economics*, 69(1), 99–118.
6. *Масленникова, Е П., Фекличева, И.В., Есипенко, Е.А., Шарфиева, К.Р., Исматуллина, В.И., Головин, Г.В., ... & Солдатова, Е Л.* (2017). Словарный запас как показатель вербального интеллекта: применение экспресс-методики оценки словарного запаса. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, 10(3).
7. *Разваляева, А.Ю.* (2018). Апробация опросника «Тенденции в принятии решений» на русскоязычной выборке. *Консультативная психология и психотерапия*, 26(3), 146–163.

*Глебо Н.Р., Гаврилина А.Э., Чумакова М.А.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОСТРОЕНИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗАДАЧИ

Репрезентация задачи – переход к общей модели когнитивных процессов, в которой объединены процессы перцепции, памяти, внимания, мышления (Брушлинский А.В., Сергиенко Е.А., 1998). Исследования в психологии мышления, как правило, посвящены изучению базовых механизмов мышления. Несмотря на это, некоторые ученые отмечают в своих работах уникальность представления одной и той же задачи для каждого участника эксперимента (Богоявленская, 2009).

Гипотеза: содержание репрезентации ситуации связано с индивидуально-психологическими особенностями субъекта, решающего мыслительную задачу.

В исследовании приняли участие 61 человек (24 мужчины и 37 женщин) в возрасте от 18 до 26 лет. Само исследование состояло из двух этапов.

Первый этап – это прохождение батареи методик для выявления индивидуальных особенностей:

- методика «Мини Big Five ТPI» в адаптации Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой;
- «Отношение к неопределенности MSTAT-II» в адаптации Т.В. Корниловой;
- «Мельбурнский опросник принятия решений» в адаптации Корниловой Т.В.;
- опросник Эпстайна «Рациональность-Опытность» в адаптации Т.В. Корниловой;
- «Шкала “Аналитичности-Холистичности”» в адаптации В.В. Апановича и В.В. Знакова;
- тест на умственные способности «Краткий ориентировочный тест» (КОТ) в адаптации В.Н. Бузина;
- методика «Рефлексивность» Карпова А.В.

Второй этап – решение моральной дилеммы «Груз ответственности». Данный тип задачи был выбран потому, что обычные задачи-головоломки редко соответствуют жизненным ситуациям. Сюжетная линия задачи разворачивается в вымышленной вселенной будущего. В государстве принимают закон о семи грехах, и как только человек набирает все семь – он предстает перед судом, где решается судьба его жизни. В данной задаче респондент выступает в роли защитника, цель которого – вынести приговор человеку, аргументировав свое мнение.

После этого осуществлялась обработка данных, которую можно разбить на три стадии:

Вся аргументация, полученная от испытуемых во время решения моральной дилеммы, разносилась по категориям, которые были разработаны двумя экспертами в предыдущем исследовании (Брушлинский И.М., 2018). По итогу распределения получилась матрица, к которой был применен кластерный анализ (метод Варда) для выделения типов аргументации. Было получено четыре типа аргументации:

- 1) сочетание всех типов аргументации, преобладание учета жизненного опыта и особенностей обвиняемого;
- 2) преобладание аргументации, связанной с учетом жизненного опыта и особенностей обвиняемого;
- 3) апелляция к правовым нормам задачи;
- 4) наименьший объем аргументации по сравнению с представителями других групп, акцент на условиях задачи.

Обработка данных опросников осуществлялась стандартизованным образом, по ее результатам у каждого испытуемого был количественный набор оценок по различным показателям индивидуальных особенностей. После этого к полученным данным так же был применен кластерный анализ (метод Варда), с помощью которого были выделены три профиля респондентов, обладающих характерным набором личностных качеств для каждого кластера.

Для выявления связи личностных особенностей с типами аргументации был использован дисперсионный анализ ANOVA с поправкой на множественные сравнения Холма, ко-

торый не показал значимых различий: $p \geq .7$, $F(3) \leq 1.425$, $h^2 \leq 0,07$.

Далее были посчитаны частоты (%) пересечений групп и профилей, нормированные относительно размера группы по индивидуальным особенностям. Полученные данные соотнесения позволили увидеть некоторые различия. Вероятно, личностные качества не задают строго ограниченный стиль мышления и пути репрезентации задачи, что показал дисперсионный анализ. Однако можно предположить, что более разнообразный и вариативный личностный профиль, обладающий такими выраженными качествами, например, как рефлексивность и добросовестность, позволяет привлекать большее количество различных типов аргументации. Это может быть связано с тем, что общий личностный потенциал, заданный всеми качествами, которыми обладает человек, может являться не необходимым, но тем не менее влияющим фактором, определяющим тенденцию и характер мыслительной деятельности.

Таким образом, данное исследование показало то, как по-разному люди воспринимают одну и ту же проблемную ситуацию. Построение репрезентации происходило для каждого респондента уникальным образом. В настоящий момент нельзя делать однозначны выводы о том, с чем связаны данные различия, однако описанные закономерности могут помочь сформулировать гипотезы для дальнейшего исследования мышления и построения репрезентации задач.

Литература

1. Богоявленская, Д. Б. (2009). Психология творческих способностей.
2. Брушлинский, А. В., Сергиенко, Е. А. (1998). Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии. Ментальная репрезентация: динамика и структура, 5–22.
3. Брушлинский, И.М. (2018). Индивидуальные различия в построении репрезентации задачи. ВКР.

**Психология
личности
и психологическое
консультирование**

*Каменева А.Г., Матюшкина А.А.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

ВЛИЯНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ НА РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ

Субъект, встречаясь с проблемной задачей на понимание смысла, не только решает ее, но при этом занимает некоторую позицию по отношению к ней. Проблемность задачи заключается в необходимости открытия новых, неизвестных знаний. При этом задача становится проблемной ситуацией для субъекта в случае появления познавательной потребности. Структура проблемной ситуации включает следующие компоненты: познавательную потребность, неизвестное знание, «интеллектуальные возможности человека, включающие его творческие способности и прошлый опыт» (Матюшкин, 2017, с.180).

Содержание задачи может влиять на процесс решения проблемной задачи, так, например, задачи на музыкальном и литературном материале будут отличаться от научных. Цель нашего исследования – рассмотреть, как влияет позиция, отношение субъекта к проблемным задачам художественного содержания на их решение.

Гипотезы исследования: 1) Выраженность интереса субъекта к проблемной задаче литературного содержания влияет на успешность ее понимания; 2) Наличие сходного с проблемной задачей эмоционального опыта выступает предпосылкой к успешному решению задач музыкального содержания.

Процедура эксперимента: 45 испытуемых – 8 юношей и 37 девушек в возрасте от 19 до 24 лет, студенты вузов. Предлагалось решить восемь проблемных задач художественного содержания – четыре литературные и четыре музыкальные. Необходимо было ответить на ряд вопросов, связанных с пониманием смысла произведения, а также отметить интерес

к задаче (от 0 до 5-ти) и отметить степень сходства опыта эмоциональных переживаний с содержанием задачи (от 0 до 5-ти). Успешность решения задачи оценивалась от 1 до 4 по степени приближенности к эталонному ответу, заложенному автором. Использовались методики «Понимание смысла отрывка художественного текста» (Матюшкина А.А., 2015) и «Понимание смысла отрывка музыкального фрагмента» (Матюшкина А.А., Каменева А.Г., 2018).

При использовании коэффициента корреляции Спирмена были получены следующие результаты: для литературных проблемных задач обнаружена положительная корреляция выраженности интереса и успешности решения ($r = 0,49$, $p = 0,001$); для музыкальных проблемных задач обнаружена положительная корреляция выраженности интереса и наличия сходного опыта переживаний ($r = 0,75$, $p < 0,001$) и не было обнаружено значимых корреляций сходства опыта и успешности решения. Дополнительно мы рассмотрели влияние музыкального образования. В группе музыкально образованных (мы давали опросник о музыкальном образовании) значимо выше отмечают сходство опыта эмоциональных переживаний (использовался критерий Манна Уитни, $p = 0,04$). При этом нет значимых различий в успешности решения музыкальных задач в группах музыкально образованных и без образования.

Таким образом, наши гипотезы частично подтвердились. Успешному пониманию литературных произведений будет способствовать интерес. Наличие сходного опыта переживаний с содержанием музыкального произведения не влияет на успешность понимания, однако, повышает субъективный интерес.

Литература

1. Матюшкина А.А. Уровни решения проблемного задания как отражение глубины мышления// Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология – 2015. – №3 – С. 93-107.
2. Матюшкина А.А., Каменева А.Г. Роль эмоционального интеллекта в решении проблемных задач художественного со-

держания (на литературном и музыкальном материале). // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018 – С. 1056-1065.

3. Матюшкин А.М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. А. Матюшкиной. М.: ИД «Международные отношения», 2017.»

Сломинская С.П.,

Лицей НИУ ВШЭ

КОРРЕЛЯЦИЯ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ И ВЕРЫ В ЭКСТРАСЕНСОРИКУ

Экстрасенсами называют людей, предположительно обладающих экстрасенсорными способностями. Определение таково, так как никаких научных подтверждений существования этих способностей у кого-либо на протяжении истории существования экстрасенсорики еще не было. В этой работе я буду выявлять локус контроля у людей с различными убеждениями о экстрасенсорике. Предполагается, что у верящих в экстрасенсов людей преобладает внешний локус контроля. Локус контроля – популярное понятие в психологии. Первым это понятие использовал социальный психолог Джулиан Роттер. В зависимости от локуса контроля, человек более склонен приписывать события своей жизни внешним или же внутренним факторам. Когда человек приписывает многие события внешним факторам, это называется «внешний локус контроля» (экстернальность), внутренним факторам – «внутренний локус контроля» (интернальность). В «Словаре практического психолога» С.Ю. Головина о локусе контроля говорится в рамках ответственности за последствия своих дей-

© Сломинская С.П., 2020

ствий. Экстернальный локус контроля «соответствует поиску причин поведения вне себя, в своем окружении». Интериальный локус контроля характеризуется поиском человека причин поведения в себе. В «Психологической энциклопедии» термин «локус контроля» «служит для обозначения группы субъективных мнений или убеждений относительно связи между поведением и его последствиями в форме наград или наказаний». Также, согласно «Словарю практического психолога» люди с экстернальным локусом контроля тревожны, подозрительны, проявляют неуверенность в себе. Будучи неуверены в себе, люди с экстернальным локусом контроля могут обратиться за помощью со стороны, из чего и получена гипотеза о том, что людям, верящим в экстрасенсорику, присущ экстернальный локус контроля.

Метод, примененный в исследовании – опрос и тестирование. Были опрошены респонденты двух возрастных групп, чтобы определить их локус контроля и веру или же ее отсутствие в экстрасенсорику.

Ожидается, что подтвердится гипотеза о том, что люди, верящие в экстрасенсорику, обладают внешним локусом контроля.

Создана форма на платформе Google Forms для удобства подсчета результатов. Первым критерием отбора респондентов стал их возраст. Участников опроса можно разбить на две группы:

- 1) 13–29 лет;
- 2) 30–50 лет.

В моем опросе участвовало 152 человека. Из них 103 ответили «Да» на вопрос, верят ли они в экстрасенсорику. Соответственно, 49 респондентов в экстрасенсорику не верят. 71 из 94 респондентов категории «29-50» ответили положительно на вопрос о вере в экстрасенсорику. 56 респондентов обращались за помощью к экстрасенсам. Из них 11 ответили отрицательно на вопрос о вере в экстрасенсорику.

Дальнейшей частью моего опроса стала методика определения локуса контроля по Роттеру.

Для упрощения подсчета результатов и прохождения тестирования с ориентированностью на именно экстернальный локус контроля:

- 1) Опущены вопросы, являющиеся фоновыми;
- 2) Оставлены утверждения, присущие экстеральному локусу контроля;
- 3) Применена система «Да-Нет»: согласен респондент с утверждением или нет.

Результаты показали, что корреляция между локусом контроля и верой в экстрасенсорику практически отсутствует. Коэффициент Пирсона равен -0.1 с округлением до десятых. Таким образом, можно сделать вывод, что вера в экстрасенсорику может быть связана с другими психологическими особенностями индивидуумов. К примеру, с тревожностью, отсутствием уверенности в себе или же, наоборот, верой в то, что подвластно с помощью т.н. магии самостоятельно изменить что-то в своей жизни, что требует больших усилий, соответственно, чрезмерной уверенности в себе.

*Матросов Н.С.,
Школа «Интеллектуал»*

ВЛИЯНИЕ ОТДЫХА НА КОНЦЕНТРАЦИЮ ВНИМАНИЯ

Это исследование – часть моего прошлогоднего научно-популярного выступления на TED об отдыхе. Там было про то, почему отдых важен, как на человека влияет его отсутствие, как решить проблемы с ним и прочее.

Мысль, что отдых важен, казалась очевидной, и аргументы нашлись быстро: кроме симптомов вроде апатии и раздражительности, решено было рассказать о сетях пассивного режима работы мозга и снижении концентрации внимания. Последний факт как раз требовал какого-либо подтверждения, и я решил проверить экспериментально, так ли это вообще.

© Матросов Н.С., 2020

Методика. Двум выборкам дать корректурную пробу – два листа А4. Одна (№1) будет решать его без перерыва, а другая (№2) делать между листами пятиминутную паузу. Далее подсчитать количество ошибок (неправильно зачеркнутых или не зачеркнутых букв) в каждой строке, усреднить данные по выборке и построить графики зависимости количества ошибок от номера строки.

Первая гипотеза. Концентрация внимания при работе снижается со временем. Выполняя корректурную пробу, человек устает. На графике ожидаемо увидеть, что количество ошибок будет расти с увеличением номера строки (не считая скачка после перерыва у второй выборки).

Вторая гипотеза. Перерыв повышает концентрацию внимания при дальнейшей работе.

К концу первого листа у людей увеличивается количество ошибок. На графике второй выборки после перерыва ожидаемо увидеть снижение количества ошибок до изначального.

Результаты. Первая гипотеза подтвердилась. У всех на протяжении выполнения задания был фон из одной-двух ошибок в строке, но пики росли и учащались по мере приближения к концу. Вторая гипотеза подтвердилась частично. Количество ошибок после перерыва действительно уменьшалось у всех людей в выборке, но не опускалось до изначального уровня. Это означает, что длительность перерыва была подобрана не оптимально. Предлагается провести еще эксперименты с перерывами разной длины. Есть также идея давать на отдых столько же времени, сколько человек затратил на выполнение первого листа.

Ограничения. Очевидно, для получения более достоверных результатов эксперимент требует небольшой доработки, и я отчаянно ищу повод, чтобы повторить его. Из проблем: малые выборки (в каждой было по 15 человек), их ограниченность (они состояли только из школьников и студентов в возрасте от 16 до 21 года), неудачно подобранный объем пробы (два листа А4 некоторые выполняли по часу), присутствие отвлекающих факторов (не было абсолютно тихого помещения).

*Куляпина А.М., Фам А.Х.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

РОЛЬ РЕФЛЕКСИИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОЦЕССА ВЫБОРА

Феномен выбора привлекает внимание как научных, так и практических психологов (см., напр., Леонтьев, Овчинникова, Рассказова, Фам, 2015). Так же и рефлексия является активно исследуемым в науке феноменом. Однако рефлексия в процессе выбора до сих пор остается малоизученной темой. Несмотря на то, что существуют работы, рассматривающие роль рефлексии при принятии решений (Карпов, 2005 и др.), поле для исследований все еще достаточно обширно.

Целью проведенной работы является изучение роли рефлексии в процессе реального жизненного выбора, конструируемого в сознании субъекта.

Для проведения исследования было выдвинуто несколько гипотез. Предполагалось, что на разных этапах деятельности выбора содержание, выраженность и роль рефлексии неодинаковы и что РПВ может проявляться в распознавании ситуаций выбора в жизни как таковых, анализе различных альтернатив и представленности этапов выбора в описании ситуации.

Выборка: N = 10 (9 жен. и 1 муж.), 6 чел. из которых имеют психологическое образование. Возраст 20-54 лет (ср. возраст 33,5 лет).

Методы

Основным методом сбора данных являлось полуструктурированное интервью. Оно разрабатывалось с учетом выдвинутых гипотез таким образом, чтобы входящие в него вопросы максимально помогали раскрытию темы. Привлечение респондентов происходило с помощью объявления в социальной сети Вконтакте. Исследование проводилось очно

(длительность – от 20 до 60 мин), участие было добровольным и предварялось заполнением информированного согласия. Качественный анализ данных происходил на основе мануала (Saldana, 2009) методами холистического анализа (holistic coding) и in vivo coding, т.е. происходило выделение основной мысли в части текста и использование выражений самих респондентов для обозначения. Результаты. Исследование опиралось на разработанную ранее модель цикла выбора, основанную на теориях Ю. Козелецкого и Х. Хекхаузена. В модели были предложены пять фаз выбора: подготовительная, Рубикон, преакциональная, акциональная и постакциональная.

Были проанализированы протоколы интервью, и в ответе на каждый вопрос были выделены ключевые фразы, которые сигнализировали о присутствии рефлексии, идентифицировали фазу выбора, на которой осуществлялась рефлексия, и описывали отношение респондента к работе рефлексии.

В целом роль рефлексии в процессе выбора скорее оценивается респондентами как положительная (выводы о роли рефлексии делались на основе ответов респондентов на вопрос о трудностях, возникающих перед ними в процессе выбора; как правило, РПВ не отмечается как трудность, помеха, а оценивается как нечто помогающее).

Отрицательную роль рефлексии отмечают люди с низкой ее выраженностью и общей неудовлетворенностью совершенными ими выборами (о степени удовлетворенности жизненными выборами респонденты сообщали при ответе на соответствующий вопрос). В основном рефлексия выражена на подготовительной и постакциональной фазах выбора, но также она может быть проявлена и на преакциональной. Чаще всего в сознании субъектов отражается не более 2, иногда 3 фазы выбора. На преакциональной фазе отмечается негативная роль РПВ, мешающая началу реализации выбора. На подготовительной фазе негативная роль РПВ может быть выражена в повышении тревоги насчет выбора, общего напряжения и увеличении затрачиваемого на выбор времени. На постакциональной фазе негативная роль РПВ может проявляться в длительном и мучительном сожалении при неудовлетворительном результате.

Таким образом, роль и выраженность рефлексии на разных этапах процесса выбора является неодинаковой. Также можно отметить наличие индивидуальных различий в «качестве» РПВ и его связь с качеством совершаемых жизненных выборов. Уточнение характера и природы этой связи, а также связи роли и выраженности РПВ, станет задачей дальнейшего исследования.

Литература

1. Карпов А.В. Рефлексия в структуре когнитивной организации процессов принятия решения (2005) Российский психологический журнал (3).
2. Леонтьев Д.А, Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая и дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике (2014) Психология. Журнал Высшей школы экономики. (11) 4. 110-135.
3. Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. (2015) Психология выбора М.: Смысл. Saldana J. The coding manual for qualitative researchers. (2009) Sage Publications

*Селиванов В.В., Ганган А.В.,
ООО «Поступи Онлайн»*

ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЧУВСТВОМ ВИНЫ

Самоактуализация, или самореализация, – популярная тема исследований в российской и зарубежной психологии, что во многом обусловлено социальными изменениями. Этот термин берет начало в гуманистической психологии и тесно связан с потребностью в росте, развитии и самосовершен-

© Селиванов В.В., Ганган А.В., 2020

ствовании. Наиболее распространено определение А. Маслоу, который писал, что это стремление к реализации своего потенциала в жизни.

В концепции Р. Мэя одной из форм экзистенциальной вины как раз является вина за недостаточную самореализацию (самоактуализацию), которая касается интеллектуального, социального, физического и эмоционального развития человека.

По мнению Е.П. Ильина, вина, связанная с рефлексией, самоанализом и оценкой поступков, является адекватной, регулирует поведение человека и может стать стимулом для исправления ошибок и развития личности (Е.П. Ильин, 2016). Связь этих явлений малоизучена, поэтому целью данного исследования стало выявление взаимосвязи самоактуализации личности и чувства вины.

В исследовании приняли участие 78 человек (47 женщина и 31 мужчина) в возрасте от 18 до 27 лет, студенты вузов. Для изучения связи этих явлений были использованы три методики («Опросник вины» К. Куглера и У.Х. Джонса в адаптации И.А. Белик, «Диагностика самоактуализации личности» (САМОАЛ) А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калиной и авторская анкета). В процессе обработки данных использовался пакет программ IBM SPSS Statistics 23.0 и Microsoft Office Excel 2010. Были получены следующие результаты: отдельными элементами самоактуализации личности, которые в большей степени связаны с переживанием чувства вины, являются ориентация во времени, спонтанность, самопонимание и аутосимпатия; выявлена отрицательная связь ($p < 0.01$) чувства вины и самоактуализации личности, т.е. высокий уровень самоактуализации личности характерен для лиц с низким уровнем чувства вины, а низкий уровень самоактуализации личности – для лиц с высоким уровнем чувства вины; стойкая предрасположенность испытывать чувство вины при нарушении собственных глубоко усвоенных ценностей оказывает статистически более значимое влияние ($p < 0.01$), чем непосредственное переживание вины в момент поступка; в структуре вины у юношей преобладает эмоциональный компонент

(72%), в отличие от девушек (50%), в структуре вины которых он проявляется в меньшей степени; частота переживания чувства вины измерялась с помощью порядковой шкалы (от 0 до 10) и показала, что девушки чаще (5,71) сталкиваются с чувством вины, чем юноши (4,86). Изучая имплицитные представления о понятии вины, можно отметить, что большинство испытуемых относят вину к категории чувств (52%), в равной степени к категории ощущений (11%) и осознания чего-либо (11%), в меньшей степени к категории сожаления (8%) и переживания (7%), при этом имеются редкие ответы, отнесенные к категории «другое» (11%): «внутреннее беспокойство», «угрызения совести», «самобичевание».

При ответе на вопрос о стратегиях переживания вины участники исследования чаще всего выбирали ответ «игнорирование, заглушение вины» (63%). Затем следует «прислушивание, нахождение причин и источников» (20%) и другие ответы испытуемых (17%), к которым, к примеру, относятся «выстрадать», «попытаться извиниться», «исправить свой поступок» и др.

Тот факт, что среди ученых, исследующих проблемы вины и самоактуализации, нет единой концепции этих феноменов, позволяет рассматривать их с различных точек зрения, при этом делая попытки найти различные взаимосвязи, тем самым внося вклад в развитие этих феноменов. Несмотря на развитие идей о положительной роли вины в развитии личности, нами был выявлен отрицательный вклад вины, что еще раз подчеркивает неоднозначность изучаемых феноменов.

В качестве ближайшей перспективы можно обозначить более детальное исследование отдельных элементов самоактуализации личности и чувства вины, возможно, в другом контексте. Также можно предположить, что имеется связь ориентации во времени и чувства вины у лиц разных возрастных категорий, но этот вопрос требует дальнейшего изучения.

*Sirotina U., Shchebetenko S., Riskind J.H.,
National Research University Higher School of Economics,
George Mason University*

DIFFERENTIAL EFFECTS OF LOVING-KINDNESS AND COMPASSION MEDITATIONS ON UNIVERSITY STUDENTS' EMOTIONS

Loving-Kindness meditation (LKM) and Compassion meditation (CM) refer to the special group of Buddhist meditations that are translated to English as "Four Immeasurables Meditations" (FIMs) (Zeng, Chan, Liu, Oei, & Leung, 2017). This meditation group also includes Appreciative Joy and Equanimity meditations. As significant differences between FIMs in terms of their philosophy (i.e. produced attitudes) and procedure can be observed, it is relevant to test the difference in the effects of these meditations experimentally. It would provide crucial information to professionals who actively use them in therapy as well as to people who access and practice these meditations from other sources. However, FIMs are not well differentiated in the scientific field of psychology yet (Zeng et al., 2017). Zeng et al.'s (2017) study represented the first scientific attempt to evaluate differential effects of these kinds of meditation, comparing Appreciative Joy Meditation and Compassion Meditation. Other types of FIMs, such as Loving-Kindness meditation and Compassion meditation, were only compared in meta-reviews (e.g., Zeng, Chiu, Wang, Oei & Leung, 2015; Shonin, Van Gordon, Compare, Zangeneh, & Griffiths, 2015) but never in an experimental way. Therefore, more experimental research is needed to make solid conclusions about FIMs effects on emotions.

The present study aimed to provide the first comparison between immediate effects of one-shot loving-kindness meditation (LKM) and compassion meditation (CM). Two hundred and one American students were randomly allocated to three groups including LKM, CM and an active control group. The self-reported emotions were measured using Self-Assessment Man-

ikins and Emotional Word List before and after completing the assigned task. Firstly, it was hypothesized that both the LKM and CM conditions will exhibit significantly increased other-focused positive emotions across repeated measures compared with the Control condition. The results of the study were consistent with this hypothesis.

Secondly, it was hypothesized that the LKM condition will exhibit significantly increased happiness and overall positive emotional valence compared with the other two conditions, whereas the CM condition will exhibit significantly increased sadness and decreased overall positive emotional valence compared with the other conditions. Inconsistent with this hypothesis, both LKM and CM led to an increased positive emotional valence and happiness as well as decreased sadness. But, despite no difference between CM and LKM in the direction of effects, LKM increased positive emotional valence and happiness with larger effect sizes than CM. Based on our results, LKM can be considered more effective in producing positive emotions than CM. Thirdly, it was hypothesized that both LKM and CM conditions will exhibit no significant change in low arousal positive emotions compared with the Control condition. Inconsistent with the hypothesis and Zeng et al.'s (2017) findings, both LKM and CM exhibited increased low arousal emotions with medium effect sizes. Two interpretations were suggested to explain these results. (1) Although the attempt was made to remove the word meditation from the survey (in order to avoid bias of "calmness" related to this word; Koopmann-Holm et al., 2013), the word meditation was used in the beginning of recordings to specify the type of meditation. (2) The word peaceful, repeated according to LKM instructions, is associated with low arousal emotions. However, it does not explain the increase in low arousal emotions in CM condition (in which this word was not used). In the future research, in order to continue discussing this issue, the word "meditation" should be completely cut out of the scripts.

These findings make up for almost complete lack of experimental data on the effects of FIMs on emotions. However, considering the fact that it was the first study to test those hypotheses, it is important that more research is conducted to clarify the effects of LKM and CM on emotional experience.

Literature

1. Koopmann-Holm, B., Sze, J., Ochs, C., & Tsai, J. L. (2013). Buddhist-inspired meditation increases the value of calm. *Emotion*, 13(3), 497-doi:10.1037/a0031070.
2. Shonin, E., Van Gordon, W., Compare, A., Zangeneh, M., & Griffiths, M.D. (2015). Buddhist-derived loving-kindness and compassion meditation for the treatment of psychopathology: a systematic review. *Mindfulness* 6, 1161–1180. doi:10.1007/s12671-014-0368-1.
3. Zeng, X., Chiu, C. P., Wang, R., Oei, T. P., & Leung, F. Y. (2015). The effect of loving-kindness meditation on positive emotions: a meta-analytic review. *Frontiers in Psychology*, 6, 1693. doi:10.3389/fpsyg.2015.01693.
4. Zeng, X., Chan, V. Y., Liu, X., Oei, T. P., & Leung, F.Y. (2017). The four immeasurable meditations: differential effects of appreciative joy and compassion meditations on emotions. *Mindfulness* 8 (4), 949-959. doi:10.1007/s12671-016-0671-0.

Акопян К.Г.,

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРЕДИКТОР НЕТРАНЗИТИВНОСТИ В ВЫБОРЕ ЦЕННОСТЕЙ

Понятия «транзитивность» и «нетранзитивность» как психологические феномены рассматриваются в теориях принятия решений. Транзитивность чаще всего рассматривается как необходимый компонент в рациональном выборе человека и основа логичности (5,10). Нетранзитивность, напротив, рассматривается как нарушение в согласованности при

выборе между несколькими альтернативами (там же). Определить нетранзитивность можно как наблюдаемую цикличность в выборе между объектами, при которой, если первый объект предпочтительнее второго, а второй привлекательнее третьего, тогда третий – предпочтительнее первого ($A > B$; $B > C$; $C > A$). Несмотря на то, что при описании рационального поведения чаще упоминается транзитивность, в некоторых исследованиях внимание уделяется личностному аспекту нетранзитивности в обстоятельствах, при которых она объективно проявляется (3,10,11). Транзитивность нетранзитивность также рассматриваются не только с точки зрения рациональных особенностей человека, но и в контексте эмоциональной сферы, в частности, в эмоциональной сложности (4,7). Однако полной концепции относительно эмоциональных [персональных аспектов нетранзитивности на данный момент не существует. В данном исследовании внимание уделяется понятию, которое связано с эмоциональной сферой человека – эмоциональному интеллекту. Данное понятие появилось в науке благодаря П. Сэловей и Дж. Мэйер (12). В современной психологии эмоциональный интеллект в широком смысле рассматривается с двух точек зрения: понимание и управление своими эмоциями, а также распознавание чужих эмоций и влияние на них (2). Целью данного исследования является определение эмоционального интеллекта как индивидуальной характеристики субъекта нетранзитивности в выборе объектов.

В качестве объектов выбора были использованы основные ценности по Ш. Шварцу (9). Для определения уровня эмоционального интеллекта использовался опросник «ЭМИн» Д.В. Люсина (8). Опросник состоит из четырех шкал (межличностный интеллект, внутриличностный интеллект, понимание эмоций, управление эмоциями) и нескольких субшкал (управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями, контроль экспрессии).

Выборка состояла из 130 человек в возрасте от 20 до 40 лет.

В ходе дисперсионного анализа полученных данных было выявлено значимое различие ($p < 0,05$) по нетранзитивности

в группах высокого, среднего и низкого значения понимания чужих эмоций. Апостериорный тест Шеффе показал наличие различий между группой с высоким и низким значением понимания чужих эмоций. При этом характер различий следующий: чем выше уровень понимания эмоций, тем выше уровень нетранзитивности. Значимых различий по остальным шкалам выявлено не было. Данный результат указывает на соотношение нетранзитивности в выборе эмоциональной сферы человека. Можно предположить, что высокое понимание чужих эмоций усложняет смысловую дифференциацию категорий выбора объектов при соотношении себя с другими людьми, что приводит к смене этих категорий и, соответственно, к нетранзитивности.

Однако для получения полных результатов необходимо продолжение исследования с увеличением выборки и количества использованных методик.

Литература

1. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – М.: Прогресс, 1979. – 504 с.
2. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Монография, 1996. – 272 с.
3. Поддьяков А.Н. Непереходность (нетранзитивность) отношений превосходства и принятие решения / Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 3. С. 88–111.
5. Робертс Р.Д., Мэттьюс Д., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике. / Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 4. С. 3–26
5. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Киселева Т.С. Создание и психометрическая проверка методики измерения эмоционального интеллекта (ТЭИ) // Казанский педагогический журнал. 2017. №3(122). С. 113-118.
6. Ивин А.А. Логика. – М.: Знание, 1998.
7. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб: Питер, 2001. – 752 с: ил. – (Серия «Мастера психологии»).

8. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009.
9. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: Применение в России / Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70
10. Bar-Hillel M., Margalit A. How vicious are cycles of intransitive choice? *Theory and Decision*, 1988, 24(2), 119–145.
11. Tversky, A. Intransitivity of preferences. *Psychological Review*, Vol 76(1), 1969, 31-48. 12. Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence. *Imagination, Cognition, and Personality*, 9, 185-211, 1990.

*Сергеева В.О., Неяскина Ю.Ю.,
Камчатский государственный
университет имени Витуса Беринга*

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА МИГРАНТА ПРИ ПЕРЕЕЗДЕ ИЗ НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА В МЕГАПОЛИС (НА ПРИМЕРЕ МИГРАЦИИ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Миграционные процессы современности получили широкое распространение относительно прошлых столетий. Причины для миграции могут быть разнообразными: от смены наскучившей обстановки до получения образования, повышения по работе, вступления в брак и т.п.

Геополитическая ситуация накладывает отпечаток на миграционные процессы в рамках Российской Федерации.

© Сергеева В.О., Неяскина Ю.Ю., 2020

Все больше людей при планировании переезда выбирают направления внутри страны. Это связано с экономической обстановкой в России за рубежом, с наложением санкций, с развитием городов в стране и доступностью оформляемых документов.

Переезд на новое место жительства – это не только объективные трудности в решении изменить свое социальное окружение и место проживания, но и серьезное испытание для личностных ресурсов. В условиях переезда личности зачастую приходится изменять поведенческие паттерны. При этом субъект тем острее переживает эти изменения, чем существеннее различия в параметрах «старой» и «новой» среды жизнедеятельности (темп жизни, инфраструктура, архитектура города, природно-климатические условия и т.д.).

Целью исследования явилось изучение особенностей хронотопа мигранта при переезде из небольшого города в мегаполис (на примере миграции из различных регионов России в Санкт-Петербург).

Эмпирическое исследование проводилось с декабря 2017 года по март 2018 года. В качестве эмпирической базы были выбраны следующие города: Петропавловск-Камчатский, Псков, Великий Новгород и Санкт-Петербург. Всего в исследовании приняли участие 212 человек. В экспериментальные группы вошли лица, сменившие место жительства с небольшого города на мегаполис. В качестве контрольных групп были выбраны респонденты с рождения проживающие в представленных городах, не планирующие переезда в другой город на постоянное место жительства.

Дизайн исследования. В каждом рассматриваемом направлении миграции есть три основных аспекта: опыт жизни в условиях небольшого города, опыт жизни в мегаполисе так называемый «хронотоп мигранта», который синтезирует в себе и то и другое (данное положение представлено на Рисунке 1). Для того, чтобы рассмотреть представленную структуру, на первом этапе изучается хронотоп людей, живущих в небольшом городе, а также, хронотоп людей, живущих в мегаполисе. На втором этапе анализируется хронотоп лиц, мигрировавших на постоянное место жительства из неболь-

шого города в мегаполис и сопоставляется с результатами, полученными на первом этапе.

Для того, чтобы отследить влияние смены региона на хронотоп мигрировавших лиц, исследование проводилось по направлениям: 1) Дальний Восток – Северо-Западный федеральный округ; 2) Северо-Западный федеральный округ – Северо-Западный федеральный округ. результаты исследования миграции относительно регионального аспекта сопоставлялись, что позволило выделить специфику, связанную конкретно с переездом из небольшого города в мегаполис, а также дополнительно описать специфику хронотопа мигранта в связи со сменой региона проживания, либо со сменой места жительства в пределах одного и того же региона.

По результатам проведения эмпирического исследования, можно сделать ряд общих выводов: мигранты в первые годы жизни после переезда оценивают свое настоящее как более активное; мигранты оценивают настоящее время как более ощущаемое; мигранты Дальнего Востока зачастую не соотносят себя в настоящем со своим прошлым и будущим, при миграции внутри одного региона структура представлений о связи временных зон не нарушается; для мигрантов характерен низкий уровень негативного отношения к прошлому и высокий уровень позитивного; все мигранты оценивают городскую среду мегаполиса как менее дружелюбную; параметры «внешняя ценность» и «восприятие близости» являются более значимыми для мигрантов при идентификации городской средой, чем для не мигрировавших лиц; существует специфика ценностно-смыслового пространства личности; для всех мигрировавших респондентов характерно рассогласование между субъективной иерархией базисных ценностей и возможностью их реализации в новом городе по следующим параметрам: достижение успеха в профессии, достижение успеха в карьере, известность и знаменитость, знание всего, примерность для других, самоутверждение в жизни, получение власти; общими стрессорирующими факторами большого города для всех мигрантов независимо от того, из какого региона произошла миграция являются: загруженность стимулами, проблемы темпорально-пространственных характеристик и неудобство городской среды.

Перспектива исследования: углубленное изучение рассмотренной проблематики для формирования обобщенной модели хронотопа мигранта и выявления его структуры для прогнозирования социальных процессов в Российской Федерации, что в свою очередь позволит эффективно отвечать на большие вызовы в рамках современного этапа глобального развития.

*Воеводина Е.Ю., Осин Е.Н.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ИМПЛИЦИТНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СМЫСЛА ЖИЗНИ И УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ЭГО

Ранее в исследованиях бралось за аксиому, что само понятие «смысл жизни» понимается людьми одинаково, что приводило к упущению одного из значимых факторов, формирующих мировоззрение человека и его представление об осмысленной жизни. В 2014 году впервые были выделены типы обыденных представлений людей о смысле жизни – имплицитные концепции смысла жизни (ИКСЖ) (Осин Е. Н., Кузнецова С.С., Малютина А.В., 2014). Было показано, что существуют качественно отличные группы бытовых представлений о смысле жизни, однако оставалось неизвестным, как та или иная концепция связана с личностными характеристиками и качеством жизни индивида. Целью данного исследования стало провести связь между ИКСЖ и уровнем развития эго по концепции Левинджер, а также с рядом показателей субъективного благополучия. Была выбрана именно эта концепция как одна из самых перспективных и актуальных теорий «здорового» развития личности, достаточно

© Воеводина Е.Ю., Осин Е.Н., 2020,

концептуально богатая, чтобы отразить взгляды человека по вопросу смысла жизни. На основании теоретического обзора были поставлены две гипотезы. Первая гипотеза – существуют различия в уровне развития эго между людьми с разными ИКСЖ. Вторая гипотеза – уровень эго положительно связан с представлениями о ценности самореализации и трансценденции (веры, служения цели или идее как источниками смысла жизни). Относительно связи уровня эго с показателями благополучия был проведен эксплораторный анализ. Для проверки гипотез было проведено эмпирическое исследование. Данные собирались онлайн на платформе Ika.si. Выборку составили 364 респондента, от 14 до 85 лет ($M = 29.95$; $SD = 11.62$), 130 мужчин, 234 женщины). Участникам было предложено пройти следующие методики:

- The Mental Health Continuum – Short Form (МНС-SF) в переводе Е. Н. Осина для определения общего психосоциального и отдельно психологического, социального и эмоционального благополучия;

- Тест незаконченных предложений вашингтонского университета (Леонтьев, Рассказова и др., 2010) – для операционализации уровня эго;

- Анкета “Имплицитные концепции смысла жизни” (Е.Н. Осин);

- Анкета “Имплицитные концепции осмысленной жизни” (Е. Н. Осин);

- The Hedonic and Eudaimonic Motives for Activities (HEMA) в переводе Е. Н. Осина, выявляющий гедонистический (поиск удовольствия) и эвдемонический (стремление к росту) мотивы деятельности;

- Опросник “Смысл в жизни” (MLQ) в переводе Е. Н. Осина, выявляющий присутствие смысла и поиск смысла.

Статистический анализ показал наличие положительной связи между уровнем эго и представлениями о том, что смысл жизни – это «переживание, внутреннее ощущение» ($q = .15$, $p < .01$) либо «идея, сознательное представление» ($q = .14$, $p < .05$). Люди с более высокими уровнями эго склонны соглашаться с утверждениями, что смысл жизни... «это возможность, которую человек может осуществить» ($q = .22$,

$p < .01$), «возникает в результате сознательного выбора человека» ($\rho = .16, p < .01$) и что его «необходимо создать» ($\rho = .11, p < .05$). Вопрос о смысле жизни им близок ($\rho = .11, p < .05$), и на него можно найти ответ ($\rho = .17, p < .01$). Положительная корреляция уровня эго найдена с критериями осмысленной жизни из группы «Самореализация» ($\rho = .15, p < .01$) и отрицательная с группой «Взаимоотношения» ($\rho = -.21, p < .01$). Среди показателей остальных методик положительная корреляция уровня эго найдена с эвдемонической мотивацией деятельности ($\rho = .20, p < .01$). Со всеми остальными параметрами и представлениями об осмысленной жизни значимых корреляций не обнаружено.

Результаты подтверждают первую гипотезу о том, что различия в уровнях эго связаны с различиями в представлениях о смысле жизни. Рост уровня развития эго связан с возрастанием актуальности вопроса смысла жизни, эвдемонической мотивацией и тем, что человек становится активным субъектом выбора и осуществления смысла. Все это концептуально согласуется с переменами, происходящими в личности человека согласно теории развития эго Левинджер. Вторая гипотеза подтвердилась частично – с ростом уровня эго люди более склонны высоко оценивать значимость самореализации, однако с трансценденцией связи не обнаружено. Отрицательная корреляция с ценностями группы «отношения» может объясняться возрастающей автономностью у личностей с высоким уровнем эго.

Полученные результаты вносят вклад в текущие представления о роли смысла жизни в развитии личности.

Литература

1. Осин Е.Н., Кузнецова С.С., & Малютина А.В. (2014). ИмPLICITНЫЕ концепции смысла жизни и осмысленной жизни.
2. Карпинский К.В., & Чудновский В.Э. (Ред.), Психология смысла жизни: методологические, теоретические и прикладные проблемы (с. 118–138). Гродно: ГрГУ.

Деткина А.Ю.,

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Способы достижения успеха в профессиональной деятельности волнуют каждого молодого человека, начинающего свой карьерный путь. Во многом результаты профессиональной сферы зависят от уровня психологического благополучия и выбранной стратегии поведения. Само психологическое благополучие является весьма неоднозначным понятием, которое не было исследовано как категория, связанная с выбором той или иной стратегии поведения в профессиональной деятельности. Данное исследование направлено на изучение особенностей построения профессиональной карьеры и их взаимосвязи с психологическим благополучием личности.

Основными источниками, раскрывающими теоретические основы нашего исследования, послужили работы, посвященные изучению феноменов психологического благополучия [5,7,9,10], самореализации [6], манипулирования [1,4] и трудоголизма [2,3,8]. Гипотеза. Одним из определяющих факторов психологического благополучия молодых людей являются особенности построения профессиональной карьеры.

Участниками исследования стали 100 молодых людей, начинающих свою профессиональную деятельность в возрасте от 18 до 29 лет. Использованные методики: «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, в адаптации П.П. Фесенко, Т.Д. Шевеленковой); Шкала макиавеллизма личности (Machiavellianism Test, MACH-IV); (Richard Christie, Florence L. Geis, в адаптации В. В. Знакова).

Шкала трудозависимости (Andreassen C.S., Griffiths M.D., Hetland J.& Pallesen S.). Математико-статистическая обработка эмпирических данных проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 22.

В результате исследования была обнаружена обратная корреляционная связь на высоком уровне статистической значимости между манипулированием, как составляющей нерациональную стратегию поведения, и стратегией самореализации ($r = -0,234$; $p = 0,019$). Кроме того, у «манипуляторов» отмечается низкая выраженность психологического благополучия ($r = -0,202$; $p = 0,044$).

Была установлена корреляционная связь склонности к манипулятивному поведению с переменными, которые выделяли в своем исследовании П.П. Фесенко и Т.Д. Шевеленкова ($r = 0,242$; $p = 0,015$) [5,7], характеризующими состояние наличия экзистенциального вакуума (ощущение бессмысленности жизни), неудовлетворенности собственной жизнью. Это позволяет говорить нам о проблеме манипуляторов с точки зрения их интенциональности жизни.

В своей работе Л.Н. Юрьева [8] рассматривала манипулирование как один из факторов формирования трудоголизма. В нашей работе также была показательна связь склонности к трудоголизму и манипулированием. В перспективе дальнейших исследований данная взаимосвязь представляется нам достаточно интересной. Примечательно то, что данные стратегии, нерациональны в контексте взаимодействия с людьми ($r = -0,197$; $p = 0,050$). Возможно, приводят они к различным последствиям, но «болезнь» одна – неспособность к плодотворному, «здоровому» взаимодействию с окружающими. Пока остается открытым вопрос: «Можно ли утверждать, что на пути к психологическому благополучию одним из важнейших компонентов является наша связь с окружающими нас людьми?». Получается, каким бы упорством и способностями не обладал человек, он не может реализовать себя не только в карьере, но и в других сферах жизнедеятельности в отрыве от взаимодействия, от доверительных отношений, здоровой коммуникации.

Литература

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции / Е.Л. Доценко. – М., 1996. – 342с.
2. Лукьянов О.В. Современный психологический образ трудоголика – человек, извращенно представляющий место и роль труда в его жизни / О.В. Лукьянов, Э.А. Щеглова, Ю.Ю. Нехяскина // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 376. – С. 153-156.
3. Мкртычева К.Б. Трудоголизм: социально-приемлемая или социально-опасная аддикция? // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – №1. – С. 51-55.
4. Поломошнов Л.А. Коммуникация и манипуляция в общении / Л. А. Поломошнов // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2015. – №3-3(17). – С. 79-84.
5. Фесенко П.П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности: дис... канд. психол. наук: 19.00.01 / Фесенко П.П. – М., 2005. – 206 с.
6. Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / Виктор Эмиль Франкл; пер. с англ. С.С. Панкова. – Новосибирск: Сиб.унив. изд-во, 2017. – 95с.
7. Шевеленкова Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95-129.
8. Юрьева Л.Н. Трудоголизм: факторы риска развития и признаки патологической зависимости // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. – 2015. – №3. – С. 17-26.
9. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. – 320 p.
10. Ryff C.D. Psychological Well-Being/ Encyclopedia of Gerontology. – 1996. Vol. 2. – P. 365-369.

Чайка В.В.,

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ОЦЕНИВАНИЯ СПОРТСМЕНАМИ СИТУАЦИЙ ПРЕДНАМЕРЕННО СОЗДАНЫХ ИМ ТРУДНОСТЕЙ

Существуют виды деятельности, предполагающие преодоление преднамеренно созданных трудностей. Одним из ярких примеров является спортивная деятельность. А.Н. Поддьяков (2014) выделяет преднамеренные трудности, которые создаются одним человеком для другого как для ученика, для равного партнера, для конкурента. На наш взгляд, в спорте можно обнаружить все три вида: создание трудностей для совершенствования профессиональных качеств; действия спортсменов в соревновательной ситуации; нанесение вреда в конкурентной борьбе.

Посредством когнитивного оценивания субъект определяет степень угрозы ситуации для благополучия, а также ресурсы для преодоления, подконтрольность условий и эффективность способов совладания (Lazarus, 1984). Когнитивное оценивание позволяет определить трудность ситуации в опоре на критерии (Битюцкая, 2007). Целью данного исследования был анализ когнитивного оценивания преднамеренно созданных трудностей спортсменов. Мы предположили, что преднамеренно созданные трудности спортсмены оценивают как борьбу, требующую быстрого, активного реагирования с фокусировкой на позитивных аспектах ситуации.

Выборка: спортсмены сборных команд Российской Федерации (спорт высших достижений). Количество: 43 человека (17 мужчин, 26 женщин) возраст: от 18 до 30 лет.

Методики:

1. «Методика структурированного описания ситуации» предполагает анализ актуальной для респондента ситуации

преднамеренно созданных трудностей в опоре на открытые вопросы. Качественные данные, полученные с помощью этой методики, обрабатываются с помощью контент-анализа (Битюцкая, 2013).

2. «Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций» диагностирует трудность описанной респондентом ситуации по критериям: общая трудность, непонятность, неподконтрольность и др. (Битюцкая, 2007, 2013). По результатам контент-анализа данных методики структурированного описания ситуации наиболее часто упоминались следующие категории: значимость времени и сроков «сдать в срок», «очень мало времени»; критерии оценки: контроль над ситуацией «делаю все возможное, все зависит от меня», неподконтрольность ситуации «ничего не могу сделать», непонимание ситуации «не понимаю, что происходит», высокая динамика «пробежать быстрее соперника», дилемма «стараясь укладываться в распорядок дня или жертвую хорошим сном», значимость для будущего «выиграть Чемпионат Европы, чтобы присвоили звание мастера спорта»; преодоление: планомерный копинг «планирование, движение к цели в любой ситуации», борьба «надо попасть 30 очков, когда соперник попал 30 очков», положительная переоценка ситуации «выиграю Чемпионат Европы, не смотря ни на что», надежда на случай «соперник окажется слабее», отвлечение «пытаюсь отвлечься общением с друзьями», помощь других людей «прислушаться к советам команды», «обращение к тренеру».

По результатам анализа описательной статистики показателей методики когнитивного оценивания, можно сделать вывод, что наиболее выражены следующие критерии оценки преднамеренно созданных ситуаций: общая трудность ситуации [значимость, необходимость высоких затрат ресурсов], перспектива будущего [значимость последствий ситуации для жизни], необходимость быстрого реагирования, сильные отрицательные эмоции. Сопоставление данных двух методик указывает на то, что их результаты хорошо согласованы. При описании трудной ситуации, созданной преднамеренно, спортсмены оценивают ее как значимую, динамично развивающуюся и др. Расхождения данных двух методик

обнаружены лишь относительно выражения эмоций. При структурированном описании таких ситуаций спортсменами эмоциональные переживания не упоминаются. Однако показатели опросника по шкале «сильные эмоции» указывают на их выраженность. Мы предполагаем, что такое расхождение объясняется необходимостью контроля эмоций в спортивной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что спортсмены в условиях своей профессиональной деятельности воспринимают преднамеренно созданную для них трудность как проверку их профессионализма, в связи с чем, они стараются упорно настойчиво справиться с трудностями для повышения своих профессиональных навыков.

Литература

1. Битюцкая Е. В. (2007) Когнитивное оценивание и стратегии совладания в трудных жизненных ситуациях. – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
2. Битюцкая Е.В. (2013) Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. № 2. С. 40 – 56.
3. Поддьяков, А. Н. (2014) Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей [Текст] / А. Н. Поддьяков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 278, [2] с.
4. Lazarus R., Folkman S. (1984) Stress, appraisal and coping. New York: Springer.

Петрова Е.А., Пахомова Ф.В.,

*Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет имени академика И.П. Павлова*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН С БОЛЕВЫМ СИНДРОМОМ ПРИ ЭНДОМЕТРИОЗЕ

Введение

Эндометриоз – гинекологическое заболевание, при котором за пределами полости матки происходит доброкачественное разрастание ткани. Данные популяционных исследований Всемирного исследовательского фонда эндометриоза (WERF) показывают, что в настоящее время эндометриозом болеют более 176 млн. женщин в мире в возрасте от 15 до 49 лет (до 10% женщин репродуктивного возраста). При выдвижении гипотез мы обращаем внимание, что эндометриоз в настоящее время переходит в разряд психосоматических заболеваний, а также что женщины с этим заболеванием имеют определенные личностные характеристики и эмоциональные особенности, поэтому первая, выдвинутая нами гипотеза – предположение, что женщины с эндометриозом имеют отличные от женщин без этой гинекологической патологии эмоционально-личностные особенности. Вторая гипотеза связана с особенностями восприятия болевого синдрома у этих женщин: субъективное восприятие болевого синдрома связано с эмоционально-личностными особенностями и стилем межличностного взаимодействия. При психологическом консультировании таких пациенток важно учитывать, что эти черты, могут быть почвой для нарушения адаптации в обществе и эндометриоз может быть следствием этого процесса.

Цель

Выявление эмоциональных и личностных особенностей женщин с эндометриозом, а также исследование особенностей восприятия ими болевого синдрома.

© Петрова Е.А., Пахомова Ф.В., 2020,

Задачи:

1. Проанализировать восприятие себя у женщин с эндометриозом и женщин без гинекологической патологии.
2. Сравнить восприятие себя у женщин с разной выраженностью болевого синдрома.
3. Изучить качество жизни пациенток с эндометриозом с разной выраженностью болевого синдрома.
4. Сравнить стили межличностного взаимодействия у женщин с эндометриозом с разной выраженностью болевого синдрома.
5. Исследовать эмоциональную сферу у женщин с эндометриозом с разной выраженностью болевого синдрома (тревогу и депрессию).

Экспериментальную выборку в данном исследовании, составили пациентки с болевым синдромом при эндометриозе гинекологического отделения клиники акушерства и гинекологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова и группа женщин фертильного возраста без гинекологической патологии. В исследовании приняло участие 78 испытуемых: 41 женщина с эндометриозом и 37 женщин без гинекологической патологии.

Методы

В исследовании использовались методики: Болевой опросник Мак-Гилла, Визуальная аналоговая шкала, Опросник уровня и качества жизни (в адаптации Н.Е. Водопьяновой), Гиссенский личностный опросник, Метод диагностики межличностных отношений, Тест –опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин), Опросник С. Бэм, Госпитальная шкала тревоги и депрессии. Для выявления различий между группами по параметрам, использовался t-критерий Стьюдента, u-критерий Манна-Уитни. Для выявления взаимосвязей осуществлялся расчет коэффициента корреляции по Пирсону. Результаты. В исследовании были выявлены различия между здоровыми женщинами и женщинами с эндометриозом. На момент исследования женщины с эндометриозом в меньшей степени удовлетворены своим здоровьем, по сравнению

со здоровыми женщинами. В большинстве случаев женщины, независимо от силы болевого синдрома отмечают у себя симптомы тревоги, достигающие субклинического уровня, но симптомы депрессии не выявляются, за исключением единичных случаев. Женщины с эндометриозом имеют эмоционально-личностные особенности: они более склонны к гиперответственности и сверхобязательности, при этом женщины с сильной болью больше склонны к педантизму и постоянству, более усердны и менее склонны к легкомысленному поведению. По сравнению с женщинами без гинекологической патологии, женщины с эндометриозом больше удовлетворены своим браком и отношениями в целом. У женщин с эндометриозом с сильной болью чаще встречаются фемининные черты, им свойственна застенчивость, скромность, зависимость, конформность. Причем, чем старше женщина, тем больше у нее таких особенностей. С другой стороны, чем пациентка младше, тем больше она отмечает у себя, такие качества, как эгоизм и склонность к соперничеству.

Таким образом, мы говорим о том, что субъективное восприятие болевого синдрома связано с личностными особенностями женщин с эндометриозом и негативно сказывается на их эмоциональном состоянии и удовлетворенности качеством жизни. Значит, работа с данной категорией пациенток должна быть направлена не только на обучение способам совладания с болью, но и на повышение самооценки, развитие навыков межличностного взаимодействия, с целью повышения уровня адаптации к актуальному состоянию в ситуации болезни.

Литература

1. Алексеев В., Баринов А., Боль. Руководство для врачей и студентов// Под ред. Яхно Н. Н. – М.: МЕДпресс-информ, 2010 г. – 312с.
2. Адамян Л.В, Гаспарян С.А., Генитальный эндометриоз. Современный взгляд на проблему //Ставрополь.: Ставрополье, 2004г. – 214с
3. Дамиров М. М., Генитальный эндометриоз – болезнь активных и деловых женщин. М.: Бином., 2010г – 190с

*Зимняков И.В., Фам А.Х.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

РАЗЛИЧИЯ В СУБЪЕКТИВНОМ КАЧЕСТВЕ «ПРОСТОГО» И «СЛОЖНОГО» ВЫБОРА У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Выбор как психологический феномен активно исследуется в современной психологии. Психологи обнаруживают связь качества выборов в различных жизненных ситуациях с рядом личностных особенностей – жизнестойкостью, локусом контроля, витальностью и другими переменными (Леонтьев и др., 2011; Леонтьев и др., 2015).

Неотъемлемой характеристикой любого выбора является неопределенность, которая во внешнем плане выражается в объективной невозможности человека предсказать последствия своих действий и исходы тех или иных ситуаций (Леонтьев и др., 2015), а во внутреннем – в особенностях восприятия ситуации личностью, ее субъективном образе (Корнилова, 2018). Отношение к неопределенности оформилось в виде психологического конструкта – толерантности к неопределенности (ТН), которая в общем виде является личностной переменной, отражающей отношение человека к двусмысленным стимулам, ситуациям (там же). ТН является ключевой предпосылкой готовности к субъектному, качественному выбору (Фам, 2015). Тем не менее различия в качестве субъективно «простых» и «сложных» выборов у людей с разной ТН остаются неисследованными; их выявление является актуальной научной задачей.

Гипотезы

Мы предположили, что субъективное качество выбора и его отдельные параметры будут различными 1) в ситуациях «простого» и «сложного» выбора и 2) у людей с разной ТН.

Методика

Для проверки гипотез респондентам было предложено заполнить онлайн-батарейку методик, состоящую из:

- свободного описания двух ситуаций выбора – субъективно «простого» и субъективно «сложного»;
- опросника «Субъективное качество выбора» (СКВ) (Леонтьев и др., 2015; Leontiev et al., 2015), включающего 4 шкалы: основательность, эмоциональный знак, самостоятельность и удовлетворенность выбором; также предполагалось измерение общего балла по всем шкалам (опросник заполнялся отдельно для каждой ситуации выбора);
- опросника «Шкала толерантности к неопределенности» (ШОТН) – Multiples Stimulus Types Ambiguity Tolerance Д. Маклэйна в адаптации Луковицкой (1998).

Результаты

В исследовании приняли участие 246 человек ($M = 23,152$, $SD = 7,9$; $m = 71$, $f = 175$).

С помощью метода контрастных групп и применения критерия Манна-Уитни показано, что люди с высокой ТН значимо выше, чем люди с низкой ТН, оценивают субъективное качество «сложного» выбора по всем 4 шкалам опросника СКВ – «Основательность» ($p < 0,05$), «Эмоциональный знак» ($p < 0,01$), «Самостоятельность» ($p < 0,001$) и «Удовлетворенность» ($p < 0,05$), а также общему баллу СКВ ($p < 0,001$). В случае с оценкой субъективного качества «простого» выбора, значимые различия наблюдаются только по шкале «Самостоятельность»: у людей с высокой ТН она также значимо выше ($p < 0,01$). С помощью критерия Вилкоксона были проанализированы оценки СКВ в случае «простого» и «сложного» выбора у людей с одинаковым уровнем ТН – низким, средним или высоким; все шкалы и общий балл СКВ в ситуации «простого» выбора оцениваются значимо выше аналогичных показателей субъективного качества «сложного» выбора в каждой из групп по уровню ТН ($p < 0,001$).

Полученные результаты согласуются с теоретическими представлениями, согласно которым наличие ТН более кри-

тично для оценки субъективного качества «сложных» жизненных выборов (как в целом, так и его отдельных параметров), нежели при оценке качества «простых» выборов.

Литература

1. Корнилова, Т.В. (2018). Психология неопределенности: когнитивная и личностная регуляция предвосхищений, выбора и риск. В кн.: *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* (с. 54–75) / Под общ. ред. Александра Асмолова. М.: Издательский Дом ЯСК.
2. Леонтьев, Д.А., Мандрикова, Е.Ю., Рассказова, Е.И., Фам, А.Х. (2011). Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора / В кн.: *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 511–546) / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл.
3. Леонтьев, Д.А., Овчинникова, Е.Ю., Рассказова, Е.И., Фам, А.Х. (2015). Психология выбора. М.: Смысл.
4. Луковицкая Е.Г. (1998). Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб.
5. Фам, А.Х. (2015). Индивидуальные особенности выбора в ситуациях различной значимости: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. Москва.
6. Leontiev, D., Fam, A., Osin, E., Ovchinnikova, E. (2015). The Subjective Quality of Choice Technique: Qualitative Dimensions of Choice as a Self-orientation Activity / Издательский дом «Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”». Series WP BRP «PSYCHOLOGY», 45.

Федюнина Д.Ю.,

*Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова*

ВОЗМОЖНОСТИ РИСУНОЧНЫХ МЕТОДИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ СПАСАТЕЛЯМИ

Важным аспектом организации эффективной профессиональной деятельности спасателей является понимание механизмов адаптации к экстремальной ситуации. Даже высококвалифицированные специалисты, имеющие опыт работы в экстремальных условиях, могут испытывать сильный стресс. Их деятельность связана со значительными психоэмоциональными нагрузками и требует мобилизации физических и психологических возможностей для эффективного решения стоящих задач (Шойгу, 2007). Психологические ресурсы позволяют достичь максимально адекватного типа ответа на трудные ситуации, помогают эффективно выполнять профессиональные задачи и при этом дают возможность минимизировать риск для психического здоровья спасателей. Ресурсы помогают мобилизации, адаптации к стрессовой ситуации и предотвращению неблагоприятных последствий для психики. Чаще всего для изучения психологических ресурсов используются опросники. На наш взгляд, важным инструментом диагностики являются рисуночные методики. Для большинства людей рисунок является скорее редким способом выражения, а значит такая форма ответа будет менее контролируемой и откроет мало осознаваемую информацию. Рисуночные методики позволяют увидеть скрытые смыслы, так как присутствует неоднозначность используемых символов и отсутствует ограничение в выборе ответов. Рисунок – выражение своей мысли через графические образы. Самовыражение при помощи рисунка представляется более символичным и менее специфичным, чем слова (Остер и Голд, 2001).

© Федюнина Д.Ю., 2020,

Цель исследования – анализ возможностей рисунков для изучения психологических ресурсов спасателей.

Гипотеза исследования:

Рисуночные методики позволяют выявить психологические ресурсы спасателей, о которых они не сообщают при использовании стандартизированных опросников

Выборка: В исследовании приняли участие 145 спасателей. Материал исследования с использованием рисуночных методик составил 78 рисунков.

Методики: Мы просили спасателей изобразить в виде рисунка или схемы то, что помогает им преодолеть трудности профессиональной жизни (Рисуночная методика «Образ ресурса»). Эти данные мы сопоставляли с опросными методиками (Методика для изучения стилей реагирования на изменения (СРНИ) (Базаров и Сычева, 2012); Методика для изучения самооффективности (СЭ) (Красноярцева и др., 2014); Методика для изучения витальности (Александрова, 2012)).

Результаты

На основе диагностических методик можно констатировать, что спасатели предельно трудными ситуациями считают ситуации, связанные с руководством, неподконтрольностью ситуации и взаимоотношениями в коллективе. Помогали решить данные ситуации как интернальные (опыт, уверенность, контроль эмоций), так и экстернальные ресурсы (коллектив). Среди выбранных действий по преодолению трудностей профессиональной деятельности преобладает планомерное решение проблемы, самоконтроль и обращение за поддержкой к социальному окружению. Спасатели выделяют как значимый ресурс «коллектив», в том числе обращение к руководству.

С помощью рисуночной методики «Образ ресурса» можно увидеть такое отражение ресурсов: коллектив и слаженность работы в нем, включая руководителя и сторонние службы, опыт, знания, семья, друзья, вера, уверенность в себе и «жизнь вне работы» (хобби, отпуск, тренировки). При том, что в рисунках преобладают категории, указывающие на значимость семьи и «жизни вне работы», по результатам диагно-

стики с помощью опросников эти категории не проявлялись. Данный факт может указывать на то, что спасатели не придают значения этим ресурсам в профессиональной деятельности или не готовы о них сообщать при использовании прямых инструкций.

Заключение

Идея нашей работы показать возможности графических методик для изучения ресурсов спасателей. Изображая ресурс, его можно сделать более осознанным, на него можно будет впоследствии в большей степени ориентироваться и придавать ему большее значение. Ресурс будет рассматриваться как ценность, которая «поддерживает» в трудной жизненной ситуации.

Литература

1. Шойгу Ю.С. (2007). Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных, М.: Смысл.
2. Остер Д., Гоулд П. (2001). Рисунок в психотерапии // Методическое пособие для слушателей курса «Психотерапия» Москва.
3. Базаров Т.Ю., Сычева М.П. (2012). Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения» // Психологические исследования. Т. 5, № 25. С. 12. URL: <http://psystudy.ru>.
4. Красноярцева О.М, Кабрин В.И., Муравьева О.И. и др. (2014). Психологические практики диагностики и развития самооэффективности студенческой молодежи: учеб. пособие. – Томск: Издательский Дом ТГУ. С. 2745.
5. Александрова Л.А. (2012). Субъективная витальность как предмет исследования // Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”.

Некрасова А.Е.,

Санкт-Петербургский государственный университет

ОБРАЗ СТАРОСТИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ МОЛОДЕЖИ

Изучение репрезентации времени как личностной характеристики человека началось еще в первой половине прошлого века. Курт Левин писал о важности рассмотрения в рамках психологического поля личности ее представлений о прошлом и представлений о возможном будущем [Зейгарник, 1981]. В отечественной науке значимость представлений о времени как личностной особенности отмечает К.А. Абульханова-Славская которая разделяет понятия психологической, личностной и жизненной перспективы, отражающие представления о будущем, эмоциональная готовность войти в него и реальный потенциал личности [Абульханова-Славская, 1987]. Многие исследователи подчеркивают мотивационную, смыслообразующую функцию представлений о будущем, важность ее как личностной черты [Гинзбург, 1994; Головаха, Кроник, 1988; Нюттен, 2004]. В то же время, при всей важности временной перспективы в структуре личности, недостаточно внимания уделяется изучению временной перспективы отдаленного будущего и ее влияния на особенности осознания личностью своей жизни как целого.

Целью нашего исследования является изучение образа старости как компонента временной перспективы отдаленного будущего у молодых людей и взаимосвязи особенностей представлений о старости с осознанностью личности. Нами была выдвинута следующая гипотеза: существует взаимосвязь между особенностями образа старости и уровнем осознанности личности.

Для проверки выдвинутой гипотезы были выбраны следующие методики: тест «Смысложизненные ориентации» А.Н. Леонтьева (СЖО), «Семантический дифференциал» (СД) и «Свободные ассоциации» к слову старость и «Неоконченные предложения» на тему старости.

Исследование состояло из двух частей. В рамках первой части приняли участие 50 человек, в числе которых 29 женщин и 21 мужчина в возрасте от 18 до 28 лет. В ходе этого этапа были проведены методики СЖО и СД полученные данные были обработаны методами корреляционного анализа. Участниками второй части стали 14 человек, среди которых 6 мужчин и 8 женщин в возрасте от 19 до 23 лет, помимо СЖО и СД, были проведены «Свободные ассоциации» и «Неоконченные предложения».

По результатам корреляционного и дисперсионного анализа данных, полученных в первой части исследования, были обнаружены статистически значимые взаимосвязи между шкалами «Процесс», «Результат», «Локус-Я», «Локус-жизнь» и «Общий показатель ОЖ» с фактором оценки СД, что говорит о важности чувства управляемости жизни и удовлетворенности достигнутыми результатами и актуальной ситуацией, а также в целом осмысленности жизни при формировании позитивного образа старости, который является частью перспективы отдаленного будущего. Также значимая корреляционная связь была обнаружена между шкалами «Процесс», «Результат», «Общий показатель ОЖ» и фактором активности СД, ее наличие означает, что видение старости как активного жизненного периода сильно связано с удовлетворенностью жизнью и ее осмысленностью, однако, чувство контроля над жизненными событиями уже не играет большой роли. При этом, значимых различий между мужчинами и женщинами выявлено не было, что является показателем того, что структуры, входящие в ядро личности, не имеют гендерной дифференциации.

Данные, собранные во второй части исследования показали, что, в целом, старость скорее представляется пассивным периодом, характеризующимся переосмыслением прожитой жизни. По мнению молодых людей, старость начинается в 61 год. Наиболее привлекательными в ней представляются свободное время, а отталкивающим – проблемы со здоровьем.

При анализе ответов респондентов по методикам «Свободные ассоциации» и «Неоконченные предложения» было замечено, что в глазах современной молодежи образ старости неоднороден, в нем выделяются две группы: стереотипный образ старости, который скорее всего, отражает отношение к старости как к явлению, наблюдаемому сейчас со стороны, и образ старости, наполняемый личностно-значимыми, который намного вероятнее включает в себя грядущую перспективу старения личности-субъекта. Такие результаты говорят о том, что протяженность временной перспективы некоторых респондентов не так велика и не включает в себя период старости.

Таким образом выдвинутая гипотеза подтвердилась: существует взаимосвязь между образом старости как компонента временной перспективы отдаленного будущего у молодых людей и осознанности личности.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни. М. 1987
2. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. № 3 1994.
3. Головаха Е.И., Кроник А.А. Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. А.И. Анцыферовой. М.: Наука 1988
4. Зейгарник Б.Ф. Теория поля Курта Левина. М.: 1981
5. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Леонтьева Д.А. М.: Смысл 2004

*Кузьмина А.А., Костенко В.Ю.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ПРОЯВЛЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ТЕКСТЕ: СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ

Американский психолог Дж. Пеннебейкер предложил сместить фокус внимания лингвистических психологов с языка вообще на использование слов (word use) (Pennebaker et al., 2002). Результатом совместной работы специалистов по психологии, компьютерной науке и компьютерной лингвистике стала программа LIWC (Tausczik & Pennebaker, 2010), реализующая метод стратегии подсчета слов (word count strategy). Данное исследование направлено на изучение развития личности через оптику стратегии подсчета слов. Выдвигается общая гипотеза о том, что уровень развития личности автора имеет не только качественное – как это постулируется методикой диагностики уровня развития эго (Ну & Loevinger, 1996), – но и количественное выражение в способе использования слов. Частные гипотезы направлены на синтаксические и лексические параметры текста. Следующие показатели, по нашему предположению, будут увеличиваться по мере возрастания уровня развития личности: процент от общего количества слов числа (1) запятых и (2) кавычек, (3) среднее общее количество слов в протоколе, (4) среднее количество слов в предложении, (5) процент слов длиннее 6 букв.

Методика

Сбор данных по Методике неоконченных предложения Вашингтонского университета (НПВУ; Ну & Loevinger, 1996; Леонтьев и др., 2010) был осуществлен сотрудниками Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации в период с 2014 по 2019 год. Общий объем вы-

борки составил 2 000 человек в возрасте от 14 лет до 61 года ($M = 21.42$, $SD = 7.22$).

Подготовка, анализ и визуализация данных были осуществлены с использованием компьютерных программ Excel 2016, SPSS 23, Tableau и LIWC 2015. Для проверки гипотез о наличии различий между группами по каждому из параметров применялся однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты

Были получены статистически значимые различия в использовании запятых ($F(6, 2074) = 91.186$, $p < .001$) и кавычек ($F(6, 2074) = 5.939$, $p < .001$). Больше использование запятых на высоких уровнях развития личности свидетельствует об усложнении объяснительных и описательных построений. Это требует все большего обособления, перечисления и других языковых операций, которые являются функциональным значением запятой. Полученный результат согласуется с руководством по кодированию методики НПВУ (Hy & Loevinger, 1996).

Резкое увеличение использования кавычек на высоких уровнях развития личности является косвенным показателем тенденции к усложнению аутокоммуникативных процессов в направлении развития более чем одного интенционального центра (Херманс, 2007).

Проверка лексических гипотез также показала значимые различия по общему количеству слов в протоколе ($F(6, 2074) = 237.973$, $p < .001$), среднему количеству слов в предложении ($F(6, 2074) = 279.223$, $p < .001$) и проценту слов длиннее шести букв ($F(6, 2074) = 10.467$, $p < .001$).

Тексты увеличиваются в объеме с каждой следующей стадией развития личности, что подтверждает результат, обнаруженный на англоязычном корпусе (Lanning et al., 2018). Возможным объяснением может служить ранее выявленная взаимосвязь усложнения понимания индивидуумом собственных черт с усложнением его нарратива о себе, что становится благоприятным фактором для создания повествовательно сложных уникальных жизненных историй на более высоких уровнях развития личности (McAdams, 1998).

В данной работе был реализован подход применения количественного анализа текста (стратегии подсчета слов) на русскоязычном корпусе протоколов методики НПВУ для изучения особенностей развития личности. Обнаруженная количественная специфика подтверждает тезис о том, что развитие личности отражается в речевой продукции в усложнении представлений о себе и мире.

Литература

1. *Hu., & Loevinger, J.* (1996). *Measuring ego development* (2nd ed.). Hillsdale, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
2. *Lanning, K., Pauletti, R.E., King, L.A., & McAdams, D.P.* (2018). Personality development through natural language. *Nature Human Behaviour*, 2(5), 327–334.
3. *McAdams, D. P.* (1998). Ego, trait, identity. In P. M. Westenberg, A. Blasi, & L. D. Cohn (Eds.), *Personality development: Theoretical, empirical, and clinical investigations of Loevinger's conception of ego development* (pp. 27–38).
4. *Mahwah, NJ: Erlbaum. Pennebaker, J.W., Mehl, M.R., & Niederhoffer, K.G.* (2002). Psychological Aspects of Natural Language Use: Our Words, Our Selves. *Annual Review of Psychology*, 54(1), 547–577.
5. *Tausczik, Y.R., & Pennebaker, J.W.* (2010). The Psychological Meaning of Words: LIWC and Computerized Text Analysis Methods. *Journal of Language and Social Psychology*, 29(1), 24–54.
6. *Леонтьев, Д.А., Михайлова, Н.А., & Рассказова, Е.И.* (2010). Апробация методики незаконченных предложений Вашингтонского университета. *Психологическая Диагностика*, 3, 6–36.
7. *Херманс, Г.* (2007). Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации. *Постнеклассическая Психология*, 3(1).

*Гришутина М.М., Костенко В.Ю.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ВОЗМОЖНЫХ Я: ИССЛЕДОВАНИЕ В РАМКАХ ТЕОРИИ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА

В академической сфере происходит заметный сдвиг интереса в сторону категории «возможного». Разработанная Х. Маркус концепция Возможного Я (ВЯ) позволяет предметно соприкоснуться с возможностями, желаниями, и когнитивными образами будущего, конструируемыми личностью (Markus, Nurius, 1986). Исследовательская проблема обусловлена необходимостью изучения связи Возможных Я и мотивационных компонентов личности для уточнения роли данного конструкта в общей саморегуляции личности.

Гипотезами работы выступили следующие предположения:

1. Наличие положительной взаимосвязи между оценкой респондентами своих Возможных Я и мотивационных показателей – типов мотивационной регуляции субъекта показателями Шкалы экзистенции.

К Категории Возможных Я имеют положительную связь с типами мотивационной регуляции и показателями Шкалы экзистенции.

Процедура исследования

В пилотажном исследовании приняло участие 68 человек в возрасте от 17 до 49 лет ($M = 22,82$; $SD = 5,53$), различного уровня образования, в основном студенты. Респонденты заполняли онлайн-версию батареи методик, участие было добровольным и не предполагало вознаграждения.

Инструменты

Для проверки выдвинутых гипотез были подобраны, а также модифицированы, следующие методики:

Для диагностики Возможных Я в исследовании использована переведенная на русский язык и адаптированная методика К. Хукер (Hooker, 1992; Костенко, Гришутина, 2018).

Далее участникам предлагалось оценить степень согласия с десятью утверждениями, сформулированными авторами исследования для понимания основной мотивации респондентов в формулировании ВЯ, а также для оценки качества переживания личных возможностей.

В следующем блоке была использована модифицированная методика

UPLOC (Universal Perceived Locus of Causality Scale, Универсальная шкала типов мотивационной регуляции; Sheldon et al., 2017).

Далее респондентам предлагалось представить, что их Возможное Я реализовалось прямо сейчас. В данном блоке задавались несколько вопросов с возможностью развернутого ответа (Как бы Вы себя почувствовали? Опишите Ваши возможные переживания. Опишите свою жизнь после того, как Ваша желаемая возможность осуществилась. Какие перспективы это открыло для Вас? Какие события стали возможны?).

Для исследования мотивационных оснований личности с точки зрения экзистенциального подхода была использована Шкала экзистенции (Кривцова, Лэнгле, Орглер, 2009).

Дифференциальный тест рефлексии (Леонтьев, Осин, 2012) выступил в качестве инструмента диагностики рефлексивной регуляции.

Результаты

В результате пилотажного исследования были частично подтверждены гипотезы, а также сделаны следующие выводы:

Значительную положительную связь с представленностью категорий ВЯ продемонстрировала Интроецированная негативная мотивация, связанная с переживанием давления из-

вне («Ж4. Социальные связи», «Ж7. Хобби», «Ж10. Любовь»). Идентификационная мотивация проявила себя в связи с переживаемой важностью выбранного участниками желаемого ВЯ.

Показатель Самотрансценденции оказался соотносим с переживанием воплощенности желаемого ВЯ и положительно связан с некоторыми категориями ВЯ («Ж4. Социальные связи», «Ж7. Хобби», «Ж9. Имущество»). Показатель Свободы продемонстрировал аналогичную связь с данными категориями. Показатель Ответственности продемонстрировал прямую связь с «Ж4. Социальные связи».

В ходе исследования был создан авторский мини-опросник, продемонстрировавший, что негативное переживание возможности связано с негативной или почти отсутствующей мотивацией и отрицательно связано с показателями Шкалы экзистенции.

Литература

1. Костенко В.Ю., Гришутина М.М. Невозможное Я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Маркус // Пензенский психологический вестник, – 2018. – № 1(10).
2. Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала Экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. – 2009. – №1. – С. 141 – 170.
3. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 4. – С. 110–135.
4. Hooker K. Possible Selves and Perceived Health in Older Adults and College Students// Journal of Gerontology: Psychological Sciences. – 1992. – Vol. 47, № 2. – p. 85–95.
5. Markus H., Nurius P. Possible Selves// American Psychologist. – 1986. –Vol. 41, p. 954-969.
6. Sheldon, K.M., Osin, E.N., Gordeeva, T.O., Suchkov, D.D., & Sychev, O.A. (2017). Evaluating the Dimensionality of Self-Determination Theory's Relative Autonomy Continuum. Personality and Social Psychology Bulletin, 43(9), 1215–1238. <https://doi.org/10.1177/0146167217711915>

Кумченко С.К., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.,

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

ЭТАПЫ КОРРЕКЦИИ ПОЛА У ЛИЦ-ТРАНССЕКСУАЛОВ КАК НЕОДНОРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ

На сегодняшний день транссексуальность представляет собой вариант сексуального здоровья, именуемый также гендерной дисфорией (ICD-11, 2018). Гендерная дисфория – это дискомфорт, обусловленный расхождением между половой идентичностью и полом, установленным при рождении (Standarts of Care..., 2012). Преодоление данного дискомфорта возможно при помощи специально организованного транссексуального перехода – или комплекса мер по реализации желаемой половой идентичности с избавлением от гендерной дисфории (Гизуллина, 2016). В данный комплекс мер входит также медицинский переход, или коррекция пола, включающая в себя заместительную гормональную терапию с использованием кроссполовых гормонов под наблюдением врача-эндокринолога, что будет именоваться впоследствии гормональной терапией (ГТ), а также различные хирургические вмешательства, или хирургическую терапию (ХТ). Таким образом, можно выделить три стадии медицинского перехода у лиц-транссексуалов: до гормональной и хирургической терапии, во время гормональной терапии и без хирургических операций, а также во время гормональной терапией с проделанными хирургическими операциями. Эти различные стадии медицинского перехода представляют из себя разные социальные ситуации развития, в которых разнятся ведущая мотивация, отношения с социумом, а также отношения с собой. Под социальной ситуацией развития в контексте нашего исследования мы понимаем специфическую для каждого этапа медицинского перехода систему взаимоотношений личности с социумом. Мы предполагаем, что эта

© Кумченко С.К., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И., 2020

специфичность диктуется ведущей мотивацией, разнящейся у лиц-транссексуалов на разных этапах коррекции пола.

Данную гипотезу было решено эмпирически проверить. В исследовании приняли участие 151 человек-транссексуал, которые были разделены по морфологическому полу (мужчины и женщины), а также по стадиям коррекции пола: до ГТ и ХТ, на ГТ и без ХТ, на ГТ и с ХТ. Исследуемым предлагалось заполнить анкету со следующими методиками: тест Манфреда Куна «Кто Я» (модификация Тхостова, Рассказовой, 2014); методика противоречивости когнитивных убеждений (Рассказова и др., 2015). Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи компьютерной программы IBM SPSS Statistics 23.

Используемая модификация методики «Кто Я» требует не двадцати, как в оригинальном варианте, а десяти ответов на вопрос «Кто Я» по причине дополненности модификации шкалой Лайкерта для количественной оценки по разным основаниям своих идентификаций-ответов на вопрос «Кто Я?». Выделяются следующие основания для количественной оценки: валентность («Насколько Вам нравится каждый ответ?»), значимость («Насколько часто Вы думаете, вспоминаете или что-то напоминает Вам каждый ответ?»), психологическая центральность («Насколько ответ важен для Вас?»), социальное признание («Как Вам кажется, согласятся ли люди, которые Вас хорошо знают, с Вашим ответом?»). Таким образом, указанный вариант модификации теста Куна позволяет исследовать идентичность наиболее полным образом и в соответствии с современным междисциплинарным духом современных психологических исследований идентичности (Тхостов, Рассказова, Емелин, 2014). Методика противоречивости когнитивных убеждений (МПКУ) позволяет измерить валентность как собственных, так предполагаемых чужих оценок себя, мира и людей (Рассказова и др., 2015). Методика заключается в оценке себя по ряду прилагательных, что сближает МПКУ с имеющейся в патопсихологии методикой на самооценку Дембо-Рубинштейн (Рубинштейн, 2010). Таким образом, обе методики направлены на выявление отношения личности к себе, а также к социуму, где второй тип отноше-

ния отражается в оценках себя с точки зрения предполагаемых Других, что также исследовала у лиц-транссексуалов классик патопсихологии Соколова Е.Т. (Соколова, 2015). Одномерный дисперсионный анализ выявил статистические различия между группами. Его результаты планируют быть освещенными на предстоящей конференции.

*Галушкина М.С., Лебедева А.А.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

КРИЗИСНЫЕ СИТУАЦИИ В ПЕРФОРМАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАНЦОРА

В ходе своей танцевальной карьеры танцор переживает периоды нормативных кризисов, которые с одной стороны проявляются на эмоциональном уровне, а с другой, сказываются на результатах перформативной деятельности. Кризисные периоды могут выражаться как переживание субъективной остановки развития танца или могут корениться в изменениях, происходящих с личностью в ходе ее развития/изменения (см. Гришина, 2018).

Согласно подходу А.Н. Леонтьева перформативная деятельность предполагает, что личность является одновременно актором и автором танца. Осницкий и Чуйкова (1999) для описания индивидуальных стратегий преодоления кризиса предлагают «обратиться к анализу ... личностной и деятельностной осознанной саморегуляции» (с. 96). Следовательно, кризисы развития танца суть кризисы саморегуляции личности. Недавние исследования показали, что «механизмы личностной саморегуляции проявляют себя неоднородно в их связи с личностной зрелостью» (Корчагина, 2018, с.51), что

© Галушкина М.С., Лебедева А.А., 2020

позволяет предполагать специфику содержания кризисов в зависимости от того, на каком уровне развития личности находится танцор. Под кризисом в развитии личности понимается перелом, который может быть разрешен в рамках творческого жизненного мира путем реализации внутренней необходимости жизненного замысла (Василюк, 1995).

Леонтьев Д.А. (2016) выделяет несколько основных функций саморегуляции: самоопределения, реализации (в ситуациях достижения), сохранения в ситуациях стресса. Потенциал реализации способствует развитию в танце. Каждая тренировка – вызов, ситуация преодоления и исправления своих ошибок на пути к результату. Потенциал самоопределения необходим для сохранения своей целостности в процессе тренировок, понимания целесообразности изменений. Потенциал сохранения необходим в стрессовых ситуациях (н-р, выступления на турнирах).

Поскольку личность проявляется и изменяется в танце, мы можем предположить, что, исследуя речевую продукцию в ходе интервью, можно изучить содержание кризисных ситуаций танцора.

Методики

Проективный тест Неоконченных предложений Вашингтонского университета (WUSCT) (Леонтьев, 2010; Ну & Loevinger, 1996).

Дифференциальный тест перфекционизма, краткая версия (Золотарева, 2013). Полуструктурированное интервью.

Исследование проводилось с использованием метода обоснованной теории и не предполагало гипотез.

Шесть исследовательских интервью с танцорами разных направлений анализировались как отдельные случаи и соотносились с проведенными методиками. Далее был проведен общий тематический анализ, который позволил выделить несколько крупных тем, где наиболее разнообразными по смысловому содержанию оказались темы кризиса и самопреодоления.

Сообразно теме интервью кризис отмечался именно в танцевальной деятельности. Среди причин кризиса выделялись

неудачи, остановки в развитии, снижение качества танца, негативная обратная связь, высокая конкуренция, вынужденные перерывы в тренировках, а также потеря смысла танцевальной деятельности.

Подтема, касающаяся переживания кризиса, содержала высказывания, связанные с сильными эмоциями по поводу неудач и причин тех или иных состояний. Некоторыми респондентами негативные эмоции, связанные с переживанием кризиса, осознавались как ресурсные хоть и амбивалентные. Реакции на неудачу в отдельных случаях приводили к “обнулению” опыта, блокировали ресурсы прошлых побед.

Выход из кризиса сопровождался расширением временной перспективы, что становилось ресурсом укрепления веры в себя, респонденты направляли вектор трансформации в сторону будущих свершений. Некоторые респонденты сообщали об уклонении от переживания кризиса. Сохранение своего статуса-кво как сохранение своей прежней личности также может быть вариантом обращения с кризисом. Кроме того, кризис может разрешаться путем нахождения новых ресурсов вовне, либо путем разрыва отношений и аффективного отреагирования накопившихся переживаний. Возможно, кризисы респондентов могли быть сопряжены с изменением уровня развития эго, поскольку новые обстоятельства требовали перестройки системы саморегуляции, требовали ответа на них всем существом.

Литература

1. Гришина Н.В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Теория и методология психологии. 2018. Т. 8. № 2.
2. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ // Психологический журнал. 1995. Т.16. №3. С. 90–101.
3. Золотарева А.А. Дифференциальная диагностика перфекционизма // Психологический журнал. 2013. Т.34. №2. С. 117–128.
4. Корчагина А.П. Ресурсы саморегуляции на различных уровнях развития эго / выпускная квалификационная работа под руководством В.Ю. Костенко. М.: Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, 2018.

5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / Под. ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2005.

6. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы, личностный потенциал // Сибирский психологический потенциал. 2016. № 62. С. 18–37.

*Качанова П.А., Молчанова О.Н.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА В ПЕРЕЖИВАНИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА

Проблема одиночества в психологии исследуется достаточно долго, однако в наши дни не сформировано целостного понимания этого феномена. Часть исследователей описывает одиночество с негативной стороны, часть – с позитивной, предпринимаются попытки создания общей картины этого амбивалентного переживания. В работе представлена попытка эмпирического исследования экзистенциального одиночества. По результатам анализа теоретической литературы в рамках экзистенциальной психологии было сделано предположение о том, что в основе экзистенциального одиночества лежит переживание невозможности передачи Другому феноменологического опыта (НПДФО) (Лэнгле, 2002; Ялом, 1999). Качественный и феноменологические методы описания переживания экзистенциального (позитивного) одиночества широко не представлены в научной литературе. В связи с этим нам представляется необходимым изучение психологической природы переживания НПДФО. На наш взгляд, наиболее подходящими для составления психологической

© Качанова П.А., Молчанова О.Н., 2020

картины неоднозначного феномена являются качественные методы исследования.

Методологической основой нашего исследования являлась теория «Диалогического Я» «Dialogical Self Theory» (Hermans, Gieser, 2011). Нами было сделано предположение о связи протекания внутренних диалоговых процессов личности и их особенностей с особенностями переживания НПДФО. Исследовательский вопрос: Какова психологическая природа переживания невозможности передачи Другому феноменологического опыта?

Методика: Основным методом нашего исследования являлось полуструктурированное глубинное интервью. Интервью включало в себя вопросы об особенностях проживания НПДФО в жизни респондентов (частота, яркость, эмоциональное отношение, роль жизни) и об особенностях внутренней коммуникации при переживании НПДФО. Обработка текстов интервью проходила путем феноменологического анализа, предложенного А. Джорджи.

В качестве вспомогательных инструментов использовались стандартизированные методики: Шкала внутренней диалоговой активности (Астрецов, Леонтьев, 2015), Дифференциальный тест рефлексии (Леонтьев, Осин, 2014), Дифференциальный опросник переживания одиночества (Осин, Леонтьев, 2013). Выборка интервью состояла из 14 человек: 13 женщин и 1 мужчина. Возраст от 18 до 22 лет. Длительность интервью от 43 до 125 минут.

Результаты

1. Совершена попытка описания с помощью феноменологического метода внутренней, психологической картины переживания НПДФО. По результатам анализа НПДФО воспринимается людьми в двух аспектах: как постоянная, фоновая сторона жизни и как переживание, ярко возникающее в процессе межличностной коммуникации с близким Другим.

2. Одной из основных характеристик переживания НПДФО можно считать его амбивалентность. Оно может восприниматься негативно, вызывая боль, злость, обиду и т.д. или мо-

жет восприниматься позитивно, в первую очередь благодаря своей ресурсности – ресурс для ощущения собственной автономности, индивидуальности, ценности и глубины внутреннего мира.

3. У респондентов с более интенсивным внутренним диалогом и рефлексией в опыте чаще встречается переживание НПДФО и оно ярче. Также для респондентов с более интенсивным внутренним диалогом и рефлексией характерно более позитивное отношение к переживанию НПДФО, отношение к нему как к ресурсу, менее интенсивное негативное отношение к НПДФО.

4. Непосредственно в момент яркого переживания НПДФО внутренняя коммуникация респондентов чаще принимает форму монолога, крика или молчания («белый шум в мыслях», «ступор»).

После непосредственного переживания НПДФО внутренняя коммуникация чаще принимает диалогичную форму.

В ходе исследования также было замечено, что группе респондентов сложно воспринимать свою внутреннюю речь как диалог. При этом респонденты отмечают, что в их внутренней речи происходит общение разных голосов, разных сторон «Я». Однако эти респонденты склонны называть такую внутреннюю речь монологом, объясняя, что «это все Я». Мы предполагаем, что данная особенность отношения к своей внутренней речи только как к монологу требует дальнейшего исследования и может иметь тесную связь с самоотношением и самооценкой. По результатам нашего эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что интенсивный внутренний диалог и рефлексия приводят к более яркому переживанию НПДФО, но более позитивному к нему отношению, восприятию НПДФО в качестве ресурса, снижению интенсивности восприятия НПДФО с негативной стороны.

Литература

1. Леонтьев, Д.А. (2011). Экзистенциальный смысл одиночества. Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия, (2), 101–108.

2. Лэнгле А. (2002). Грандиозное одиночество. Моск. психотерап. журн, (2), 34–59.
3. Россохин, А. В., Измагурова, В. Л. (2008). Внутренний диалог и его связь с рефлексией. Вопросы психологии, (4), 13–23.
4. Ялом, И. (1999). Экзистенциальная психотерапия. М.: «Класс», 237.
5. Hermans, H. J., & Gieser, T. (Eds.). (2011). Handbook of dialogical self theory. Cambridge University Press.

*Назина Е.Д., Фам А.Х.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ОБОСНОВАННАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕЛОМНОГО ЖИЗНЕННОГО СОБЫТИЯ

Несмотря на актуальность изучения изменяющегося человека в изменяющемся мире, на сегодняшний день эта тема является недостаточно исследованной в психологии.

В частности, открытым остается вопрос о феноменологии переломных жизненных событий (ПЖС) как тех событий, в которых (и благодаря которым) происходят изменения в человеке и в его восприятии мира и себя.

ПЖС – «особый тип события, отличающийся критической важностью и вызывающий переориентацию субъекта с ассимиляции событий внешнего мира к аккомодации самого себя к этим новым, нарушающим преемственность существования событиям» (Нуркова, 2000, с. 124). Целью данного исследования было феноменологическое описание (Бусыгина, 2013) реконструированного переломного события с помощью метода обоснованной теории (А. Страусс & Дж. Корбин, 2001). Данная работа являлась поисковой, с целью создания

© Назина Е.Д., Фам А.Х., 2020

обоснованной теории, поэтому задачи формулирования гипотез «на входе» не стояло.

Метод

Главная цель метода обоснованной теории состоит в разработке теории феномена. Основные процессы – категоризация и концептуализация, соотношение которых меняется в зависимости от этапа разработки теории.

Анализ данных в обоснованной теории называется кодированием. Выделяют три типа кодирования: открытое, осевое, избирательное.

Главная цель открытого кодирования – концептуализация: разбиение данных на части, присвоение названий отдельным случаям, идеям. Далее по возможности понятия следует объединить в категории, которые впоследствии нужно будет развивать в терминах их свойств и измерений. Основная задача этапа открытого кодирования – максимально широкий сбор данных, способствующий получению максимально полной разнообразной информации о феномене.

Методика

Исследование представляет результаты этапа открытого кодирования. В соответствии с этим осуществлялась открытая теоретическая выборка – к исследованию приглашались люди, готовые принять участие в полуструктурированном интервью (С. Квале, 2006) о переломных жизненных событиях.

Общая логика интервью сводилась, с одной стороны, к постепенному углублению в рамках одного переломного события (от внешних условий к изменениям, смыслу), с другой – к выделению общей линии изменений, произошедших в результате переломных событий.

Было проведено 3 глубинных полуструктурированных интервью со средней продолжительностью 1,5 часа (женщина, 21 год, неполное высшее образование; мужчина, 22 года, неполное высшее образование; женщина, 33 года, высшее образование.) Дальнейший сбор данных был приостановлен в связи с необходимостью в анализе собранного материала, соотнесении с литературой, сужении и фокусировке исследовательского вопроса.

Результаты: обоснованная теория ПЖС

Историю переломного жизненного события можно представить в виде сменяющихся друг друга этапов. Начинается она с этапа «до» события, представленного в определенном отношении к последующему событию и его следствиям, и результатам. На основании имеющихся данных можно выделить измерение «ожидания, подготовленности, предвкушения» наступления объективного события. Следующей вехой процесса можно считать объективное событие, которое преподносится как переломное; его главной характеристикой является столкновение с чем-то новым, серьезно затрагивающим представления человека о себе или о мире. Можно выделить два вида объективных событий по тому, как они воспринимались респондентами: 1) ситуации невозможности, ограниченности и 2) ситуации сверхвозможности, свободы. В целом объективное событие может иметь измерения продолжительности, места на временной линии жизни. Оба вида переломных событий порождают, являются катализаторами процесса «переваривания», осмысления чего-то нового, несоответствующего существующей картине мира респондента. Следствием «переваривания» являются выводы человека о Я и мире, жизненные уроки. На этом же этапе, предположительно, идет формулирование нарратива, связывающего в целое новое и старое знание о мире и о Я. Глобальным результатом переломного события представляется «реализация выводов». Это, по сути, еще одно событие, череда действий и решений, но, в отличие от события «запускающего» изменения, оно полностью осознается и имеет желаемый результат.

Таким образом, мир человека меняется как будто трижды: во-первых, во внешнем плане, в связи с объективными жизненными изменениями; во-вторых, во внутреннем, меняется мир, как нечто, представленное в сознании; в-третьих, мир опять меняется во внешнем плане, и человек уже выступает в качестве полноценного субъекта этих изменений.

Дальнейшими задачами исследования станут расширение выборки и насыщение обоснованной теории.

Литература

1. Бусыгина, Н.П. (2013). Методология качественных исследований в психологии: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 302(2).
2. Квале, С. (2006). Исследовательское интервью.
3. Нуркова, В.В. (2000). Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО.
4. Корбин, Д., & Траусс, А. (2001). Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники.

Аникина М.М.,

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ПОВЫШЕНИЕ АТТРАКЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРВЬЮ

Гипотеза – аттрактивность человека повышается в процессе интервью вследствие эффекта идентификации. Проверка изменения уровня межличностной аттракции и связь с эффектом идентификации у воспринимающего объекта осуществлялась с помощью корреляционного исследования. Исследование проходило в два этапа. В первую очередь был организован констатирующий эксперимент. Испытуемые приняли участие в интервью с доктором психологических наук, профессором В.А. Петровским. После этого видео было предложено респондентам вместе с опросниками, измеряющими уровень межличностной аттракции испытуемых до и после интервью, а также наличие у респондентов идентификации с испытуемыми. Далее данные, полученные в результате эксперимента были статистически обработаны с целью выявить корреляцию.

© Аникина М.М., 2020

В качестве методов данного исследования можно выделить метод анкетирования, глубинное интервью, а также метод ранговых корреляций по Спирмену. Для измерения уровня межличностной аттракции была использована методика Уолтера, Аронсен, Абрамса и Ротман. Итак, испытуемые в моем исследовании оценивались респондентами по трем шкалам: социальное измерение (симпатия), ситуационное измерение (уважение) и физическое измерение (внешность). Им было необходимо ответить «да» или «нет» на 30 утверждений.

В то же время респондентам предлагалось ответить на вопросы о своей идентификации с испытуемым. Для измерения идентификации с испытуемым была использована адаптация методики, предложенной Д. Коэном.

В первую очередь можно заметить повышение значений аттракции каждой испытуемой после интервью. Для всех респондентов это произошло в разном объеме, но тем не менее это позволяет наблюдать феномен повышения межличностной аттракции. Для данных испытуемой 1 $r_s = 0,98$, для испытуемой 2 $r_s = 0,97$ и для испытуемой 3 $r_s = 0,98$. В данном исследовании была произведена проверка гипотезы о наличии причинно-следственной связи детерминант межличностной аттракции с идентификацией. Результаты исследования показали, что гипотеза подтвердилась – аттрактивность человека повышается в процессе интервью по сравнению с самопрезентацией, а также между привлекательностью и идентификацией существует прямая линейная зависимость.

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики 2013 Т. 10 № 4. С. 143–157.
2. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М., 1987. С. 176.
3. Джавадова Р.Р. Некоторые вопросы исследования межличностной аттракции // Вектор науки ТГУ. 2012.
4. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4.

5. Суслаков Б.А. Идентификация социальных систем. М., 1997.
6. Ядов В.Л. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3, 4.
7. Byrne D., Griffitt W. Interpersonal attraction // Annual review of psychology. 1973.
8. Cohen J. Defining Identification: A Theoretical Look at the Identification of Audiences With Media Characters// Mass Comunication & Society, 4(3), 2001.
9. Dion K. Physical attractiveness and interpersonal attraction/ Rubin Z. Love and attraction/ Oxford. 1979.
10. Dutton D., Aron A. Some evidence for heightened sexual attraction under condition of high anxiety // Journal of personality and social psychology. 1974.
11. Kaplan M., Anderson N. Information integration theory and reinforment theory as ap-proach to interpersonal attraction // Journal of Personality and Social Psychology. 1973.
12. Kiesler C, Goldberg G. Multidimensional approach to the experimental study of inter-personal attraction // Psychological reports. 1968.
13. Kemper T. A social interaction theory of emotions / T. Kemper, New York. 1978.
14. Latta R. There is method in our madness: interpersonal attraction as a multidimensional construct // Journal of research in personality. 1976.
15. Leach C.W., van Zomeren, M., Zebel S., Vliek, M. L. W., Pennekamp, S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., & Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-Investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // Journal of Personality and Social Psychology, 95(1), 144–165.
16. Martin L, Seta S. Perception of unity and distinctiveness as determinants of interperson-al attraction// Journal of personality and social psychology. 1983.
17. McCroskey J., McCain T. The measurement of interpersonal attraction. 1972.
18. Segal M. Alphabet and attraction: an unobtrusive measure of the effect of propinquity in a field setting // Journal of personality and social psychology. 1974.

19. Tesser S. Evaluative and structural similarity of attitudes as determinants of interpersonal attraction // Journal of personality and social psychology. 1971.
20. Touhey J. Interpersonal congruency, attitude similarity and interpersonal attraction // Journal of research in personality. 1975.

*Эпельман А.М., Фам А.Х.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ВЫБОРЫ РАЗНОГО СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА: ОСНОВНЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ

Современному миру присуща высокая степень неопределенности, при этом вариативность возможностей выбора постоянно увеличивается. В связи с этим все чаще люди сталкиваются с проблемой качества своего выбора, а сам феномен становится объектом исследования в современной психологии (Леонтьев и др., 2015). Д.А. Леонтьев определяет выбор как внутреннюю деятельность, обладающую сложной внутренней структурой и динамикой (Леонтьев, 2014а), определяющуюся личностью и определяющую ее (Леонтьев, 2014б). В рамках этого подхода выбор – это процесс, который конструируется выбирающим и неизмерим объективно. Чтобы получить «портрет» этого конструирования, необходимо обратиться к субъективному отношению выбирающего к своему выбору, по сути, к субъективному качеству выбора (Леонтьев, 2014б). Исходя из вышесказанного, можно предположить, что выборы разного субъективного качества различаются в процессе конструирования.

© Эпельман А.М., Фам А.Х., 2020

Таким образом, нами была выдвинута гипотеза о том, что показатели по параметрам конструирования выборов субъективно высокого (ВК) и субъективно низкого (НК) выбора различаются. Кроме того, мы также выдвинули гипотезу о том, что связи между этими параметрами для выборов ВК и НК также будут различаться.

Для проверки гипотез было организовано исследование, в ходе которого респондентам ($N = 575$, $m = 130$, $f = 440$, $oth = 5$) предлагалось вспомнить и описать две ситуации выбора: одного ВК и одного НК; затем для каждой ситуации выбора заполнялся опросник «Субъективное качество выбора» (СКВ) (Фам, 2015; Leontiev et al., 2015), содержащий 4 шкалы: основательность, эмоциональный знак, самостоятельность и удовлетворенность итогом выбора. Нами был использован t -критерий Стьюдента с целью сравнения значений по каждой из четырех шкал опросника СКВ для выборов ВК и НК. Значимые (на уровне $p < 0,05$) различия, при которых средние значения для выбора ВК оказались выше, были обнаружены по следующим параметрам СКВ: основательность, эмоциональный знак, удовлетворенность, но не по параметру самостоятельности ($p = 0,06$). Таким образом, был реплицирован результат, полученный в предыдущем нашем исследовании на меньшей выборке (Меньщикова, Фам, 2019).

С целью исследования связи между шкалами ВК и НК был произведен корреляционный анализ ($p < 0,01$). Для выборов любого субъективного качества была обнаружена связь параметра удовлетворенности с параметрами основательности ($r = ,239$ для ВК и $r = ,349$ для НК), эмоционального знака ($r = ,543$ для ВК и $r = ,360$ для НК) и самостоятельности ($r = ,248$ для ВК и $r = ,173$ для НК). Такая же связь была обнаружена между параметрами эмоционального знака и самостоятельности ($r = ,306$ для ВК и $r = ,280$ для НК). Еще одна связь была обнаружена между параметрами эмоционального знака и основательности НК ($r = -,141$).

Выдвинутые нами гипотезы подтвердились частично. Полученные результаты позволяют утверждать, что конструирование выборов разного субъективного качества действительно имеет ряд различий, однако в целом скорее совпадает.

Литература

1. Леонтьев, Д.А. (2014а). Психология выбора. Часть I. За пределами рациональности // Психологический журнал, 35(5), с. 5–18.
2. Леонтьев, Д.А. (2014б). Психология выбора. Часть II. Личностные предпосылки и личностные последствия выбора. В кн: Психологический журнал, 35(6), с. 56-68.
3. Леонтьев, Д.А., Овчинникова, Е.Ю., Рассказова, Е.И., Фам, А.Х. (2015). Психология выбора. М.: Смысл.
4. Меньщикова, А.А., Фам, А.Х. (2019). Основные различия выборов разного субъективного качества. В кн: Актуальные проблемы психологической науки: Сборник статей и выступлений международной научной конференции (г. Москва, 10-12 мая 2018 г.) / Под ред. Горбуновой Е.С., с. 244-246.
5. Фам, А.Х. (2015). Индивидуальные особенности выбора в ситуациях различной значимости: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. Москва.
6. Leontiev, D., Fam, A., Osin, E., Ovchinnikova, E. (2015). The Subjective Quality of Choice Technique: Qualitative Dimensions of Choice as a Self-orientation Activity / Издательский дом Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики". Series WP BRP «PSYCHOLOGY», 45.

Феоктистова А.А., Лебедева А.Н.,

*Национальный Исследовательский Университет
«Высшая школа экономики»*

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА РУМИНАЦИИ

По данным ВОЗ к 2015 году диагноз депрессия был поставлен 322 миллионам людей по всему миру, что составило 4,4% населения Земли [WHO, 2017]. Лишь четверть диагно-

© Феоктистова А.А., Лебедева А.Н., 2020

стированных людей имеет исключительно одно расстройство (мономорбидность), в то время как остальные три четверти имеют коморбидные расстройства, т.е. состояния смешанные с тревожностью, посттравматическим стрессовым расстройством и симптомами руминации.

Наш интерес привлек именно феномен руминации (повторяющееся, возвращающееся, навязчивое мышление [Brinker & Dozois, 2009]), поскольку он признается основным фактором, поддерживающим и усиливающим симптомы депрессии [см. Nolen-Hoeksema et al., 2008]. На сегодняшний день руминация рассматривается в научной и клинической среде исключительно как негативный феномен и только в контексте депрессивных и тревожных расстройств. Однако тем самым упускается сама суть данного феномена – его функциональный смысл и задачи в человеческой психике. За рамками системного анализа остаются исследования, которые обнаруживают позитивную роль руминации в переживании опыта психологической травмы. Иными словами, выход за рамки негативного толкования феномена открывает широкие перспективы для переосмысления руминации в современной психологии. Мы основывались на постулатах эволюционной психологии [Durisko et al., 2016], с точки зрения которой исключительно отрицательно влияющих на человека психических процессов не существует, так как все они служат для адаптации организма к изменяющейся окружающей среде. Уже начинают появляться исследования [Watkins, Teasdale, 2001; Watkins, Moulds, 2005; Watkins, 2008; Aldao et al., 2010; Vine et al., 2014], выявляющие положительную связь руминации с саморегуляцией, эмоциональной ясностью и посттравматическим ростом, однако эти исследования слишком разрозненны и не имеют единой методологической базы, что не позволяет в полной мере раскрыть функциональный смысл изучаемого нами феномена. В связи с этим целью нашей работы было изучение руминации как многогранного феномена, обладающего адаптивными и дезадаптивными особенностями.

Отсутствие валидных и надежных русскоязычных инструментов, измерения руминации поставило перед нами

необходимость поиска адекватного инструмента измерения. Нами был выбран опросник «Руминативного стиля мышления» Бринкера и Дезуа [Brinker & Dozois, 2009], т.к. он имеет хорошие психометрические показатели и измеряет руминацию вне зависимости от триггера, времени и содержания, но непосредственно как тип мышления. Для адаптации опросника “Руминативного стиля мышления” нами были привлечены три эксперта, имеющие опыт перевода и адаптации психодиагностических инструментов, которые осуществили процедуру перевода опросника на русский язык, а также обратный перевод на английский язык. Полученная адаптация показала высокую надежность (α Кронбаха = 0,895) и стабильность во времени при повторном измерении. Корреляционный анализ позволил получить доказательства конвергентной и дискриминантной валидности опросника, а именно: руминативный стиль мышления оказался позитивно связан со шкалами интроспекции и квазирефлексии дифференциального теста рефлексии, со шкалами нейротизма и доброжелательности опросника Большой пятерки, показателем общего здоровья (дистресса) и негативно – со всеми субшкалами теста самообладания; показателем субъективного здоровья и удовлетворенностью жизнью.

Разработанный инструмент показал свою пригодность для использования, что позволяет проводить исследования руминации на русскоязычной выборке, а также применять его в клинических обследованиях. С его помощью можно продолжать работу над изучением руминации не только как негативного, но и как адаптивного феномена, играющего важную роль в человеческой психике.

Литература

1. Aldao A., Nolen-hoeksema S., Schweizer S. Clinical Psychology Review Emotion-regulation strategies across psychopathology : A meta-analytic review // Clin. Psychol. Rev. 2010. Vol. 30. № 2. P. 217–237.
2. Brinker J.K., Dozois D.J.A. Ruminative Thought Style and Depressed Mood // 2009. Vol. 65. № 1. P. 1–19.

3. Durisko Z. et al. Using evolutionary theory to guide mental health research // Can. J. Psychiatry. 2016. Vol. 61. № 3. P. 159–165.
4. Nolen-Hoeksema S., Wisco B.E., Lyubomirsky S. Rethinking Rumination // 2008. Vol. 3. № 5. С. 400–424.
5. Vine V., Aldao A., Nolen-hoeksema S. Chasing Clarity : Rumination as a Strategy for Making Sense of Emotions // 2014. Vol. 5. № 3. P. 229–243.
6. Watkins E., Teasdale J. Rumination and overgeneral memory in depression: Effects of self-focus and analytic thinking. , 2001. P. 353–357.
7. Watkins E., Moulds M. Distinct modes of ruminative self-focus: Impact of abstract versus concrete rumination on problem solving in depression, 2005. P. 319–328.
8. Watkins E.R. Constructive and Unconstructive Repetitive Thought // 2008. Vol. № 2. P. 163–206.
9. World Health Organization. World Health Organization Report – Depression and Other Common Mental Disorders: Global Health Estimates // World Heal. Organ. 2017. 1–24.

Дурнева Д.С.,

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОТРАЖЕНИЯ ОПЫТА ПЕРЕЖИВАНИЯ ВОЙНЫ В НАРРАТИВЕ У БЫВШИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЗНИКОВ ФАШИЗМА

Изучение автобиографических нарративов бывших несовершеннолетних узников фашизма постоянно ставит перед исследователем новые вопросы и задачи, предполагает внимание ко многим аспектам этого сложного опыта. Актуаль-

© Дурнева Д.С., 2020

ность настоящего исследования определяется, прежде всего, теоретическими и практическими вызовами, которые предъявляет психологической науке уходящая эпоха со своей особой спецификой, отразившей в жизненном опыте людей, родившихся в 1930-е – 1940-е годы. Сейчас у исследователей остается последняя возможность обратиться к изучению опыта тех, кто пережил в детстве такие беспрецедентные события середины XX века, имеющие значение для жизни всех последующих поколений, как Вторая мировая война и Холокост [Ушакин, 2009].

Целью исследования являлось изучение и описание переживания свободы и достоинства и отражение этого переживания в автобиографическом нарративе у бывших несовершеннолетних узников фашизма.

Однако в процессе работы нам необходимо было разобраться и с особенностями переживания непосредственно травматического опыта войны, способами говорить об этом опыте. Гипотеза исследования: опыт переживания войны в детстве по-прежнему находит отражение в Я-концепции и автобиографическом нарративе у бывших несовершеннолетних узников фашизма, «детей Блокады» и «детей войны» на территории бывшего СССР с сохранением признаков травматической реакции. Частная гипотеза состояла в том, что это происходит ввиду преобладающего «героического нарратива» [Ассман, 2018] о войне в культуре и памяти послевоенного СССР и отсутствия возможности преодоления травматического опыта жертв в рамках такого «способа помнить».

Методы исследования включают в себя феноменологический интерпретационный анализ [Квале, 2003] ранее собранных интервью, а также анализ текстов полуструктурированных феноменологических интервью с бывшими несовершеннолетними узниками фашизма, собранных мной самостоятельно.

Эмпирическая база исследования представлена бывшими несовершеннолетними узниками фашизма, под которыми, согласно указу президента РФ, понимаются бывшие заключенные концентрационных лагерей, гетто и других мест принудительного заключения, созданных фашистами и их союз-

никами, которым на момент заключения было от 3-4 до 18 лет (3 человека) [Указ Президента РФ №1235 от 15 октября 1992 года]. Во вторую группу респондентов вошли люди, пережившие в детстве Блокаду Ленинграда (3 человека), а в третью – те, кто пережил войну в эвакуации, а также в тех районах страны, где не велись боевые действия (4 человека).

В результате интерпретативного феноменологического анализа были выявлены, в том числе, такие признаки травматической реакции, как повторяющиеся сновидения, воспоминания «...да вот даже сейчас этот звук в ушах стоит» (Ж, 82 г., узники фашизма), переход рассказа о наиболее ярких моментах в настоящее время (для попытки как можно точнее передать собеседнику происходящее, будто бы и он «непосредственно видит» описываемые события), яркая эмоциональная реакция, повторение слов «...это было ужасно, ужасно.. ужасно, потом ночи не спишь» (Ж, 82 г., узники фашизма), слезы, плач в момент рассказа и т.д.

Однако также было обнаружено, что эмоциональный отклик респондентов вызывает не столько вопрос и рассказ об опыте переживания войны, сколько разговор о своем социальном статусе и месте этого опыта в общем современном нарративе о прошлом: «Мне как-то с райсобеса позвонили, говорят, все какие-то документы надо собрать, –говорю, не могу – не ходячая. Они говорят, может дочка придет, или что, и потом затихло, – мы тогда сообщим к вам, пришлем эту карточку, – ничего нет, так и все. Я думала, может быть, кто-то посмеялся надо мной, и все» (Ж, 82 г., узники фашизма); «... дали ему там кружку, написано прямо так: «дети войны». А мне сказали: «а тебе потом дадим». Мы потом с ним смеялись: «ты дите войны, а я – не дите»» (Ж, 78 л., тыл). Эти выводы позволяют предположить, что одним из ключевых переживаний, отражающихся в нарративе о войне, является переживание опыта отношения современного общества к той реальности, которую пережили в детстве ее свидетели, то есть опыт конструирования некоей социальной реальности, в которой они находятся. Эта гипотеза предполагает, что исследования в этой области будут продолжаться, раскрывая новые аспекты этого сложного опыта и тех способов говорить о нем, которые у нас существуют.

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. М.: НЛО, 2018. 328 с.
2. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
3. Травма: пункты: Сборник статей / Под ред. С. Ушакина. М.: 2009. 936 с.

*Шаяфетдинова Р.Р., Сагова З.А.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРАХА У СПОРТСМЕНОВ В ПРЕДСОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КЕРЛИНГА)

Спортивная деятельность отличается сильными и яркими эмоциональными переживаниями. Вне эмоций спорт немислим. Насыщенность спортивных действий сильными чувствами, их эмоциональная увлекательность – это одно из важнейших условий положительного влияния спорта на личность человека [4]. Вместе с тем эмоциональные переживания в спорте могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на органические процессы и поведение человека [1]. В разных видах спорта спортсмены сталкиваются с необходимостью преодолевать постоянно возникающие стрессовые ситуации. Решающую роль в достижении высоких результатов играют личные качества спортсмена, его психологические возможности преодоления сложных спортивных ситуаций, являющихся источниками высокой напряженности, тревоги и страхов. Спортсмены разных видов спорта могут испытывать различные виды страхов, связанные

© Шаяфетдинова Р.Р., Сагова З.А., 2020

с особенностями деятельности и индивидуальными качествами [2]. Целью работы являлось изучение психологических особенностей страха у спортсменов-керлингистов в предсоревновательный период.

Гипотеза: у спортсменов-керлингистов уровень страха в предсоревновательный период связан с их индивидуальными характеристиками (стаж, возраст, спортивное звание, разряд).

В работе использовались следующие методики: Страх спортсменов (Е.В. Мельник, Е.В. Воскресенская) и Методика самооценки Дембо-Рубинштейн. Выборку составили 50 спортсменов – керлингистов женского пола в возрасте от 14 до 25 лет, имеющих спортивные разряды и звания (1–3 взрослые разряды, кандидат в мастера спорта, мастер спорта). Для проверки гипотезы проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента r -Спирмена. В результате обнаружена умеренная отрицательная связь между возрастом и страхами спортсменов ($R = -0,296$, $p < 0,05$), в то же время страхи испытывают спортсмены с любым стажем, спортивными званиями и разрядами. Гипотеза подтверждена частично. Выявлены основные виды страхов и частота их проявления в спортивной деятельности. В керлинге наиболее часто переживаются следующие страхи (по убыванию частоты выбора респондентов): страх подвести партнера (товарища по команде); опоздать на тренировку или соревнования; опозориться; ответственности за результаты выступления; не выполнить задание тренера (не справиться с поставленной задачей); плохого (грубого) отношения тренера или товарищей по команде; потери уверенности в достижении поставленных целей; получения травмы; допустить ошибку.

Полученные результаты созвучны с выводами Б. Кретти, согласно которому тревожность и страхи спортсменов, связанные с ожиданиями неодобрения значимых людей в случае проигрыша или потерей престижа, наблюдаются чаще, чем опасения получить травму [3].

Таким образом, анализ страхов, которые испытывает спортсмен – керлингист как в предсоревновательный период, так и на ответственных соревнованиях показывает, что они

разнообразны; переживание страха может существенно влиять на эмоциональное и физическое состояние спортсмена, что отражается на результативности всей команды. Согласно полученным результатам, спортсмены подвержены переживанию страхов независимо от спортивных званий и разрядов или стажа. Можно предполагать, что переживание страха зависит от индивидуальных особенностей человека, его характера и стрессоустойчивости. Мастера спорта нередко испытывают больше волнений, чем спортсмены, имеющие 1 разряд. Это может быть связано с тем, что они осознают свою ответственность перед командой, тренером и самим собой в полной мере. Соответственно, для снижения проявления страхов в предсоревновательный или соревновательный периоды целесообразно проводить психологическую работу со спортсменами. Такая работа состоит в том, чтобы: развивать волевые качества, обеспечивать спортсмена перед соревнованиями необходимой информацией для принятия решений; формировать адекватную самооценку; развивать эмоциональную устойчивость; сбалансировать уровень притязаний с возможностями спортсмена; обеспечивать страховку при выполнении упражнений и эмоциональную поддержку перед стартом.

Литература

1. *Аболин Л.М.* Психические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Казань: изд-во КазГУ, 1987. – 136 с.
2. *Воскресенская Е.В.* Психология страха и тревоги в спортивной деятельности (теория и практика): методические рекомендации – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 53 с.
3. *Кретти Б.Дж.* Психология в современном спорте / Б.Д. Кретти. – М.: Физкультура и спорт, 1978. – 224 с.
4. *Писаренко В.М.* Роль психики в обеспечении эмоциональной устойчивости человека // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 1. С. – 62.

**Психология
развития
и образования**

*Кожевникова А.О., Пятакова Г.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет*

РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К БОЛЕЗНИ РЕБЕНКА КАК ФАКТОР СОВЛАДАНИЯ В СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ У ПОДРОСТКОВ С ИДИОПАТИЧЕСКИМ СКОЛИОЗОМ

Идиопатический сколиоз (ИС) – трехмерная деформация позвоночника неясной этиологии. Лечение тяжелой степени ИС предполагает операцию и длительный реабилитационный период. Заболевание создает для подростка трудную жизненную ситуацию, связанную с психологической дезадаптацией, в качестве проявления которой мы рассматриваем симптомы посттравматического стресса (ПТС). Важной составляющей трудной жизненной ситуации подростков с ИС являются детско-родительские отношения. На этапах медицинской реабилитации матери подростков с ИС становятся активными участниками восстановительного лечения, осуществляя уход за подростком после перенесенной операции, оказывая ему эмоциональную поддержку. Можно предположить, что особенности отношения матери к болезни ребенка связаны с использованием им различных механизмов совладания в ситуации заболевания.

Цель исследования – изучение механизмов совладания у подростков в трудной жизненной ситуации, связанной с тяжелым ортопедическим заболеванием (ИС) в контексте отношения матери к болезни ребенка.

Основная гипотеза исследования – гармоничное отношение матери к заболеванию ребенка связано с менее выраженными симптомами ПТС у подростка и использованием более зрелых способов совладания.

В исследовании приняли участие 19 пар, подростки (12-17 лет) с диагнозом «Идиопатический сколиоз» (М041), проходившие лечение в НИДОИ им. Г.И. Турнера, и их матери. Обследование проводилось на этапе подготовки к операции, индивидуально.

© Кожевникова А.О., Пятакова Г.В., 2020

Диагностические методики

Для подростков:

- полуструктурированное интервью для оценки травматических переживаний детей и подростков (Н.В. Тарабрина),
- опросник копинг-стратегий Амирхана (адапт. Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский),
- опросник для идентификации защитных механизмов «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик-Келлерман, адапт под рук. Л.И. Вассермана)

Для родителей:

- родительская анкета для оценки травматических переживаний детей и подростков (Тарабрина Н.В.)
- методика диагностики отношения к болезни ребенка (Каган В.Е., Журавлева И.П.).

Статистический анализ проведен с использованием t-критерия Стьюдента и коэффициента корреляции Пирсона.

Было проведено сравнение выраженности проявлений ПТС у больных подростков, полученных по результатам опроса подростков и их матерей. Матери оценивают выраженность травматических переживаний у своих детей ниже, чем сами подростки (при $p < 0,01$). Вероятно, недооценка выраженности ПТС у подростка со стороны матери может восприниматься им как недостаточность эмоциональной поддержки со стороны семьи. При этом наши исследования показали, что воспринимаемая социальная поддержка со стороны семьи для подростков с ИС выступает ресурсом совладания в ситуации болезни. [1]

Были проанализированы корреляционные связи характеристик отношения матерей к болезни ребенка и выраженности симптомов ПТС с точки зрения самого подростка, напряженности защитных механизмов и частоты использования копинг-стратегий. Показатель интернальности у матери положительно связан с симптомами избегания (критерий С) у подростка и использованием проекции в качестве психологической защиты (при $p < 0,05$). Результаты по шкале «Контроль активности» отрицательно связаны с выраженностью гипервозбуждения (критерий D) (при $p < 0,05$). Тревога, кон-

троль активности (при $p < 0,05$) и общий показатель отношения к болезни ребенка (при $p < 0,01$) положительно связаны с частотой использования подростком копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки».

Таким образом, изначальная гипотеза не подтвердилась: с более выраженными симптомами ПТС и использованием неэффективных способов совладания связана только интернальность матери, переживание ею чувства вины по отношению к заболеванию ребенка. При этом более значительные ограничения активности подростка, проявление тревоги со стороны родителей в ситуации заболевания, возможно, выглядят как забота и поддержка, приводя к использованию более эффективных способов совладания и менее выраженным симптомам психологической дезадаптации. Однако зависимость от родителей вступают в противоречие с возрастными задачами подросткового периода, в котором формируется чувство взрослости, автономности и ответственности за свою жизнь. Со стороны матери потребность ребенка в постоянно заботе может препятствовать развитию представления о нем как взрослеющем человеке, способном принимать самостоятельные решения. Необходимо изучение отдаленных последствий наблюдающихся явлений, чтобы понять вероятность, с которой они приведут к развитию дисгармоничных детско-родительских отношений в постоперационном периоде.

Литература

1. Кожевникова, А.О., Пятакова Г.В. (2019) Совладание у подростков с ортопедически-ми заболеваниями в ситуации госпитализации. Материалы V международной научной конференции «Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благо-получие» (принято к публикации)

*Судакова Л.В., Чеботарева Е.Ю.,
Московский государственный
психолого-педагогический университет*

ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В БИНУКЛЕАРНЫХ СЕМЬЯХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ РЕБЕНКА ОТ ПРЕДЫДУЩЕГО БРАКА

Супруги в бинуклеарных семьях сталкиваются со множеством психологических трудностей, многие из них обусловлены наличием детей от предыдущих браков, которые представляются неким «камнем преткновения» в отношениях супругов. Эти семьи имеют более «сложную картину» развития, т.к. между бывшими супругами сохраняется совместное исполнение родительских ролей. Исследования детско-родительских отношений в таких семьях (Аргентова, Колотилина, 2013, Ворошила, 2017) подтверждают, что именно дети от предыдущего брака являются одним из факторов, оказывающих влияние на характер взаимоотношений супругов в повторном браке (Курносова, 2017). Эти дети занимают значимую роль и выступают полноправной третьей стороной в отношениях между ними. Кроме того, место проживания ребенка, от предыдущего брака может быть одним из определяющих критериев качества отношений между супругами.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что у супругов в бинуклеарных семьях, проживающих совместно с детьми от предыдущего брака, в отличие от супругов, проживающих отдельно от детей от предыдущего брака, ниже степень удовлетворенности браком и уровень взаимопонимания, и выше уровень конфликтности и деструктивности разрешения конфликтов. Для проверки этой гипотезы было проведено пилотажное эмпирическое исследование с целью определить характер связи между отношениями супругов в бинуклеарных семьях с местом проживания детей от предыдущего брака.

В исследовании принимали участие 33 человека (в возрасте от 28 до 50 лет), состоящих в повторном браке более года (официальном или гражданском), имеющих детей (в возрасте до 10 лет) от предыдущего брака.

Методики исследования: «Типовое семейное состояние» (Эйдемиллер, Юстицкис, 2008); «Общение в семье» (Сизанов, 2001); «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Карелин, 2001). Для математико-статистической обработки данных применялся непараметрический критерий U-критерий Манна-Уитни.

В ходе исследования было выявлено, что у респондентов, проживающих совместно с детьми от предыдущего брака, уровень удовлетворенности семейными отношениями ($M = 10,95$) ниже, чем у респондентов, проживающих раздельно с детьми от предыдущего брака ($M = 16,14$), ($U = 51$, $p = 0,001$); уровень семейной тревожности у респондентов, проживающих совместно с детьми ($M = 13,00$) выше, чем у проживающих раздельно ($M = 7,53$) ($U = 71,5$, $p = 0,01$), уровень нервно-психического напряжения также выше, соответственно $M = 19,0 / 14,21$ ($U = 44,5$, $p = 0,001$). Также, обнаружено, что в зависимости от места проживания детей от предыдущих браков в бинуклеарных семьях различаются стратегии поведения супругов в конфликтных ситуациях, касающихся воспитания детей, нарушения ролевых ожиданий, рассогласования норм поведения, доминирования одним из супругов, расхождения в отношении к деньгам. При этом, для респондентов, проживающих совместно с детьми от предыдущего брака, характерен более деструктивный стиль поведения в конфликтных ситуациях, чем для проживающих раздельно: в сфере воспитания детей ($M = -0,41/0,29$; $U = 80$, $p = 0,03$), нарушения ролевых ожиданий ($M = -0,9/ -0,04$; $U = 60,5$, $p = 0,01$), рассогласования норм поведения ($M = -0,41/0,42$; $U = 66$, $p = 0,01$), доминирование одним из супругов ($M = -0,80/ -0,07$; $U = 77$, $p = 0,03$), расхождения в отношении к деньгам ($M = -0,75 /0,14$; $U = 70$, $p = 0,01$). По результатам исследования можно сделать следующие выводы, что у супругов в бинуклеарных семьях, проживающих совместно с детьми от предыдущего брака в отличие от супругов, проживающих отдельно от таких детей, выше степень

общей неудовлетворенности, уровень нервно-психического напряжения и семейной тревожности, как выше и уровень конфликтности и деструктивности разрешения конфликтов. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в практике семейного консультирования с целью повышения уровня оказываемой помощи в выстраивании взаимоотношений супружеским парам в бинуклеарных семьях независимо от места проживания детей от предыдущего брака.

Литература

1. *Аргентова, Т.Е., Колотилина, В.В.* (2013). Особенности детско-родительских отношений в семьях повторного брака. Вестник Кемеровского государственного университета. 4-1, 102–106.
2. *Ворошилина, И.В.* (2017). Психологический портрет семьи повторного брака. Психология семьи в современном мире. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 105-110.
3. *Сизанов А.Н.* (2001). Познай себя: Тесты, задания, тренинги, консультации. Минск: Полымя.
4. *Карелин, А.А.* (2001). Психологические тесты. Москва: ВЛАДОС.
5. *Курносова, Л.С.* (2018) Повторные браки в экосистеме семьи. Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. 3, 121-126.
6. *Эйдемиллер, Э.Г., Юстицкис В.* (2008). Психология и психотерапия семьи. СПб: Питер.

Гижицкий В.В.,

*Первый московский государственный медицинский
университет имени И.М. Сеченова
(Сеченовский университет)*

Негрий В.А.,

*Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ, ПРЕДРАСПОЛОЖЕННЫХ К НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основной целью второго исследования стало выявление студентов, предрасположенных к научной деятельности, и сравнение их с другими студентами по ряду психологических характеристик (по показателям депрессии и мотивационной сферы).

В исследовании приняло участие 73 студента, все они прошли батарею следующих методик:

- опросники на выявление уровня беспокойства: the penn state worry questionnaire и GAD-7;
- опросники на депрессию – опросник Зунга и PHQ-9;
- шкала внутренних и внешних жизненных целей (Т.Кассер, Р. Райан);
- незаконченные предложения;
- ориентировочная анкета Басса

Достижение цели по выявлению психологических особенностей студентов склонных к научной деятельности включало три этапа:

На основании результатов, полученных по шкале внутренних и внешних целей (Т. Кассер, Р. Райан) необходимо было выявить кумулятивный показатель целей, связанных с научной деятельностью. Для решения данной задачи был

произведен расчет среднего по шкалам важности научной деятельности (для студента), вероятности достижения в ней успеха и субъективной оценки студента своих достижений в науке.

С помощью методов описательной статистики (квартили) были выявлены 13 студентов с высокими по кумулятивному баллу целей научной деятельности. Эту группу студентов мы обозначили как студентов, предпочитающих научную деятельность (ПНД).

В рамках третьего этапа проводилось сравнение двух групп студентов по психологическим характеристикам с помощью t-критерия.

Сравнение по показателям на беспокойство: студенты с высокими показателями по кумулятивному баллу испытывают меньшую тревогу, чем остальные студенты (опросник the penn state worry questionnaire – значимые результаты, GAD-7 – на уровне тенденции). Студенты, предпочитающие научную деятельность, меньше, чем остальные студенты склонны испытывать и переживать чувство беспокойства и тревоги. Сравнение по показателям на депрессию: студенты с высокими показателями по кумулятивному баллу испытывают меньшую тревогу, чем остальные студенты (PHQ – 9 – значимые результаты). По опроснику Зунга наоборот (значимых различий нет). Интересно отметить, что при качественном анализе данных, полученных опросником Зунга: самые высокие показатели по депрессии имели те же студенты, что попали в высокие показатели опросника PHQ – 9. Студенты, предпочитающие научную деятельность, меньше, чем остальные студенты склонны к депрессивным переживаниям.

Сравнение по показателям на мотивацию: студенты с высокими показателями по кумулятивному баллу (предпочитающие научную деятельность) имеют более высокие показатели по внутренним мотивам и идентифицированной регуляции, а также более низкие по экстернальной регуляции и амотивации (значимые результаты).

Сравнение по шкале внутренних и внешних жизненных целей (Т. Кассер, Р. Райан): студенты, предпочитающие научную деятельность, имеют значимо более высокие результаты

по шкалам: помощь людям, личностный рост, физическое здоровье, социальное признание. В целом по графику можно отметить, что у этих студентов показатели выше по всем пунктам.

Выводы

Студенты, предпочитающие научную деятельность, и остальные студенты различаются по психологическим характеристикам:

Студенты, предпочитающие научную деятельность, меньше, чем остальные студенты склонны испытывать и переживать чувство беспокойства и тревоги.

Студенты, предпочитающие научную деятельность, меньше, чем остальные студенты склонны к депрессивным переживаниям.

Студенты, предпочитающие научную деятельность, имеют более высокие показатели по внутренним мотивам и идентифицированной регуляции, а также более низкие по экстернальной регуляции и амотивации.

Студенты, предпочитающие научную деятельность, имеют значимо более высокие результаты по шкалам: помощь людям, личностный рост, физическое здоровье, социальное признание.

Литература

1. Гижицкий В.В., Гордеева Т.О. Мотивация самоуважения и уважения другими как факторы академических достижений и настойчивости в учебной деятельности // Психологический журнал /2016. – Т. 37, № 2. – С. 57–68.
2. Гижицкий В.В., Гордеева Т.О. Стратегии учебного поведения как медиаторы влияния мотивов на академические достижения // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – Т. 2, № 65. – С. 253–259.
3. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology, 2008b. – V. 49. – P. 182–185.

*Гаркуша Т.А., Смирнов А.А.,
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова*

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА

Проблема коррекции мотивации учебной деятельности в школьном возрасте является одной из самых важных в психолого-педагогической практике. На настоящем этапе развития существует тенденция к снижению школьной мотивации у подростков в целом, что влечет за собой низкие показатели воспитанности и образованности выпускников многих школ. Такая ситуация в области обучения и воспитания учеников происходит из-за отсутствия у школьников достаточно сформированных мотивов к получению качественного образования. Проблемы мотивации и мотивов освещаются в трудах отечественных и зарубежных психологов: В.Г. Асеев, Е.П. Ильин, В.И. Ковалев, К. Левин, А.Н. Леонтьев, Г.Ф. Ломов, А. Маслоу, Л. Рубинштейн, Б.А. Сосновский и другие.

Проблема коррекции учебной мотивации находится на стыке обучения и воспитания, что обращает внимание психолога не только на осуществляемую учеником школьную деятельность и его успехи в усвоении и приобретении знаний, но на трансформацию личности школьника в период учебы. И если мы говорим об обучающихся с особенностями здоровья, то важно понимать, что процесс обучения в данном случае затруднен независимо от самих обучающихся, и зачастую именно по этой причине у школьников может развиваться нежелание прилагать усилия для того, чтобы получать знания. При нежелании учиться недостаточно просто констатировать этот факт, нужно стараться выяснить причины и факторы, которые влияют на формирование его школьной мотивации и вследствие скорректировать их таким образом, чтобы снизить нежелательное влияние на ребенка и помочь

© Гаркуша Т.А., Смирнов А.А., 2020

повысить познавательную активность. Проблеме коррекции учебной мотивации были посвящены работы таких авторов как Г.И. Шукина, Ю.Н. Кулюткин, В.С. Ильина, Р.А. Жданова, Г.С. Сухобская. Однако вопрос психологической коррекции учебной мотивации в отношении школьников с нарушениями слуха мало и недостаточно изучен в отечественной и зарубежной психологии и педагогике, но в связи с тенденциями к развитию инклюзивного образования, очень актуален на данный момент. Практика показывает, что в сфере инклюзивного образования проблема требует большей ориентации на практическую сторону проблемы.

Полученные нами данные могут быть использованы психологами, педагогами и специалистами, работающими с детьми с нарушением слуха в целях психологической коррекции учебной мотивации школьников.

Целью работы является исследование средств психологической коррекции учебной мотивации школьников с нарушениями слуха.

Объектом исследования является учебная мотивация школьников с нарушением слуха. Предметом исследования являются психологические средства коррекции учебной мотивации школьников с нарушениями слуха. Методы исследования:

Школьный тест умственного развития «ШТУР». Форма Б (К.М. Гуревич, М.К. Акимова, Е.М. Борисова, В.Г. Зархин, В.Т. Козлова, Г.П. Логинова);

Методика «Диагностика структуры учебной мотивации школьника» (М.В. Матюхина);

Методика Ш. Шварца на изучение ценностей личности;

Методика для диагностики учебной мотивации школьников (методика М.В. Матюхиной в модификации Н.Ц. Бадмаевой);

Авторская анкета (Т.А. Гаркуша).

В ходе проделанной теоретической и практической работы мы пришли к следующим основным выводам:

1. Ведущими типами учебных мотивов у школьников с нарушениями слуха являются коммуникативные мотивы, мотивы саморазвития и самоактуализации, мотивы аффилиации и мотивы благополучия.

2. Коммуникативные мотивы положительно взаимосвязаны с ценностью «самостоятельность» на уровне индивидуальных предпочтений, познавательные мотивы связаны с общим уровнем умственного развития, а также с уровнем успешности ученика.

Так же коммуникативные мотивы имеют прямую взаимосвязь с ценностью «достижение», внешние мотивы положительно взаимосвязаны с ценностями «безопасность», «доброта» и «стимуляция».

В результате проведенной работы по психологической коррекции учебной мотивации школьников с нарушениями слуха в ходе развивающих занятий у экспериментальной группы повысился уровень выраженности мотивации интереса к процессу учения и позиции школьника, появились положительные значимые различия в таких видах мотивов, как: познавательные, коммуникативные, мотивы достижения, долга и ответственности, аффилиации.

Уровень успешности в обучении в результате проведения развивающих занятий у экспериментальной группы школьников с нарушениями слуха возрос.

Литература

1. Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. – Улан-Удэ, 2004.
2. Богданова Т. Г. Сурдопсихология. М: АКАДЕМА, 2002.
3. Боскис Р.М. Глухие и слабослышащие дети М.: Советский спорт, 2004.
4. Выготский Л.С. Основы дефектологии. – СПб.: Лань, 2003.
5. Лебединский, В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте: учеб. пособие. для студ. учр. высш. образ. / В.В. Лебединский. – 6-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2011.

*Морозова О.О., Пшеничнова И.В.,
Ивановский государственный университет*

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ШКОЛЬНИКОВ

В подростковом возрасте тревожность легко может перерасти из состояния в черту личности. Учитывая, что развитие тревожности происходит на фоне активного процесса социализации подростка, то стоит отметить и тесную взаимосвязь тревожности с подростковым поведением. Часто она лежит в основе поступков, отклоняющихся от общепринятой нормы (делинквентное поведение, девиантное поведение). Что, в свою очередь, приводит ко многим социальным проблемам, связанным с адаптацией в окружающем социуме. Образование в современном мире, сосредотачивается в основном на развитие умственных способностей детей, редко учитывает, при этом, личностные способности ребенка и атмосферу, царящую в его семье. Формирование психолого-педагогических условий, направленных на снижение тревожности в подростковой среде, в современном обществе становится особенно актуальной.

Гипотеза исследования:

- 1) уровень тревожности у подростков зависит от принятого в семье стиля воспитания;
- 2) психолого-педагогическими условиями, направленные на снижение повышенного уровня тревожности у подростков, являются коррекция взаимоотношений детей с родителями, формирование уверенности в себе, обучение регулированию своего психоэмоционального состояния.

Объект исследования: психолого-педагогическое сопровождение обучающихся подростков с повышенной тревожностью.

Предмет исследования: психолого-педагогические условия психолого-педагогического сопровождения подростков, содействующие снижению у них повышенного уровня тревожности.

В исследовании использовались следующие психологические методики:

1. Исследование ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера.
2. Изучение общей самооценки (методика Н.Г. Казанцевой).
3. Стратегия семейного воспитания Н.М. Рухленко.

Экспериментальная база исследования: МОУ СОШ № 41, г. Иваново. Опытнo-экспериментальная работа включала в себя три этапа – констатирующий, формирующий, контрольный.

В целом констатирующий этап эксперимента позволил выявить следующие проблемы у испытуемых: преобладает средний и высокий уровень как личностной, так и ситуативной тревожности; по итогам изучения общей самооценки в группах выявлено преобладание адекватного и заниженного уровня самооценки; в воспитательном процессе внутри семей отсутствует индифферентный стиль. В выборке в равном процентном соотношении распределены три стиля воспитания: демократический, либеральный и авторитарный.

По итогам контрольной диагностики были получены следующие результаты: Выявлена взаимосвязь между стратегией семейного воспитания и уровнем тревожности у учащихся. Следовательно, мы подтверждаем нашу точку зрения о том, что для коррекции уровня тревожности у подростков, необходима, в том числе, и коррекция внутрисемейных отношений.

У контрольной группы произошли слабые изменения, в частности: в целом на 10% снизился уровень самооценки. На 7% вырос уровень тревожности. В стратегии семейного воспитания значительных изменений не выявлено.

У экспериментальной группы: уровень самооценки вырос на 40%. Уровень тревожности снизился в целом на 40%. В стратегии семейного воспитания на 15% выросло количество семей, применяющих демократический стиль воспитания, на 10% сократилось число применявших авторитарный стиль. На 5% сократилось количество семей, использовавших либеральный стиль воспитания. Обобщая результаты проведенного исследования:

1. Программа создает условия, положительно влияющие на снижение тревожности, а также оптимизирует процесс внутрисемейного воспитания.

2. Условия, сформированные на основе принципов: комплексности, системности, активной позиции ребенка, рациональности и гуманистичности: 1) формирует у подростков уверенность в себе; 2) обучает регулированию своего психоэмоционального состояния; 3) гармонизирует взаимоотношения в семье.

Полученные результаты подтверждают эффективность программы как в плане коррекции психоэмоционального состояния самого подростка, так и на состояние внутрисемейной атмосферы.

Литература

1. *Абрамова Г.С.* Практическая психология: учебное пособие // Москва: Прометей, 2018.
2. *Глебов В.В.* Оптимизация режима труда и отдыха в психофизиологической адаптации учащихся школ // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014.
3. *Грехов Р.А., Сулейманова Г.П., Адамович Е.И.* Роль тревоги в психофизиологии стресса // Вестник ВолГУ. Серия 11. Естественные науки. 2017.
4. *Долгова В.И., Рокицкая Ю.А., Саламатов А.А.* Индивидуально-психологические предикторы адаптивного поведения подростков // Вестник НГПУ. 2018.
5. *Комарова А.В., Слотина Т.В.* Современный взгляд на идеи А.С. Макаренко и И. П. Иванова о взаимосвязи личности и коллектива // Российский гуманитарный журнал. 2014.
6. *Коновалова К.В., Ваньков А.Б.* Причины появления школьной тревожности // Инновационная наука. 2016.
7. *Крушная Н.А., Абрисимова Е.А.* Методологические проблемы современной психологии // Вестник ЧГПУ. 2015.

*Генералова А.П., Тихонов Р.,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОПРОСОВ ЗАКРЫТОГО И ОТКРЫТОГО ТИПА С ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ УСВОЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ МООК

В настоящее время существует неподдельный интерес со стороны исследователей разных дисциплин к сфере образовательных технологий (т.н. EdTech) и, в частности, к рынку онлайн-курсов. Массовые открытые онлайн-курсы (МООК) обладают как очевидными достоинствами – доступ к лекциям в любое время и в любом месте, широкий выбор предметов, в том числе от лучших университетов мира – так и очевидными недостатками: в исследовании (Rai & Chunrao, 2016) было отмечено, что один и тот же курс в Гарварде закончили 99,6% студентов, посещавших курс очно, и меньше 1% студентов, изучавших его в электронном формате. Высокие показатели отсева и заинтересованность студентов в обучении – одна из частых тем исследований про МООК. Также остается вопросом насколько качественным является онлайн-обучение (Stracke, 2017). Мы решили исследовать одну из составляющих, влияющих на качество обучения – проверочные задания, а также какие из них предпочитают слушатели.

Наша гипотеза состоит в том, что закрытые типы заданий (т.н. multiple choice) приводят к худшему запоминанию материала, чем задания открытого типа, так как последние требуют достраивания и более сложной обработки информации (в соответствии с известным в исследованиях памяти эффектом генерации). Чтобы это выяснить мы провели пилотажное исследование с элементами UX-тестирования на материале одного из курсов (Академия Яндекса, n.d.) на платформе Stepik. Оно состояло из интервью с респондентами

($n = 10$) и структурированного наблюдения за прохождением части онлайн-курса с измерением времени ответа на задание и количества возвратов к материалам. Всего в курсе представлено два вопроса закрытого типа с единственным правильным вариантом ответа и два – с несколькими возможными правильными вариантами ответов, два задания, в которых нужно вставить пропущенные термины в готовом предложении, и два задания, в которых респонденту нужно дать ответ без вспомогательных элементов (свободный ответ). В течение сессии регистрировались также комментарии респондентов о представленных курсе и платформе. После сессии и интервью с обратной связью о курсе респонденты проходили итоговое тестирование, в котором содержались вопросы из курса, но все они уже были сформулированы в виде открытых вопросов.

Эмпирические измерения показали, что среднее время ответа на закрытый ответ быстрее, чем на открытый. Так, во время прохождения курса для самого «медленного» вопроса закрытого типа среднее время ответа составило 38,8 с, медиана – 24,5 с (размах для вопросов закрытого типа – от 5 до 183 с); для самого «быстрого» вопроса открытого типа – 41,2 с, медиана – 35 с (размах для вопросов открытого типа – от 2 до 213 с). В заданиях открытого типа респонденты прибегли к возврату к пройденному материалу 20 раз, в заданиях закрытого типа – 7, причем только в одном случае из двадцати семи был произведен возврат к видео. Результаты итогового теста оказались выше для материалов, которые были представлены в вопросах открытого типа (75% правильных ответов), чем для вопросов закрытого типа (65%).

Однако при наметившейся тенденции к более прочному запоминанию материала с помощью заданий открытого типа, сами респонденты в интервью отмечали, что задания закрытого типа им нравятся больше – на них удобнее отвечать с устройства и прохождение курса ощущается как более динамическое. Напротив, в вопросах открытого типа возникали сложности в пользовательском опыте. Так, одним из самых сложных заданий стал открытый вопрос, на который

требовалось дать ответ во множественном числе. Респонденты считают, что возможности проверяющей системы должны быть расширены так, чтобы она проверяла в том числе нечеткое сходство (например, по лемме, не учитывая регистр букв, и т. д.). Среди рекомендаций для заданий к курсу некоторые респонденты также отмечали необходимость практических заданий (в настоящем случае – установки программ, о которых шла речь, и разбора кейсов).

Результаты исследования поддерживают гипотезу о том, что открытые задания способствуют лучшему усвоению, однако такие вопросы также могут снизить вовлеченность слушателя MOOC. Это следует учитывать при разработке онлайн-курсов, где особенно остро стоит не только проблема усвоения материала, но и отсева участников в процессе прохождения курса.

Литература

1. *Rai, L. & Chunrao, D.* (2016). Influencing factors of success and failure in MOOC and general analysis of learner behavior. *International Journal of Information and Education Technology*, 6(4), 262–268. doi:10.7763/IJET.2016.V6.697
2. *Stracke, C. M.* (2017). The Quality of MOOCs: How to Improve the Design of Open Education and Online Courses for Learners? *Lecture Notes in Computer Science Learning and Collaboration Technologies. Novel Learning Ecosystems*, 285–293. https://doi.org/10.1007/978-3-319-58509-3_23
3. Академия Яндекса. (n.d.). Безопасность в интернете. Защита от вредоносных программ [Stepik]. Retrieved from <https://stepik.org/191>.

*Зотова Д.В., Короткова И.С., Зотов М.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет*

ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И НЕКОТОРЫЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОДРОСТКОВ: ДАННЫЕ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

В России, как и во всем мире, наибольшую популярность социальные сети (СС) приобрели среди подростков и молодежи. Число тех, кто проводит время «онлайн» каждый год растет, равно как и растет время, проводимое в виртуальном общении (Sheldon P, 2012). Ситуация, когда пребывание в чатах или мессенджерах превращается в проблему, рассматривается как патологическое использование социальных сетей (Andreassen, C. S., 2012)

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что патологическое влечение к СС связано с некоторыми психосоциальными характеристиками подростков (например, с ощущением одиночества, переживанием чувства стресса и напряжения, а также склонностью к депрессии и тревожности). Для оценки паттерна патологического использования социальных сетей нами была использована шкала BSMAS (Bergen Social Media Addiction Scale) (Andreassen et al., 2016). Тест является адаптированным вариантом шкалы BFAS (Bergen Facebook Addiction Scale) и прошел проверку на надежность и валидность (альфа Кронбаха – 0.88) (Andreassen et al., 2012). В группу риска проблемного использования СС попадают респонденты, набравшие от 20 баллов, согласно (Bányai, F., 2017). Также был использован ряд инструментов опросника, созданного в рамках международного проекта SEYLE (Danuta Wasserman, 2010). Исследования были проведены на базе общеобразовательных учебных заведений в Санкт-Петербурге, в нем приняло участие 160 учеников школ, их них 60 мальчиков и 100 девочек, средний возраст респондентов – 13.28 +

© Зотова Д.В., Короткова И.С., Зотов М.В.,

1.77 лет. Исследования были одобрены Этическим комитетом СПбГУ, опрос осуществлялся с помощью Google-формы в присутствии исследователя. Средний балл BSMAS по группе составил 11.62, что говорит о благоприятной ситуации в целом, в то же время в группу риска при этом вошли 19 человек (30.4 % всей выборки). Значения коэффициентов корреляции считались низкими при $r = 0,10-0,23$, средними при $r = 0,24 - 0,36$ и высокими при $r > 0,37$ (Cohen J., 1988). Оказалось, что высокие баллы по шкале BSMAS сильнее всего ассоциированы с уменьшением длительности сна, а также с субъективными ощущениями одиночества и проблемными аспектами по опроснику Р. Гудмана. Высокие баллы по BSMAS также сильно ассоциированы со склонностью к депрессии, с субъективными ощущениями неспособности справиться со своими проблемами и достаточно сильно ассоциированы с высокими баллами различных трудностей, испытываемых подростком, особенно дома (в семье), но также в школе и среди друзей. Интересно отметить, что проблемное использование СС имеет сильную положительную корреляцию со степенью зависимости подростка от оценки со стороны окружающих и со степенью неудовлетворенности социальной поддержкой со стороны реального окружения. Общий балл по BSMAS связан связью средней силы с общим числом социальных сетей, используемых подростком, причем в особенности патологическое использование СС ассоциируется с использованием сети Pinterest и Instagram. Кроме того, среднюю степень корреляции с проблемным использованием СС имеют такие психологические характеристики как тревожность, стресс и выраженность мыслей о суициде, а также плохое состояние здоровья и отсутствие заботы со стороны родителей. Мы полагаем, что проблемное использование социальных сетей связано с психосоциальными характеристиками подростков двухсторонними связями: с одной стороны, появление симптомов зависимости обусловлено наличием у подростка психологических проблем, с другой – может заострять и усугублять эти проблемы по мере нарастания патологического паттерна вовлеченности. Все это требует дальнейшего изучения вопроса и создания программ профилактики.

Литература

1. Sheldon P. (2012) Profiling the non-users: Examination of life-position indicators, sensation-seeking, shyness, and loneliness among users and non-users of social network sites. *Computers in Human Behavior*, 28 (5), 1960–1965.
2. Andreassen, C.S., Billieux, J., Griffiths, M.D., Kuss, D.J., Demetrovics, Z., Mazzoni, E., & Pallesen, S. (2016). The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study. *Psychology of Addictive Behaviors*, 30(2), 252–262.
3. Bányai, F., Zsila, Á., Király, O., Maraz, A., Elekes, Z., Griffiths, M.D., Demetrovics, Z. (2017). Problematic social media use: Results from a large-scale nationally representative adolescent sample. *PLoS One*, 12, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0169839>
4. Andreassen, C. S. (2012) Development of a Facebook Addiction Scale. *Psychological Reports*, 110, 2, 501–517.
5. Camilla Wasserman, Christina W. Hoven, Vita Poštuvan (2010). Saving and Empowering Young Lives in Europe (SEYLE): a randomized controlled trial, *BMC Public Health*, 10, doi: 10.1186/1471-2458-12-776
6. Cohen J. (1988). *Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences*. 2nd ed. Hillsdale, NJ : Erlbaum.

*Faber A., Charkhabi M., Khalezov E., Liashenko A.,
Khagabanova T., Arsalidou M.,
National Research University Higher School of Economics*

IS COGNITIVE SCHOOL ENGAGEMENT A BETTER PREDICTOR OF SCHOOL PERFORMANCE? FINDINGS FROM RUSSIAN STUDENTS AND TEACHERS

Aims: School engagement influences multiple educational outcomes, including academic performance of students. Research show that engaged students are more likely to demon-

© Faber A., Charkhabi M., Khalezov E., Liashenko A., Khagabanova T., Arsalidou M., 2020

strate improved knowledge in various subjects and higher academic scores. Critically, school engagement assessments are usually performed in adolescence using self-ratings and fewer using teacher-ratings. Our project examines the relation of school engagement using self- and teacher-ratings and academic performance among primary school students in Russia. Specifically, we investigate which components of school engagement (i.e., behavioral, emotional or cognitive) is a stronger predictor of academic performance from both student's and teacher's perspective. Method: Children (n = 133) aged between 6 and 12 years and their teachers participated in the study. First, students were asked to complete the questionnaire, which measures emotional, behavioral and cognitive components of school engagement. Second, an adapted scale that evaluates the same three components was completed by each child's teachers. The teacher's questionnaire also included an additional scale that was used to evaluate convergent validity. To measure academic performance we collected students' grades in mathematics, science, language and reading subjects. Findings: Results showed that overall teachers' assessment of school engagement is a stronger predictor of academic performance than students' assessment, but it was expected, because the same teacher gave the grades and the school engagement score. What's more interesting is the fact that teachers' assessment of cognitive engagement of students was found to be the strongest predictor of academic performance in mathematics and reading. The students' assessment of behavioral engagement was found to be the strongest predictor of academic performance in science and language. Emotional component reported by both students and teachers was the weakest predictor of academic performance. Conclusion: These findings support the notion that teachers' assessment of students' academic performance are more reliable assessments than students' assessments. Also, it seems that different components of school engagement are responsible for getting a better grade in different subjects. Application: Educational psychologist can use these findings to detect the reasons behind a weak academic performance of a student in a particular subject and design interventions to improve school engagement in a classroom.

*Макашова А.В., Смирнова Я.К.,
Алтайский государственный университет*

СПОСОБНОСТЬ ОРИЕНТИРОВКИ В ПОНИМАНИИ И ПРИМЕНЕНИИ ЛОЖНЫХ УБЕЖДЕНИЙ У ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

На сегодняшний день необходимым условием социального познания является понимание того, что каждый человек имеет свое собственное представление о мире, которое может отличаться от нашего, имея другие намерения, убеждения, мнения, мысли и чувства. Модель психического демонстрирует свою актуальность в изучении процессов социального познания. Модель психического понимается как система концептуализации знаний о собственном психическом и психическом других людей, которая позволяет предсказывать, прогнозировать и объяснять поведение другого человека [3]. С помощью модели психического мы способны сделать вывод о ментальных состояниях другого.

В современной науке наиболее частым конструктом для исследования «модели психического» являются ложные убеждения [1]. Ребенок, понимающий ложное убеждение, понимает природу взаимоотношений между репрезентацией психического и репрезентацией реальности, даже когда они отличаются друг от друга. А именно насколько ребенок способен опираться не только на свои собственные убеждения, интересы, но и на представления о знании убеждений и намерений другого человека, является тем механизмом, без которого понимание обмана невозможно [2].

Если ребенок не преодолевает эту эгоцентрическую позицию, если не способен дистанцироваться от собственных убеждений, то это является важным индикатором модели психического, который можно проследить в понимании ложных намерений и способности обмануть другого- именно этот факт делает исследование актуальным, ведь проблема способности применения ложных убеждений у детей с за-

держкой психического развития на сегодняшний день является малоизученной.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что дети с задержкой психического развития значительно реже используют обман и ложные убеждения в отличии от группы детей с нормативным уровнем развития.

Процедура

Эмпирическую выборку исследования составили 64 ребенка дошкольного возраста от 5 до 6 лет. Из них: 32 ребенка дошкольного возраста, посещающие группы компенсирующей направленности. Все дети, составившие выборку, имеют диагноз задержки психического развития F80-F89 по МКБ-10. Выборку контраста составили 32 дошкольника, соответствующие возрастной норме развития.

Методы

В первой серии группам детей дошкольного возраста была предоставлена ситуация выбора одной монеты из нескольких: ненастоящие и настоящие разных размеров. Ненастоящая (шоколадная монета в обертке, которая похожа на настоящую) добавлена в данную игру с целью проверки детей, смогут ли они распознать и отличить «ложную» среди обычных?

После выбора ребенок должен был спрятать предмет в кулаке левой или правой руки, а также требовалось не показывать экспериментатору, в какой руке прячет монету. Когда ведущий задавал итоговый вопрос: «В каком кулаке у тебя монета?», детям было необходимо ложно указать на ту руку, где ничего не находилось.

Во второй серии было предложено спрятать игрушку в одной из трех небольших коробок так, чтобы экспериментатор не знал, где именно она находится. Ребенку было разрешено прятать предмет в любую коробку и переставлять их в выбранном порядке. Экспериментатором был задан вопрос о том, в какой именно коробке находится игрушка. Соответственно детям также было необходимо «обмануть» экспериментатора, показав на пустую коробку.

Результаты

При помощи дисперсионного анализа было выявлено статистически достоверно, что дети с диагнозом задержки психического развития не только не способны применить ложные убеждения в ситуации игры, но и понять природу обмана – данный факт свидетельствует о неумении на данном этапе анализировать человеческие контакты и их значения, возможности манипуляции мнениями, желаниями, убеждениями других. Данные основывались на серии заданий: со спрятанной игрушкой в коробках (Критерий Ливня = 0,074, $p = 0,787$, $F = 131,89$, $p = 0,0001$) и с заданием спрятать монетку в кулачке (Критерий Ливня = 11,77, $p = 0,111$; $F = 11,342$, $p = 0,001$).

В ходе проведения эксперимента у детей, соответствующих возрастной норме развития, не возникло сложностей применить ложные убеждения в игровой форме, но важно отметить, что дети из данной группы перед совершением обмана, уточняли, является ли это правилом игры. Развитие понимания обмана свидетельствует о развитии «модели психического» как когнитивного феномена. Ребенок, знающий о возможности обмана и успешно распознающий обман, понимает отличия между репрезентацией собственных психических феноменов и психического Других относительно реальной ситуации.

Литература

1. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 415с.
2. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И. Понимание обмана детьми дошкольного возраста // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 54–65.
3. Tomasello M. A Natural History of Human Morality. Harvard: University Press, 2016. P. 208.

*Смирнова Я.К., Макашова А.В., Мудрук А.А.,
Алтайский государственный университет*

АЙТРЕКИНГ-ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕФИЦИТА СОВМЕСТНОГО ВНИМАНИЯ

Необходимое условие для развития социально-когнитивных процессов у ребенка – совместное внимание [1]. Совместное внимание – это способность субъекта фокусировать внимание на том же объекте, что и другой субъект за счет прослеживания направления взгляда. Оно возникает ввиду способности ребенка интегрировать информацию о себе и другом человеке, об объединении своих намерений и намерений другого человека по отношению к внешнему объекту [2].

В случае нормативного развития ребенок осуществляет слежение за направлением взгляда взрослого и корректировку взгляда при первоначальном неудачном прослеживании. Дети с атипичным развитием имеют трудности в инициировании совместного внимания на отслеживании направления фокуса внимания другого человека [3].

Сегодня в психологии накоплено достаточно знаний о процессе совместного внимания у детей нормативного развития и с отклонениями аутизма. Но также существует проблема малой изученности совместного внимания у детей других клинических групп атипичного развития. Малая изученность у детей с ЗПР, задержкой речи, нарушением слуха и нарушением зрения. Отсутствие сравнительных профилей по этим группам. Это делает данное исследование достаточно актуальным.

Современные технологии слежения за взглядом человека (айтрекинг) позволяют отследить зоны интереса и маршруты фиксации взгляда субъекта, получить достоверную информацию о том, на чем именно фокусировалось внимание. Использование айтрекера для исследования совместного внимания поможет выявить тонкости фиксации и построения

© Смирнова Я.К., Макашова А.В., Мудрук А.А., 2020

маршрутов слежения за взглядом у дошкольников разных клинических групп атипичного развития, составить сравнительный анализ по специфике совместного внимания в этих группах, что позволит увидеть симптомы протекания нормативного и патологического совместного внимания, выделить их специфику и отличия.

Цель исследования: обнаружение методом регистрации движения глаз специфики зон интереса и маршрутов фиксаций взгляда дошкольников в эпизодах совместного внимания со взрослым.

Выборка исследования

Выборку исследования составили дошкольники 5-7 лет (средний возраст 6 лет 2 месяца) разных нозологических групп:

- типично развивающиеся дошкольники ($n = 20$),
- дошкольники с задержкой психического развития (класс F83 по МКБ-10) ($n = 20$),
- дошкольники с задержкой речевого развития (класс R47 по МКБ-10) ($n = 20$),
- дошкольники с нарушением слуха (сенсоневральной тугоухостью, класс H90 по МКБ-10) ($n = 10$);
- дошкольники с нарушением зрения (с амблиопией и косоглазием, класс H53 по МКБ-10) ($n = 20$).

Диагноз детям поставлен по итогам прохождения территориальной медико-психолого-педагогической комиссии.

Методы

В первой серии на столе перед ребенком ставились 2 разные игрушки. После ему в игровой форме предлагалось проследить за направлением взгляда экспериментатора и угадать (указать пальцем), какой предмет он хочет выбрать. Процедура повторялась 5 раз, в каждом из которых экспериментатор менял направление взгляда произвольным образом на разные игрушки. Фиксировалось количество правильных угадываний.

Во второй серии происходила смена ролей. Ребенок указывал взглядом на игрушку, а взрослый отгадывал. Фиксировалось количество успехов в инициировании совместного внимания ребенка.

Движения глаз регистрировались портативным айтрекером Pupil Headset – Plabs (в форме очков, бинокулярное исполнение).

Результаты

Анализ тепловых карт, стратегий слежения взгляда и маршрутов сканирования объектов в ситуации совместного внимания у детей с типичным и атипичным развитием привел к выводу о наличии универсальных и специфичных для определенной клинической группы симптоматики проявлений нарушения механизма совместного внимания. Маркерами этого нарушения являются: трудности следования за взглядом, опережающие действия угадывания, рассредоточенность зон интереса и фиксации, а также снижение их точности.

Удалось зафиксировать внутрииндивидуальную и межиндивидуальную изменчивость посещения определенных областей интереса, а также показатели синхронного взгляда в эпизодах совместного внимания.

На картах видны различия в предпочитаемом предмете восприятия, в способе установления совместного внимания, в смене траектории слежения за направлением взгляда партнера.

Можно предположить, что специфика дефицита совместного внимания будет проявляться в нарушениях отдельных его компонентах: следовании за взором партнера по общению, фиксации на объекте, предпочтении социальных стимулов нейтральным.

Литература

1. Mundy, P., Block, J., Delgado, C., Pomares, Y., Hecke, A.V., Parlade, M.V. (2007). Individual differences and the development of joint attention in infancy. *Child Dev*, 78(3), 938.
2. Hobson, R.P. (2005). What puts the jointness in joint attention? *Joint attention: Communication and other minds*. Ed. by J. Roessler. Oxford: Oxford University Press, 204.
3. Dawson, G., Levy, A. (1989). Arousel, attention, and socioemotional impairments of individual with autism, nature, diagnosis and treatment. New York: The Guilford press, 74.

*Веракса А.Н., Гаврилова М.Н., Бухаленкова Д.А.,
Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова*

ВКЛАД ХАРАКТЕРИСТИК ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЫ ДЕТСКОГО САДА В РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНОЙ ГИБКОСТИ ДЕТЕЙ

В исследовании был проанализирован вклад характеристик предметной среды детского сада в развитие такого компонента регуляторных функций как когнитивная гибкость у детей в возрасте 5-6 лет. Оценка качества среды в детских садах является одним из активно развивающихся направлений в современных психологических исследованиях (Белолуцкая, 2018; Веракса, Веракса, 2011). Ранее были обнаружены свидетельства в пользу снижения риска возможных проблем с поведением и обучением детей, при условии наличия у них опыта посещения детского сада с высоким уровнем качества образовательной среды (напр., Jeon, 2010, Namre et.al., 2014 Mashburn et.al., 2008).

В рамках данного проекта была проведена количественная оценка и анализ вклада характеристик предметной среды детских садов с целью выявления тех показателей, которые обладают наибольшим значением в развитии когнитивной гибкости у детей.

Гипотезой исследования являлось предположение о том, что изменение характеристик предметной среды в группах детских садов значимо связано с показателями когнитивной гибкости у детей дошкольного возраста.

Выборка

В исследовании приняли участие 706 детей в возрасте 5-6 лет, которые являются воспитанниками 33 старших групп детских садов. Из них 357 (50,6%) мальчиков и 349 (49,4%) девочек.

Методы

Для оценки особенностей предметной среды детских садов были применены Шкалы комплексной оценки качества образования в дошкольных образовательных организациях ECERS-R (Harms, 2005). Данный инструмент позволяет получить дифференцированные оценки по 7 показателям качества среды: Пространство и его обустройство, Уход за детьми, Речь и мышление, Детская активность, Взаимодействие, Структурирование программы, Родители и персонал. В соответствии с целями исследования, в данной работе нами были проанализированы только оценки по шкале Пространство и его обустройство. В данную шкалу входят оценки по 7 показателям предметной среды детского сада: Внутреннее помещение; Мебель для ежедневного ухода; игр и учения; Предметы обстановки для отдыха и комфорта; Обустройство пространства для игр; Места для уединения; Связанное с детьми оформление пространства; Пространство для игр, развивающих крупную моторику; Оборудование для развития крупной моторики. Диагностика когнитивной гибкости детей была произведена с использованием методики Dimensional Change Card Sorting (Zelazo, 2006). Для оценки невербального интеллекта детей была применена методика Цветные Прогрессивные Матрицы Равена (Raven, 1991).

Результаты

Анализ данных путем построения модели линейной регрессии позволил выявить характеристики предметной среды детского сада, которые выступают статистически значимыми предикторами развития когнитивной гибкости у детей. Среди таких показателей наибольшим весом обладают Оборудование для развития крупной моторики и Предметы обстановки для отдыха и комфорта. Таким образом, полученные нами результаты подтверждают гипотезу данного исследования о том, что изменение характеристик предметной среды в группах детских садов значимо связано с показателями когнитивной гибкости у детей дошкольного возраста.

*Борисова Е.Н., Лебедева Н.А.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К СТРЕССУ И ЕГО СВЯЗЬ С РЕЗУЛЬТАТАМИ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНОВ АБИТУРИЕНТОВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ ЛОМОНОСОВА

Современные люди все чаще сталкиваются с воздействием стресса, который оказывает на них сильное влияние. В последнее время все более популярной становится идея о том, что не столько стресс сам по себе приводит к негативным изменениям в организме человека, в том числе и к снижению его когнитивных возможностей, сколько отношение к переживаемому состоянию напряженности [1, 2, 3]. Этот эффект был показан, в том числе, на студентах, готовящихся к экзаменам, где академические испытания выступали естественной моделью стрессового воздействия [2, 3].

Целью данного исследования являлась проверка предположения о том, что субъективное отношение к стрессу может оказывать влияние на академическую успешность.

Наша гипотеза состояла в том, что позитивное отношение к стрессу связано со способностью успешнее сдавать выпускные экзамены (ЕГЭ).

Отношение к стрессу измерялось с помощью методики исследования субъективного отношения к стрессу (Stress Mindset Measure Scale A.J., в адаптации Н.А. Лебедевой). Методика проводилась при личной встрече с каждым респондентом. Выполнение методики у респондента занимало около 15 минут. В качестве академических испытаний, вызывающих состояние напряженности, выступали формы итоговой аттестации (ЕГЭ) и дополнительных вступительных испытаний (ДВИ). Также были собраны результаты экзаменов

каждого из абитуриентов: результаты ЕГЭ по русскому языку, математике, биологии и ДВИ по биологии.

Выборка исследования составляла 38 человек, из них 33 женщины, 5 мужчин. Средний возраст испытуемых – 17,8 лет. Выборку составили абитуриенты факультета психологии Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова в 2018 году. С целью проверки поставленной гипотезы был проведен корреляционный анализ по методу ранговой корреляции Спирмена.

Были выявлены значимые положительные корреляции между «Шкалой позитивного отношения к стрессу» и результатами ЕГЭ по математике и биологии, а также обратная корреляция между «Шкалой отрицательного отношения к стрессу» и результатами ЕГЭ по математике. Не было обнаружено значимых корреляций между шкалами методики и результатами ЕГЭ по русскому языку, а также ДВИ по биологии.

Корреляции, выявленные в процессе работы, показывают связь между успешностью сдачи ЕГЭ по математике и по биологии, но не выявляет связь с результатами экзамена по русскому языку. Возможных причин этому несколько.

Первое объяснение – индивидуальные особенности абитуриентов факультета психологии. Второе – особенности самих заданий ЕГЭ.

Если посмотреть на средние баллы ЕГЭ, то для русского языка средний балл самый высокий по сравнению с остальными экзаменами и в абсолютных значениях это высокий уровень баллов по ЕГЭ, с низкой дисперсией признака. Результаты по биологии по 100-балльной шкале находятся на уровне выше средних значений, и разброс баллов увеличивается. В ЕГЭ по математике средний балл ниже, чем по другим экзаменам и разброс баллов также гораздо выше, чем для ЕГЭ по русскому.

Абитуриенты, выбирающие для поступления факультет психологии, могут обладать выраженными гуманитарными способностями, а значит, именно эти способности могут быть наиболее постоянны в условиях испытываемого ими стресса. Если это так, то у абитуриентов, например, физико-техниче-

ского направления не будет связи субъективного отношения и ЕГЭ по математике, но, возможно, будет связь с непрофильным экзаменом по русскому языку.

Еще одним возможным объяснением может быть то, что разные экзамены несут в себе разный «стрессовый вклад», т.е. субъективно воспринимаемую сложность сдачи определенного экзамена. Есть предположение, что, поскольку технические науки более требовательны к форме представления данных, где ошибка в вычислениях приводит к неверному ответу, независимо от хода мыслей, то они оказывают большее «стрессорирующее» воздействие, в то время как гуманитарные предметы воспринимаются абитуриентом легче из-за большей вариативности в форме выражения мыслей, а экзамен по биологии представляет собой средний вариант. В таком случае, на другой выборке должна выявиться схожая закономерность

В дальнейшем мы планируем расширить выборку и провести данное исследование на группе абитуриентов, обучающихся на разных направлениях подготовки. Также в планах включить в исследование опросник степени стресса, что позволит изучить связь степени стресса, субъективного отношения к стрессу и результатов экзаменов.

Литература

1. *Crum, A. J., Salovey, P., & Achor, S.* (2013). Rethinking stress: The role of mindsets in determining the stress response. *Journal of personality and social psychology*, 104(4), 716.
2. *Jamieson, J. P., Mendes, W. B., Blackstock, E., & Schmader, T.* (2010). Turning the knots in your stomach into bows: Reappraising arousal improves performance on the GRE. *Journal of Experimental Social Psychology*, 46(1), 208-212.
3. *Sun-Kyüng, L., Wi-Young, S., & Dong Jun, S.* (2015). Association between chronic mental stress and academic performance among korean adolescents. *Universitas Psychologica*, 14(3), 967-974.

Фуникова Д.В.,

Ярославская школа-интернат № 6

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА СРЕДЫ ПРОЖИВАНИЯ: СТУДЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕЖИТИЕ И ГОРОДСКАЯ КВАРТИРА

Психологическая гуманитарная экспертиза (ПГЭ) среды проживания – часть гуманитарной экспертизы. Важное место в гуманитарной экспертизе принадлежит психологии, предметом является «реальное или возможное потенциальное влияние социальных событий на психологические процессы, свойства и состояния людей, и влияние психологических процессов, свойств и состояний людей на социальные события» (Леонтьев, Иванченко, 2008).

С другой стороны, среда проживания выступает частью окружающей среды, которая является предметом изучения экологической психологии. В качестве предмета исследования в психологии окружающей среды выступают отношения человека со средой, взаимосвязи между переменными среды и различными психологическими характеристиками человека, его поведения (Панов, 2006). Методологические подходы экологической психологии легли в основу современных исследований домашней среды (Нартова-Бочавер и др., 2016), однако эти исследования немногочисленны.

В своем исследовании мы ставили две цели: разработать экспертную методику; выявить, как условия среды проживания в студенческом общежитии и в городской квартир влияют на психологическое благополучие и социально-психологическую адаптацию.

Для достижения поставленных целей решался ряд задач: провести теоретический анализ работ, посвященных изучению среды проживания, психолого-гуманитарной экспертизе, психологии ранней взрослости, провести исследование и анализ влияния среды проживания на психологическое

благополучие и социальную адаптацию. Объект исследования – среда проживания, предмет – влияние среды проживания на психологическое благополучие и социально-психологическую адаптацию. Мы руководствовались следующей гипотезой: среда проживания влияет на психологическое благополучие и социально-психологическую адаптацию.

В исследовании использовался следующий методический инструментарий: анкета «Дом как пространство удовлетворения потребностей», опросники «Релевантность домашней среды» (РДС), «Функциональность домашней среды: реальная, идеальная» (ФДС), «Привязанность к дому», графическое изображение жилища [2], опросник «Шкала Психологического благополучия Рифф», опросник «Социально-психологические навыки» (Косарецкий, 2012).

Выборку составили студенты колледжа в возрасте от 18 до 22 лет, первая группа – 43 ч., проживающие в общежитии (27 юношей и 16 девушек), вторая группа – 31 ч., проживающие в квартирах с семьей (19 юношей и 12 девушек).

Мы сравнили две группы по критерию U Манна-Уитни по общим суммарным показателям релевантности домашней среды (ДС), функциональности ДС (реальный и идеальный дом), привязанности к дому, психологическому благополучию и социальным навыкам. Релевантность домашней среды ($U = 370$; $2*1$ sided exact $p = 0,000970$), функциональность домашней среды ($U = 172$; $2*1$ sided exact $p = 0,000000$), привязанность к месту проживания ($U = 350$; $2*1$ sided exact $p = 0,000408$) значимо выше у проживающих в квартире, чем у проживающих в общежитии, при $p < 0,001$. Значимых различий по общим результатам Психологического благополучия, Социальных способностей, Функциональности Идеальной ДС обнаружено не было.

Далее мы провели сравнение по шкалам РДС и получили следующие результаты: среда проживания квартира по сравнению с общежитием является более Приватной, Ресурсной, Эргономичной, Историчной и позволяющей Самопрезентацию. По шкалам Отчужденность от ДС и Пластичность значимых различий выявлено не было.

При сравнении результатов шкал методики Функциональности Реальной ДС мы получили следующее: среда проживания квартира является более Прагматичной, Развивающей, Стабильной и Защищающей, чем общежитие.

Полученные результаты говорят о том, что для поддержания психологического благополучия и социально-психологической адаптации при проживании в общежитии требуется большее количество характеристик и функций домашней среды, чем при проживании в квартире. При отсутствии каких-либо характеристик и функций домашней среды в общежитии происходит опора на имеющиеся. Гипотеза подтверждается частично. Среда проживания – общежитие имеет меньшую релевантность (соответствие функций домашней среды потребностям проживающих) и функциональность (эффективность в решении предназначенных для дома задач), и к нему как к временному месту жительства привязываются меньше по сравнению с квартирой.

Литература

1. *Леонтьев, Д.А., & Иванченко, Г.В.* (2008). Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. Издательство психологической литературы «Смысл», 136 с.
2. *Нартова-Бочавер, С.К., Бочавер, А.А., Дмитриева, Н.С., & Резниченко, С.И.* (2016). Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 220 с.
3. *Косарецкий, С.Г.* (2012). Организация профессиональной и общественной экспертизы программ развития и образовательных программ учреждений общего образования: Учебно-методический комплект/сост. и ред. Т.Г. Мерцалова, С.Г. Косарецкий, 192 с.
4. *Панов, В.И.* (2006). Введение в экологическую психологию. М.: НИИ школьных технологий, 184 с.

*Горбунов К.А., Лактионова А.И.,
Институт психологии Российской академии наук*

РОЛЬ РЕФЛЕКСИИ И АГРЕССИВНОСТИ В ПРОСОЦИАЛЬНОЙ ФОРМЕ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ПОДРОСТКОВ

В современной России можно отметить тенденцию к росту агрессии среди подростков. Агрессивное поведение проявляется все больше у подростков, которые в отрыве от актов агрессии не были вовлечены в иные формы асоциального поведения. Психологи, работающие с подростками, пытаются выявить предпосылки такой ситуации, разработать методики работы с такими случаями. Однако, стремясь устранить агрессивный фон у подростков и поспособствовать их социальной адаптации, теряется понимание того, что такое агрессия, какую роль она играет в становлении индивида и какие формы она способна принимать. Говоря об асоциальном поведении, нельзя забывать о том, что оно может быть формой жизнеспособности индивида. Известно, что агрессия способна принимать и конструктивные формы, например в спорте. Чтобы детальнее разобраться в особенностях агрессивности подростков, и ее роли в становлении их жизнеспособности, необходимо также обратиться к феномену рефлексии. Так как он является одним из ключевых новообразований психической деятельности в подростковом возрасте и так же частью феномена жизнеспособности. В наше время актуальным общественным запросом можно считать социализацию подростков, поэтому мы будем рассматривать жизнеспособность в ее просоциальной форме. Результаты нашего исследования позволят лучше понять, с каким аспектами и случаями агрессивности стоит работать для их устранения, и есть ли случаи, в которых агрессивность подростков необходимо сохранить для поддержания их просоциальной жизнеспособности.

© Горбунов К.А., Лактионова А.И., 2020

Цель исследования

Изучить взаимосвязь между агрессивностью и рефлексией и формами жизнеспособности у подростков разных возрастных групп.

Научная проблема

Несмотря на выявленную связь агрессивности с жизнеспособностью подростков, неизвестно, как она относится к просоциальным формам жизнеспособности. При этом, важно также понять какие формы рефлексии положительно связаны с просоциальными формами жизнеспособности и как они влияют на агрессивность. Объект исследования: жизнеспособность подростков

Предмет исследования

Взаимосвязь агрессивности и рефлексии в структуре жизнеспособности.

Общая гипотеза

- 1) Существует взаимосвязь между агрессивностью, рефлексией и просоциальной формой жизнеспособности у подростков.
- 2) Просоциальная форма жизнеспособности связана с развитием рефлексии и снижением агрессивности.

Исследовательские гипотезы

- 1) Различные формы рефлексии оказывают несхожее влияние на жизнеспособность подростков.
- 2) С просоциальной жизнеспособностью положительно связана системная рефлексия.
- 3) Агрессивность подростков отрицательно связана с уровнем развития у них системной рефлексии и просоциальной формой жизнеспособности.
- 4) Развитие системной рефлексии у подростков оказывает влияние на снижение их агрессивности.
- 5) Влияние темпераментальных характеристик на жизнеспособность подростков снижается по мере их взросления.

6) Влияние социума положительно связано с уровнем подростковой агрессивности.

Методы исследования

Исследование планируется среди учащихся 8-х и 10-х классов в общеобразовательной школе и специальной образовательной школе для девиантных подростков. Выборку составят подростки от 13 до 17 лет. Две возрастные группы подростков требуются, чтобы изучить агрессивность в структуре жизнеспособности, как в период формирования рефлексивной сферы, так и почти сформированной. Методики будут предъявляться лично с присвоением работам идентификационных номеров, чтобы соблюсти конфиденциальность. Однако после прохождения тестирования будут организовываться личные интервью с теми учащимися, чей показатель социальной адаптации по методике Роджерса, Даймонда будет ниже нормы. Для составления более точного профиля дезадаптивного подростка.

Предполагается использовать следующие методики:

1. Опросник дифференциальной рефлексии, Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин
2. Диагностика социально-психологической адаптации, К.Роджерс, Р. Даймонд
3. Личностная агрессивность и конфликтность, Е.П.Ильин, П.А.Ковалев;
4. Опросник диагностики агрессии, Басса-Дарки
5. Child and Youth Resilience Measure, CYRM
6. Личностный опросник (EPI) для подростков, Айзенк Г.

После получения первых результатов, в зависимости от данных, предполагается создание и проведение формирующего эксперимента, направленного на развитие системной рефлексии, в формате тренинга или курса консультаций с дезадаптивными подростками. После завершения эксперимента будут повторно проведены замеры исследуемых переменных для понимания наличия возможной динамики.

Литература

1. *Лактионова, А.И.* (2010). Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков (Doctoral dissertation, Институт психологии Российской академии наук).
2. *Леонтьев, Д. А., & Осин, Е. Н.* (2014). Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. *Психология. Журнал высшей школы экономики*, 11(4).
3. *Махнач, А.В., & Лактионова, А.И.* (2007). Жизнеспособность подростка: понятие концепция. In *Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы* (p. 290).

Зотова Д.В.,

Санкт-Петербургский государственный университет

ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И НЕКОТОРЫЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОДРОСТКОВ: ДАННЫЕ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

В России, как и во всем мире, наибольшую популярность социальные сети (СС) приобрели среди подростков и молодежи. Число тех, кто проводит время «онлайн» каждый год растет, равно как и растет время, проводимое в виртуальном общении (Sheldon P, 2012). Ситуация, когда пребывание в чатах или мессенджерах превращается в проблему, рассматривается как патологическое использование социальных сетей (Andreassen, C. S., 2012).

© Зотова Д.В., 2020

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что патологическое влечение к СС связано с некоторыми психосоциальными характеристиками подростков (например, с ощущением одиночества, переживанием чувства стресса и напряжения, а также склонностью к депрессии и тревожности). Для оценки паттерна патологического использования социальных сетей нами была использована шкала BSMAS (Bergen Social Media Addiction Scale) (Andreassen et al., 2016). Тест является адаптированным вариантом шкалы BFAS (Bergen Facebook Addiction Scale) и прошел проверку на надежность и валидность (альфа Кронбаха – 0,88) (Andreassen et al., 2012). В группу риска проблемного использования СС попадают респонденты, набравшие от 20 баллов, согласно (Bányai, F., 2017). Также был использован ряд инструментов опросника, созданного в рамках международного проекта SEYLE (Danuta Wasserman, 2010). Исследования были проведены на базе общеобразовательных учебных заведений в Санкт-Петербурге, в нем приняло участие 160 учеников школ, их них 60 мальчиков и 100 девочек, средний возраст респондентов – 13,28 + 1,77 лет. Исследование было одобрено Этическим комитетом СПбГУ, опрос осуществлялся с помощью Google-формы в присутствии исследователя.

Средний балл BSMAS по группе составил 11,62, что говорит о благоприятной ситуации в целом, в то же время в группу риска при этом вошли 19 человек (30,4 % всей выборки). Значения коэффициентов корреляции считались низкими при $r = 0,10-0,23$, средними при $r = 0,24 - 0,36$ и высокими при $r \geq 0,37$ (Cohen J., 1988). Оказалось, что высокие баллы по шкале BSMAS сильнее всего ассоциированы с уменьшением длительности сна, а также с субъективными ощущениями одиночества и проблемными аспектами по опроснику Р. Гудмана. Высокие баллы по BSMAS также сильно ассоциированы со склонностью к депрессии, с субъективными ощущениями неспособности справиться со своими проблемами и достаточно сильно ассоциированы с высокими баллами различных трудностей, испытываемых подростком, особенно дома (в семье), но также в школе и среди друзей. Интересно отметить, что проблемное использование СС имеет сильную положи-

тельную корреляцию со степенью зависимости подростка от оценки со стороны окружающих и со степенью неудовлетворенности социальной поддержкой со стороны реального окружения. Общий балл по BSMAS связан связью средней силы с общим числом социальных сетей, используемых подростком, причем в особенности патологическое использование СС ассоциируется с использованием сети Pinterest и Instagram. Кроме того, среднюю степень корреляции с проблемным использованием СС имеют такие психологические характеристики как тревожность, стресс и выраженность мыслей о суициде, а также плохое состояние здоровья и отсутствие заботы со стороны родителей. Мы полагаем, что проблемное использование социальных сетей связано с психосоциальными характеристиками подростков двухсторонними связями: с одной стороны, появление симптомов зависимости обусловлено наличием у подростка психологических проблем, с другой – может заострять и усугублять эти проблемы по мере нарастания патологического паттерна вовлеченности. Все это требует дальнейшего изучения вопроса и создания программ профилактики.

Литература

1. Sheldon P. (2012) Profiling the non-users: Examination of life-position indicators, sensationseeking, shyness, and loneliness among users and non-users of social network sites. *Computers in Human Behavior*, 28 (5), 1960–1965.
2. Andreassen, C.S., Billieux, J., Griffiths, M.D., Kuss, D.J., Demetrovics, Z., Mazzoni, E., & Pallesen, S. (2016). The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study. *Psychology of Addictive Behaviors*, 30(2), 252–262.
3. Bányaí, F., Zsila, Á., Király, O., Maraz, A., Elekes, Z., Griffiths, M.D., Demetrovics, Z. (2017). Problematic social media use: Results from a large-scale nationally representative adolescent sample. *PLoS One*, 12, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0169839>.
4. Andreassen, C.S. (2012) Development of a Facebook Addiction Scale. *Psychological Reports*, 110, 2, 501–517.

5. *Camilla Wasserman, Christina W. Hoven, Vita Poštuvan* (2010). Saving and Empowering Young Lives in Europe (SEYLE): a randomized controlled trial, *BMC Public Health*, 10, doi: 10.1186/1471-2458-12-776.
6. *Cohen J.* (1988). *Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences*. 2nd ed. Hillsdale, NJ : Erlbaum.

Макашова А.В.,

Алтайский государственный университет

СПОСОБНОСТЬ ОРИЕНТИРОВКИ В ПОНИМАНИИ И ПРИМЕНЕНИИ ЛОЖНЫХ УБЕЖДЕНИЙ У ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

На сегодняшний день необходимым условием социального познания является понимание того, что каждый человек имеет свое собственное представление о мире, которое может отличаться от нашего, имея другие намерения, убеждения, мнения, мысли и чувства. Модель психического демонстрирует свою актуальность в изучении процессов социального познания. Модель психического понимается как система концептуализации знаний о собственном психическом и психическом других людей, которая позволяет предсказывать, прогнозировать и объяснять поведение другого человека [3]. С помощью модели психического мы способны сделать вывод о ментальных состояниях другого.

В современной науке наиболее частым конструктом для исследования «модели психического» являются ложные убеждения [1]. Ребенок, понимающий ложное убеждение, понимает природу взаимоотношений между репрезентацией психического и репрезентацией реальности, даже когда

они отличаются друг от друга. А именно насколько ребенок способен опираться не только на свои собственные убеждения, интересы, но и на представления о знании убеждений и намерений другого человека, является тем механизмом, без которого понимание обмана невозможно [2].

Если ребенок не преодолевает эту эгоцентрическую позицию, если не способен дистанцироваться от собственных убеждений, то это является важным индикатором модели психического, который можно проследить в понимании ложных намерений и способности обмануть другого- именно этот факт делает исследование актуальным, ведь проблема способности применения ложных убеждений у детей с задержкой психического развития на сегодняшний день является малоизученной.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что дети с задержкой психического развития значительно реже используют обман и ложные убеждения в отличии от группы детей с нормативным уровнем развития.

Процедура

Эмпирическую выборку исследования составили 64 ребенка дошкольного возраста от 5 до 6 лет. Из них: 32 ребенка дошкольного возраста, посещающие группы компенсирующей направленности. Все дети, составившие выборку, имеют диагноз задержки психического развития F80-F89 по МКБ-10. Выборку контраста составили 32 дошкольника, соответствующие возрастной норме развития.

Методы

В первой серии группам детей дошкольного возраста была предоставлена ситуация выбора одной монеты из нескольких: ненастоящие и настоящие разных размеров. Ненастоящая (шоколадная монета в обертке, которая похожа на настоящую) добавлена в данную игру с целью проверки детей, смогут ли они распознать и отличить «ложную» среди обычных?

После выбора ребенок должен был спрятать предмет в кулаке левой или правой руки, а также требовалось не показывать экспериментатору, в какой руке прячет монету. Когда ведущий задавал итоговый вопрос: «В каком кулаке у тебя монета?», детям было необходимо ложно указать на ту руку, где ничего не находилось.

Во второй серии было предложено спрятать игрушку в одной из трех небольших коробок так, чтобы экспериментатор не знал, где именно она находится. Ребенку было разрешено прятать предмет в любую коробку и переставлять их в выбранном порядке. Экспериментатором был задан вопрос о том, в какой именно коробке находится игрушка. Соответственно детям также было необходимо «обмануть» экспериментатора, показав на пустую коробку.

Результаты

При помощи дисперсионного анализа было выявлено статистически достоверно, что дети с диагнозом задержки психического развития не только не способны применить ложные убеждения в ситуации игры, но и понять природу обмана – данный факт свидетельствует о неумении на данном этапе анализировать человеческие контакты и их значения, возможности манипуляции мнениями, желаниями, убеждениями других. Данные основывались на серии заданий: со спрятанной игрушкой в коробках (Критерий Ливня = 0,074, $p = 0,787$, $F = 131,89$, $p = 0,0001$) и с заданием спрятать монетку в кулачке (Критерий Ливня = 11,77, $p = 0,111$; $F = 11,342$, $p = 0,001$).

В ходе проведения эксперимента у детей, соответствующих возрастной норме развития, не возникло сложностей применить ложные убеждения в игровой форме, но важно отметить, что дети из данной группы перед совершением обмана, уточняли, является ли это правилом игры. Развитие понимания обмана свидетельствует о развитии «модели психического» как когнитивного феномена. Ребенок, знающий о возможности обмана и успешно распознающий обман, понимает отличия между репрезентацией собственных психических феноменов и психического Других относительно реальной ситуации.

Литература

1. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 415с.
2. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И. Понимание обмана детьми дошкольного возраста // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 54–65.
3. Tomasello M. A Natural History of Human Morality. Harvard: University Press, 2016. P. 208.

Мудрук А.А.,

Алтайский государственный университет

АЙТРЕКИНГ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕФИЦИТА СОВМЕСТНОГО ВНИМАНИЯ

Необходимое условие для развития социально-когнитивных процессов у ребенка – совместное внимание [1]. Совместное внимание – это способность субъекта фокусировать внимание на том же объекте, что и другой субъект за счет прослеживания направления взгляда. Оно возникает ввиду способности ребенка интегрировать информацию о себе и другом человеке, об объединении своих намерений и намерений другого человека по отношению к внешнему объекту [2].

В случае нормативного развития ребенок осуществляет слежение за направлением взгляда взрослого и корректировку взгляда при первоначальном неудачном прослеживании. Дети с атипичным развитием имеют трудности в инициировании совместного внимания и отслеживании направления фокуса внимания другого человека [3].

Сегодня в психологии накоплено достаточно знаний о процессе совместного внимания у детей нормативного раз-

© Мудрук А.А., 2020

вития и с отклонениями аутизма. Но также существует проблема малой изученности совместного внимания у детей других клинических групп атипичного развития. Малая изученность у детей с ЗПР, задержкой речи, нарушением слуха и нарушением зрения. Отсутствие сравнительных профилей по этим группам. Это делает данное исследование достаточно актуальным.

Современные технологии слежения за взглядом человека (айтрекинг) позволяют отследить зоны интереса и маршруты фиксации взгляда субъекта, получить достоверную информацию о том, на чем именно фокусировалось внимание. Использование айтрекера для исследования совместного внимания поможет выявить тонкости фиксации и построения маршрутов слежения за взглядом у дошкольников разных клинических групп атипичного развития, составить сравнительный анализ по специфике совместного внимания в этих группах, что позволит увидеть симптомы протекания нормативного и патологического совместного внимания, выделить их специфику и отличия.

Цель исследования: обнаружение методом регистрации движения глаз специфики зон интереса и маршрутов фиксации взгляда дошкольников в эпизодах совместного внимания со взрослым.

Выборка исследования

Выборку исследования составили дошкольники 5–7 лет (средний возраст 6 лет 2 месяца) разных нозологических групп:

- типично развивающиеся дошкольники (n = 20),
- дошкольники с задержкой психического развития (класс F83 по МКБ-10) (n = 20),
- дошкольники с задержкой речевого развития (класс R47 по МКБ-10) (n = 20),
- дошкольники с нарушением слуха (сенсоневральной тугоухостью, класс H90 по МКБ-10) (n = 10);
- дошкольники с нарушением зрения (с амблиопией и косоглазием, класс H53 по МКБ-10) (n = 20).

Диагноз детям поставлен по итогам прохождения территориальной медико-психолого-педагогической комиссии.

Методы

В первой серии на столе перед ребенком ставились 2 разные игрушки. После ему в игровой форме предлагалось проследить за направлением взгляда экспериментатора и угадать (указать пальцем), какой предмет он хочет выбрать. Процедура повторялась 5 раз, в каждом из которых экспериментатор менял направление взгляда произвольным образом на разные игрушки. Фиксировалось количество правильных угадываний.

Во второй серии происходила смена ролей. Ребенок указывал взглядом на игрушку, а взрослый отгадывал. Фиксировалось количество успехов в иницировании совместного внимания ребенка.

Движения глаз регистрировались портативным айтрекером Pupil Headset – Plabs (в форме очков, бинокулярное исполнение).

Результаты

Анализ тепловых карт, стратегий слежения взгляда и маршрутов сканирования объектов в ситуации совместного внимания у детей с типичным и атипичным развитием привел к выводу о наличии универсальных и специфичных для определенной клинической группы симптоматики проявлений нарушения механизма совместного внимания. Маркерами этого нарушения являются: трудности следования за взглядом, опережающие действия угадывания, рассредоточенность зон интереса и фиксации, а также снижение их точности.

Удалось зафиксировать внутрииндивидуальную и межиндивидуальную изменчивость посещения определенных областей интереса, а также показатели синхронного взгляда в эпизодах совместного внимания.

На картах видны различия в предпочитаемом предмете восприятия, в способе установления совместного внимания, в смене траектории слежения за направлением взгляда партнера.

Можно предположить, что специфика дефицита совместного внимания будет проявляться в нарушениях отдельных

его компонентах: следовании за взором партнера по общению, фиксации на объекте, предпочтении социальных стимулов нейтральным.

Литература

1. *Mundy, P., Block, J., Delgado, C., Pomares, Y., Hecke, A.V., Parlade, M.V.* (2007). Individual differences and the development of joint attention in infancy. *Child Dev*, 78(3), 938.
2. *Hobson, R.P.* (2005). What puts the jointness in joint attention? *Joint attention: Communication and other minds*. Ed. by J. Roessler. Oxford: Oxford University Press, 204.
3. *Dawson, G., Levy, A.* (1989). Arousel, attention, and socioemotional impairments of individual with autism, nature, diagnosis and treatment. New York: The Guilford press, 74.

Гаврилова М.Н.,

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

ВКЛАД ХАРАКТЕРИСТИК ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЫ ДЕТСКОГО САДА В РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНОЙ ГИБКОСТИ ДЕТЕЙ

В исследовании был проанализирован вклад характеристик предметной среды детского сада в развитие такого компонента регуляторных функций как когнитивная гибкость у детей в возрасте 5-6 лет. Оценка качества среды в детских садах является одним из активно развивающихся направлений в современных психологических исследованиях (Белолуцкая, 2018; Веракса, Веракса, 2011). Ранее были обнаружены свидетельства в пользу снижения риска возможных проблем с поведением и обучением детей, при условии наличия у них опыта посещения детского сада с высоким уровнем качества

© Гаврилова М.Н., 2020

образовательной среды (напр., Jeon, 2010, Namre et.al., 2014 Mashburn et.al., 2008).

В рамках данного проекта была проведена количественная оценка и анализ вклада характеристик предметной среды детских садов с целью выявления тех показателей, которые обладают наибольшим значением в развитии когнитивной гибкости у детей.

Гипотезой исследования являлось предположение о том, что изменение характеристик предметной среды в группах детских садов значимо связано с показателями когнитивной гибкости у детей дошкольного возраста.

Выборка

В исследовании приняли участие 706 детей в возрасте 5-6 лет, которые являются воспитанниками 33 старших групп детских садов. Из них 357 (50,6%) мальчиков и 349 (49,4%) девочек.

Методы

Для оценки особенностей предметной среды детских садов были применены Шкалы комплексной оценки качества образования в дошкольных образовательных организациях ECERS-R (Harms, 2005). Данный инструмент позволяет получить дифференцированные оценки по 7 показателям качества среды: Пространство и его обустройство, Уход за детьми, Речь и мышление, Детская активность, Взаимодействие, Структурирование программы, Родители и персонал. В соответствии с целями исследования, в данной работе нами были проанализированы только оценки по шкале Пространство и его обустройство. В данную шкалу входят оценки по 7 показателям предметной среды детского сада: Внутреннее помещение; Мебель для ежедневного ухода; игр и учения; Предметы обстановки для отдыха и комфорта; Обустройство пространства для игр; Места для уединения; Связанное с детьми оформление пространства; Пространство для игр, развивающих крупную моторику; Оборудование для развития крупной моторики.

Диагностика когнитивной гибкости детей была произведена с использованием методики Dimensional Change Card Sorting (Zelazo, 2006). Для оценки невербального интеллекта детей была применена методика Цветные Прогрессивные Матрицы Равена (Raven, 1991).

Результаты

Анализ данных путем построения модели линейной регрессии позволил выявить характеристики предметной среды детского сада, которые выступают статистически значимыми предикторами развития когнитивной гибкости у детей. Среди таких показателей наибольшим весом обладают Оборудование для развития крупной моторики и Предметы обстановки для отдыха и комфорта. Таким образом, полученные нами результаты подтверждают гипотезу данного исследования о том, что изменение характеристик предметной среды в группах детских садов значимо связано с показателями когнитивной гибкости у детей дошкольного возраста.»

Борисова Е.Н.,

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К СТРЕССУ И ЕГО СВЯЗЬ С РЕЗУЛЬТАТАМИ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНОВ АБИТУРИЕНТОВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ ЛОМОНОСОВА

Современные люди все чаще сталкиваются с воздействием стресса, который оказывает на них сильное влияние. В последнее время все более популярной становится идея о том,

© Борисова Е.Н., 2020

что не столько стресс сам по себе приводит к негативным изменениям в организме человека, в том числе и к снижению его когнитивных возможностей, сколько отношение к переживаемому состоянию напряженности [1, 2, 3]. Этот эффект был показан, в том числе, на студентах, готовящихся к экзаменам, где академические испытания выступали естественной моделью стрессового воздействия [2, 3].

Целью данного исследования являлась проверка предположения о том, что субъективное отношение к стрессу может оказывать влияние на академическую успешность.

Наша гипотеза состояла в том, что позитивное отношение к стрессу связано со способностью успешнее сдавать выпускные экзамены (ЕГЭ).

Отношение к стрессу измерялось с помощью методики исследования субъективного отношения к стрессу (Stress Mindset Measure Crum A. J., в адаптации Н. А. Лебедевой). Методика проводилась при личной встрече с каждым респондентом. Выполнение методики у респондента занимало около 15 минут. В качестве академических испытаний, вызывающих состояние напряженности, выступали формы итоговой аттестации (ЕГЭ) и дополнительных вступительных испытаний (ДВИ). Также были собраны результаты экзаменов каждого из абитуриентов: результаты ЕГЭ по русскому языку, математике, биологии и ДВИ по биологии.

Выборка исследования составляла 38 человек, из них 33 женщины, 5 мужчин. Средний возраст испытуемых – 17,8 лет. Выборку составили абитуриенты факультета психологии Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова в 2018 году. С целью проверки поставленной гипотезы был проведен корреляционный анализ по методу ранговой корреляции Спирмена.

Были выявлены значимые положительные корреляции между «Шкалой позитивного отношения к стрессу» и результатами ЕГЭ по математике и биологии, а также обратная корреляция между «Шкалой отрицательного отношения к стрессу» и результатами ЕГЭ по математике. Не было обнаружено значимых корреляций между шкалами методики и результатами ЕГЭ по русскому языку, а также ДВИ по биологии.

Корреляции, выявленные в процессе работы, показывают связь между успешностью сдачи ЕГЭ по математике и по биологии, но не выявляет связь с результатами экзамена по русскому языку. Возможных причин этому несколько.

Первое объяснение – индивидуальные особенности абитуриентов факультета психологии. Второе – особенности самих заданий ЕГЭ.

Если посмотреть на средние баллы ЕГЭ, то для русского языка средний балл самый высокий по сравнению с остальными экзаменами и в абсолютных значениях это высокий уровень баллов по ЕГЭ, с низкой дисперсией признака. Результаты по биологии по 100-балльной шкале находятся на уровне выше средних значений, и разброс баллов увеличивается. В ЕГЭ по математике средний балл ниже, чем по другим экзаменам и разброс баллов также гораздо выше, чем для ЕГЭ по русскому.

Абитуриенты, выбирающие для поступления факультет психологии, могут обладать выраженными гуманитарными способностями, а значит, именно эти способности могут быть наиболее постоянны в условиях испытываемого ими стресса. Если это так, то у абитуриентов, например, физико-технического направления не будет связи субъективного отношения и ЕГЭ по математике, но, возможно, будет связь с непрофильным экзаменом по русскому языку.

Еще одним возможным объяснением может быть то, что разные экзамены несут в себе разный «стрессовый вклад», т.е. субъективно воспринимаемую сложность сдачи определенного экзамена. Есть предположение, что, поскольку технические науки более требовательны к форме представления данных, где ошибка в вычислениях приводит к неверному ответу, независимо от хода мыслей, то они оказывают большее «стрессорное» воздействие, в то время как гуманитарные предметы воспринимаются абитуриентом легче из-за большей вариативности в форме выражения мыслей, а экзамен по биологии представляет собой средний вариант. В таком случае, на другой выборке должна выявиться схожая закономерность.

В дальнейшем мы планируем расширить выборку и провести данное исследование на группе абитуриентов, обучаю-

щихся на разных направлениях подготовки. Также в планах включить в исследование опросник степени стресса, что позволит изучить связь степени стресса, субъективного отношения к стрессу и результатов экзаменов.

Литература

1. *Crum, A.J., Salovey, P., & Achor, S.* (2013). Rethinking stress: The role of mindsets in determining the stress response. *Journal of personality and social psychology*, 104(4), 716.
2. *Jamieson, J.P., Mendes, W.B., Blackstock, E., & Schmader, T.* (2010). Turning the knots in your stomach into bows: Reappraising arousal improves performance on the GRE. *Journal of Experimental Social Psychology*, 46(1), 208-212.
3. *Sun-Kyüng, L., Wi-Young, S., & Dong Jun, S.* (2015). Association between chronic mental stress and academic performance among korean adolescents. *Universitas Psychologica*, 14(3), 967-974.

Подготовлено в соответствии с макетом,
предоставленным оргкомитетом конференции

Ответственный редактор *Е.С. Горбунова*
Верстка и дизайн *А.М. Моисеева*

Подписано к использованию 20.06.2020.
1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.
Тираж 10 копий. Объем 2,5 МВ.

Редакционно-издательский дом
Российского нового университета
111024, г. Москва, Авиамоторная ул., д. 55, корп. 31, офис 305
Тел. +7 (495) 221-50-16
Электронная почта: universitas@mail.ru

По вопросам приобретения и издания литературы
обращаться по адресу:
111024, г. Москва, ул. Авиамоторная,
д. 55, корп. 31 (495) 981-51-12, 221-50-16
Электронная почта: universitas@mail.ru
Дополнительная информация на сайте: www.logosbook.ru